

Д. М. УГРИНОВИЧ

ОБРЯДЫ ЗА И ПРОТИВ

Д.М. УГРИНОВИЧ

ОБРЯДЫ ЗА И ПРОТИВ

Издательство
политической
литературы
Москва 1975

Угринович Д. М.

У27 Обряды. За и против. М., Политиздат,
1975.

175 с.

Доктор философских наук Д. М. Угринович, автор многих книг, посвященных социологии и психологии религии, в своей новой работе стремится выявить социальную сущность обряда, показать, что безрелигиозные обряды на протяжении веков играли важную роль в передаче социального опыта новым поколениям. Значительное место в книге занимает рассказ о новых традициях, новых ритуалах, которые входят в жизнь советских людей.

Издание рассчитано на широкий круг пропагандистов, лекторов, работников культуры, занимающихся проблемами атеистического воспитания, становления новой, социалистической обрядности.

У $\frac{10509-224}{079(02)-75}$ 307-75

39 + 2

ДИАЛОГ ОБ ОБРЯДЕ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

В последние годы в нашей печати нередко возникали дискуссии, касающиеся природы обрядов и их места в социалистическом обществе. Еще чаще дискуссии велись в устной форме. Приходилось участвовать в спорах и автору настоящей книги. Думается, что лучший способ ввести читателя в суть проблемы — начать книгу с воображаемой дискуссии, в которой будут изложены в обобщенном виде аргументы как противников, так и защитников современных обрядов. Итак, диалог об обряде. Действующие лица — противник обрядов (Первый) и защитник современных обрядов (Второй).

Первый. Вы хотите обсудить вопрос об обрядах в нашу эпоху, о том, насколько они необходимы и уместны? Что же, извольте, я готов. Хотя сразу же хочу заметить, что предмет спора отнюдь не кажется мне важным и заслуживающим особого внимания. В жизни нашего общества существует немало острых и важных вопросов, решение которых могло бы действительно принести пользу. Спор об обряде, на мой взгляд, вряд ли относится к их числу. Впрочем, готов высказать свое мнение.

Второй. С интересом готов слушать.

Первый. Обряд — это явление, принадлежащее прошлому. И попытки воскресить обряды в условиях социализма носят искусственный характер, они неизбежно окончатся неудачей.

Вспомните, когда обряд безраздельно господствовал в обществе? Это было на заре человеческой истории, в первобытную эпоху. Этнографы и социологи показали, что в период, когда отсутствовала письменность, обряд был важнейшим каналом, обеспечивавшим передачу новым поколениям людей норм поведения и основных идей, сплачивавших первобытную общину, укреплявших ее единство. По мере развития

общества, по мере совершенствования путей и средств передачи культуры новым поколениям уменьшалась и роль обрядов. Сравните, например, феодальное общество и капитализм. В условиях феодализма ритуализация социальной жизни была все еще весьма значительной. Она осуществлялась церковью, которая формировала сложную систему обрядовых норм и установлений, регламентировавших каждый шаг средневекового человека. Иное — при капитализме. Постоянное изменение социальных условий жизни, быта, труда, проведения досуга делает при буржуазном строе обряды анахронизмом. Не случайно церковники сетуют на то, что прихожане в капиталистических странах перестали посещать церкви.

Второй. Я вас перебыю. Церкви в буржуазных странах посещает все еще немало людей. Например, в США в 1970 году посещало воскресные богослужения более 40% населения. Но продолжайте, пожалуйста.

Первый. Я продолжаю. Чем более динамичным является общество, тем меньшую роль в нем играет обряд. И поскольку социалистическое общество является наиболее динамичной социальной системой, постольку обряды в нем, несомненно, будут сходиться на нет. Какой смысл воскрешать обветшалые ритуалы бабушек и дедушек, когда в нашем распоряжении имеются все технические и социальные возможности для передачи знаний новым поколениям, для безграничного совершенствования их способностей, для их полнокровной эмоциональной жизни? Нет, обряды при социализме исчезнут так же, как исчезла лучина или соха в деревне.

Второй. Значит, насколько я вас понял, вы считаете, что обряды при социализме не могут существовать, поскольку условия жизни людей меняются очень быстро?

Первый. Да, прежде всего поэтому, но не только. Известно, что обряды в течение тысячелетий были связаны с религией, с церковью. Случайна ли эта связь? Думаю, что нет. Обряд — это социальное явление, неразрывно сросшееся с религией. Обрядовая форма наилучшим образом приспособлена для выра-

жения религиозного содержания, религиозных верований, образов и символов. Наука в наш век заменяет религиозный взгляд на мир. А научное мировоззрение требует иных форм выражения, чем обряд. Разве не смешны были бы попытки выразить научные и философские законы в ритуальных формах? Обряд есть специфическая форма выражения религиозных идей, и он уйдет в прошлое вместе с религией.

Второй. Что же, ваши аргументы достаточно серьезны и заслуживают обстоятельного рассмотрения.

Начнем с первого аргумента. Я думаю, что в ходе рассуждений вы сделали логическую ошибку, которую обычно называют подменой тезиса. Я в общем и целом согласен с тем, что социальный прогресс, быстрое изменение условий жизни людей ведут к определенному сужению сферы обрядов, к уменьшению их роли в жизни общества и отдельной личности. Конечно, степень ритуализации социальной жизни в первобытную эпоху и даже в эпоху средневековья была значительно большей, чем в современном социалистическом обществе. Но из этого верного тезиса не следует вывод, что обряды вообще не нужны при социализме и что они неизбежно исчезнут по мере его развития.

Для того чтобы правильно решить вопрос о месте обрядов в социалистическом обществе, нужно прежде всего выяснить, какова специфика обряда, какие общественные потребности его породили. Обряд, на мой взгляд, можно определить как особое коллективное символическое действие, целью которого является возбуждение в его участниках определенных идей, образов, представлений и чувств.

Вы согласны с этим определением?

Первый. Думаю, что оно односторонне. Обряд вряд ли можно определять в отрыве от обычаев и традиций.

Второй. Но это определение не предполагает никакого «отрыва» обряда от обычаев и традиций. Обряд тесно связан с обычаями и традициями и, как правило, выступает в качестве их элемента. Однако связь с обычаями и традициями отнюдь не лишает его специфики, которая выделяет его среди других

«традиционных» явлений. На эту специфику и указывает мое определение.

Кстати, если связывать обряды с обычаями и традициями, то особенно ясной становится несостоятельность вашего вывода о неизбежности исчезновения обрядов в социалистическом обществе.

Первый. Почему же?

Второй. Если вы утверждаете, что динамизм общественной жизни в социалистическом обществе ведет к исчезновению обрядов, то логично было бы одновременно заявить и об исчезновении при социализме обычаев и традиций.

Первый. Что касается обычаев, я думаю, что наша эпоха также ведет к их постепенному отмиранию. Сложнее обстоит дело с традициями. Ведь понятие «традиция» очень широко и включает в себя многие аспекты преемственности в развитии культуры, которые сохраняют свое значение и в социалистическом обществе.

Второй. Мы видим, что вопрос о судьбах обряда теснейшим образом связан с другими социологическими проблемами, в частности с пониманием традиций и обычаев. Но я хочу вернуться непосредственно к предмету нашего спора. Чтобы ответить на вопрос, будет ли существовать обряд в социалистическом и коммунистическом обществе, следует, на мой взгляд, прежде всего выяснить, какая общественная потребность вызвала обряд к жизни и сохраняется ли эта потребность в нашем обществе.

Первый. Какова же эта потребность?

Второй. Существует насущная необходимость в том, чтобы в определенные моменты жизни человеческого общества, социальной группы, коллектива, семьи их члены совместно осознали, пережили и почувствовали общность своих целей, интересов, идей, побуждающих их к деятельности. С помощью обряда социальные идеи не только осознаются, но и совместно переживаются, вызывая глубокие чувства. Потребность в обрядовом оформлении важных событий ощущается в любом обществе и реализуется обязательно в системе определенных символических действий. Возьмем, к примеру, наше социалистическое общество. Разве нет у нас потребности в обрядовом

оформлении наиболее значимых событий личной и семейной жизни — рождения ребенка, вступления в брак и т. п.? Но то же самое можно сказать и о важных событиях в жизни страны, партии, всего народа. Отсюда необходимость в обрядовом оформлении советских праздников, памятных дат. Выходит, что потребность в обрядах при социализме отнюдь не исчезает, несмотря на динамизм социальной жизни. Следует при этом учитывать, что никакой динамизм не исключает и не может исключить из жизни общества, социальных групп и семьи определенную повторяемость. А раз есть повторяемость, значит, сохраняется почва и для стереотипов поведения, в том числе и обрядов.

Первый. Значит, в основе существования обрядов лежит, по-вашему, чисто психологическая потребность в совместных эмоциональных переживаниях?

Второй. Не совсем так. Необходимость обрядового оформления существенных для общества, социальной группы или семьи событий — это не индивидуально-психологическая потребность отдельного человека, а общественная потребность, потребность социальной системы или социальной группы. Конечно, эта социальная потребность по-своему преломляется в сознании и поведении отдельного человека. Но это вполне закономерно, ибо каждая личность есть своеобразная персонификация существующих социальных отношений. Будучи индивидуальной и неповторимой, любая личность всегда конденсирует в себе черты эпохи, класса, социальной и профессиональной группы.

Первый. А разве эта потребность обязательно должна выражаться в традиционной форме обряда, который, как я уже говорил, тесно связан с религией?

Второй. Что же, обратимся ко второму вашему аргументу — тезису о неразрывной связи обряда и религии. Это мнение, к сожалению, довольно распространено и совсем недавно нашло свое отражение в научной литературе. Авторы одной из коллективных работ полагают, что «обрядность возникла как стремление несвободного человека поставить над собой таинственные церемонии, которые бы своим эмоцио-

нальным воздействием заменили несовершенный процесс познания окружающего мира и своих отношений с другими людьми...». По их мнению, «эту функцию влияния посредством эмоций, а не с помощью разума, обряды, ритуалы выполняют и сейчас». На этом основании они приходят к общему выводу, что «для свободного человека сам принцип обряда недопустим».

На этом примере особенно четко видно, как отождествление обрядов вообще с религиозно-магическими ритуалами ведет к выводу о ненужности обрядов и даже их вредности в условиях социализма. Между тем ложной является исходная посылка всей цепи рассуждений — подмена понятия «обряд» понятием «религиозный обряд».

Если вы внимательно изучите историю обрядности различных народов, то увидите, что взаимоотношения народного обряда и религии носят сложный и противоречивый характер. С одной стороны, обряды на протяжении многих веков необходимо включали в себя элементы религии, испытывали на себе сильнейшее воздействие церкви; с другой стороны, потребность в обрядах существовала независимо от религии; эта потребность нередко реализовалась в системе народных обрядов, которые не только носили безрелигиозный характер, но и были прямо направлены против религии, насаждавшейся церковью и господствующими классами. Вспомним, к примеру, карнавальные обряды в городах Западной Европы в эпоху средневековья, которые пародировали церковные ритуалы. Так что отождествление религиозного культа с обрядами вообще исторически неправомерно.

Вы утверждаете далее, что обряды не являются той формой выражения, которая может быть использована современной наукой. Естественно, современные космогонические представления, в отличие от древних мифов о сотворении мира, вряд ли могут найти обрядовое выражение. Но не следует забывать, что главное содержание обрядов — это социально-нравственные идеи и представления, т. е. представления о должном и справедливом, об идеале человека, о правильных отношениях между людьми в

обществе и в семье. А указанные идеи и представления легко находят и в настоящее время чувственное, наглядное, символическое выражение в обрядовой форме.

Первый. Не могу сказать, что вы меня убедили. Ясно одно: проблема обряда может быть правильно решена только в связи с выяснением целого комплекса социологических проблем.

Второй. В этом пункте я целиком с вами согласен. Думаю, что правильное решение проблемы обряда требует учета двух основных моментов. Во-первых, необходимо с позиций марксистской методологии изучить происхождение и историю обрядов, выявить их место в различных общественных формациях и их социальные функции. Помните, как В. И. Ленин в лекции «О государстве» говорил, что подойти к любому социальному вопросу с научной точки зрения — значит не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь. Только такой исторический подход к обряду может вскрыть сложную диалектику его развития, выявить, что в истории обрядности отражало своеобразие той или иной эпохи, а что порождалось общими социальными потребностями людей, свойственными им в любое время.

Другой момент, о котором мы с вами пока что не упоминали, — это современная социальная практика, опыт существования и развития советской обрядности, а также обрядности в других социалистических странах.

Не кажется ли вам, что наш спор носит несколько отвлеченный, чисто теоретический характер? Давайте обратимся к реальным фактам и посмотрим, насколько нуждаются в обрядах люди, живущие в условиях социализма.

Первый. Только не будем считать решающим аргументом отдельные примеры. Вспомним ленинские слова о фактах и «фактиках», о том, что для выяснения какого-либо вопроса необходимо брать факты!

«В их целом, в их связи», что необходимо не выхватывание отдельных «фактиков», не «игра в примеры», а рассмотрение всей совокупности относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения.

* *
*

Учтя пожелания участников этого диалога, автор приступает к делу. Постараемся, во-первых, изучить социальную природу обряда, его место в обществе и социальные функции; во-вторых, выяснить, в чем состоят основные особенности религиозных обрядов, как обрядность влияет на людей; наконец, в-третьих, исследовать опыт советской обрядности, выяснить перспективы ее развития.

ОБРЯД КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Бывает так, что существующие многие века и тысячелетия социальные явления, которые вошли в быт, в повседневность и кажутся чем-то привычным, естественным, в течение длительного периода не имеют научного объяснения. Так, тысячи лет люди обменивались товарами, чеканили и использовали деньги. Научное же объяснение товара и денег было впервые дано К. Марксом в середине XIX века.

Нечто подобное происходило и с обрядом. И не случайно. Правильно объяснить, что собой представляет обряд, можно лишь тогда, когда существует научное понимание общества в целом. Вот почему прежде, чем вести разговор об обряде, вспомним, каковы особенности развития человеческого общества, на чем зиждется преемственность поколений.

КУЛЬТУРА И ФОРМЫ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ НОВЫМ ПОКОЛЕНИЯМ

Если использовать термины кибернетики, то можно сказать, что общество представляет собой специфический вид самоорганизующихся систем, т. е. систем, которые постоянно воспроизводят, воссоздают себя в процессе взаимодействия со средой. К их числу относятся живые организмы, общество, а также искусственные кибернетические устройства. Эти системы обладают способностью не только к самосохранению, самовоспроизводству, но и к усложнению, развитию, совершенствованию. Их совершенствование может происходить лишь на основе сохранения и усложнения достигнутого уровня организации. Иначе говоря, в развитии таких систем существует определенная преемственность, удержание достигнутых результатов. Без преемственности невозможен

прогресс как усложнение и совершенствование системы.

В различных самоорганизующихся системах преемственность достигается разными путями, разными способами. Сравним в этой связи два типа самоорганизующихся систем — биологический вид и человеческое общество.

Биологический вид (вид животных, растений) сохраняется, воспроизводится и развивается, несмотря на смену поколений составляющих его особей. Поколения растений или животных живут и умирают, но вид как особая система биологической организации воспроизводится и развивается благодаря сохранению и передаче той информации, которая закодирована в генах, хромосомах.

Таким образом, сохранение биологического вида и его последующее развитие обеспечиваются механизмом биологической наследственности.

Человеческое общество также сохраняется, воспроизводится и развивается, несмотря на смену поколений людей, которые его образуют. Но каким образом обеспечивается сохранение и развитие общества?

Преемственность поколений, лежащая в основе воспроизводства и совершенствования общества, уже не обеспечивается механизмом биологической наследственности. Механизм биологической наследственности хотя и присутствует и играет определенную роль, но не является основой социального прогресса. Развитие общества происходит не благодаря изменению организма людей, его совершенствованию, а иным путем.

Каким же именно?

Этот путь — общественная производственная деятельность и обусловленные ею новые формы общения людей.

Животные пассивно приспосабливаются к среде, воспроизводя себя как биологические существа. Человек активно преобразует природу и использует ее для удовлетворения своих потребностей. Создавая и применяя средства труда, человек не только приобрел принципиально новые возможности для удовлетворения своих потребностей, но и одновременно

создал новую объективную, предметную основу для сохранения и воспроизводства достигнутого уровня производственной деятельности.

Средства труда являются предметной, внешней для самого человека формой передачи его социального опыта, его культуры. Таким образом, в обществе существует специфический механизм преемственности поколений людей, механизм, который имеет своей основой передачу новым поколениям средств труда и овеществленных в них определенных способов человеческой деятельности.

Здесь мы подошли к чрезвычайно важному понятию культуры. Идеалисты до сих пор упорно отстаивают ложное, ограниченное понимание культуры, полагая, что основу культуры любого общества составляет духовная деятельность людей и ее продукты: наука, искусство, философия и т. п. Марксисты отнюдь не отрицают важнейшей роли духовной культуры в жизни людей. Они полагают, однако, что сведение культуры только к духовной, умственной деятельности людей дает поверхностную, неглубокую и, следовательно, искаженную картину развития человечества, не позволяющую выявить самые глубокие, коренные закономерности развития общества.

С марксистских позиций культуру можно было бы определить как способы деятельности людей, умения, навыки, знания и способности, которые воплощены (объективированы) в средствах труда, в иных предметах, а также в системах знаков (язык и др.), используемых человеком, которыми овладевает отдельный индивид в процессе его воспитания и обучения.

Поясним это определение несколько подробнее. Прежде всего следует подчеркнуть, что объективной основой существования и передачи как материальной, так и духовной культуры являются определенные материальные объекты. В сфере материальной культуры такими объектами выступают прежде всего средства (орудия) труда. Прогресс цивилизации определялся и определяется в первую очередь овладением новыми средствами труда. Не случайно древние исторические эпохи различают в зависимости от того материала, из которого изготавливались

орудия,— каменный век, бронзовый век, век железа. Отметим также, что важнейшей технической предпосылкой промышленной революции, совершившейся в Европе в XIX веке, К. Маркс считал создание машины¹.

Итак, средства труда в любом обществе — это главный объективный носитель материальной культуры. Их передача новым поколениям, их освоение и умножение — основа технического, социального и научного прогресса.

Марксизм показал, что между материальной культурой той или иной эпохи и ее духовной культурой существует определенная взаимосвязь. В отличие от сторонников так называемого технологического детерминизма (У. Ростоу и др.), марксизм отнюдь не считает, что уровень развития производства непосредственно определяет содержание и специфику духовной культуры. Определяющую роль в развитии духовной культуры играют производственные отношения, которые существуют в обществе независимо от сознания человека и в системе которых формируются объективные социальные интересы людей, их потребности и мотивы поведения. Объективные социальные интересы играют решающую роль в «производстве идей», т. е. в создании людьми тех или иных идеологических систем, моральных норм, ценностей и идеалов.

Не только у материальной, но и у духовной культуры человечества есть свои объективные носители, обеспечивающие ее передачу новым поколениям. В сфере духовной культуры такими носителями выступают определенные знаковые системы, прежде всего язык. Закодированная в словах, формулах и иных системах знаков информация может сохраняться в обществе неограниченное время.

Для каждого отдельного человека овладение накопленной человечеством культурой происходит в двух основных направлениях. Во-первых, он осваивает мир предметов, созданных людьми, и овладевает теми способами деятельности, которые связаны с использованием этих предметов (так, ребенок учит-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 382—515.

ся у окружающих пить из стакана, есть ложкой, забивать гвозди молотком и т. п.; позднее, став взрослым, он учится управлять станком, автомашиной и т. п.). Во-вторых, он овладевает созданными людьми знаковыми системами и благодаря этому делает первые необходимые шаги на пути приобщения к духовной культуре (так, ребенок учится читать, писать, овладевает математическими знаками и формулами и т. п.)¹.

Человеческая культура предполагает не просто существование материальных ее носителей, но прежде всего наличие людей, которые овладели способами деятельности, закодированными в материальных объектах. Машина, которую никто не использует, превращается в ржавую грудю железа. Содержание рукописи на неизвестном людям языке не может быть ими воспринято. В обоих случаях эти объекты перестают быть реально функционирующими носителями культуры.

Формы передачи человеческой культуры новым поколениям могут дифференцироваться по-разному, в частности в зависимости от их предметного, материального носителя. Исходя из этого критерия, мы можем зафиксировать существование двух основных форм передачи культуры: 1) орудийной (предметной) и 2) знаковой (языковой). Разумеется, эти две формы тесно связаны между собой, при этом орудийная форма является генетически первичной и определяющей, она образует исходный пункт и основание человеческой истории.

Значительный интерес представляет дифференциация форм передачи культуры в зависимости от способов усвоения и переработки ее новыми поколениями.

Назовем условно одну из форм наследования культуры «традиционной» формой. Главной ее особенностью является сам механизм воспроизведения человеческой деятельности: опыт человеческой деятельности приобретался новыми поколениями не путем усвоения основных принципов или норм этой деятельности, а путем ее копирования, воспроизведе-

¹ См. А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1972, стр. 401—427.

дения целых ее отрезков, «кусков», во всех их деталях и подробностях.

Поясним эту мысль конкретными примерами.

Возьмем сферу трудовой, производственной деятельности. Каким путем происходило обучение трудовым навыкам в семье ремесленника или крестьянина, где господствовал ручной труд? Главным принципом обучения был принцип «делай, как я». Сыновья с детства копировали приемы трудовой деятельности отца, дочери учились у матери. Поскольку ремесленное и крестьянское производство базировалось на ручном труде с применением простейших орудий, труде, основанном либо на мускульной силе человека, либо на использовании домашних животных, его технический базис отличался большой консервативностью. Многие поколения крестьян и ремесленников наследовали те же или почти те же орудия труда, которые приводились в действие отшлифованными многовековой практикой стереотипными движениями. Рутинный характер производственной деятельности позволял усваивать накопленный опыт с помощью простого копирования новыми поколениями производственных приемов и навыков отцов и дедов.

Теперь обратимся к современному механизированному, и в особенности автоматизированному, производству.

Можно выделить две особенности такого производства, резко отличающие его от ручного труда. Во-первых, его технология основана на сознательном применении научных знаний, а не на эмпирических навыках производителя. Маркс писал, что крупная промышленность превратила различные виды общественного производства в «сознательно планомерные, систематически расчлененные, в зависимости от желаемого полезного эффекта, области применения естествознания»¹.

Во-вторых, технический базис машинного производства по своей природе революционен, он постоянно меняется, совершенствуется, развивается. Инженеры, техники, рабочие вынуждены постоянно осваи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 497.

вать новые средства труда, новую технологию, вынуждены в известной мере «переучиваться». Естественно, что в этих условиях преемственность поколений в сфере производства не может базироваться только на копировании навыков и приемов трудовой деятельности предшественников. Подготовка современного рабочего, не говоря уже о техниках и инженерах, требует не только усвоения «опыта отцов», но и сознательного овладения наукой, общего и специального технического образования. Здесь уже мало следовать сложившимся эмпирическим навыкам, нужно сознательно овладеть основными принципами, нормами деятельности и уметь реализовать их в постоянно меняющихся производственных условиях.

Таким образом, современное механизированное и автоматизированное производство все больше вытесняет «традиционные» формы освоения производственной деятельности, заменяя их иными способами овладения материальной культурой. Значит ли это, что «традиционные» формы передачи культуры новым поколениям вообще отжили свой век и что наше, социалистическое общество вообще не нуждается в них? Нет, такой вывод был бы неправильным.

Остановимся подробнее на двух главных «традиционных» формах передачи культуры — обычае и обряде.

ОБЫЧАЙ И ЕГО РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕ

Обычай кратко можно определить как стереотипный способ человеческой деятельности, копируемый новыми поколениями. Обычай возник в первобытную эпоху, когда «традиционные» формы передачи культуры господствовали в обществе безраздельно. Это определялось, с одной стороны, постоянством условий человеческой жизни и деятельности, которые менялись чрезвычайно медленно, а с другой — неразвитостью духовной культуры, слитностью умственного и физического труда, что обуславливало «конкретность» мышления первобытного человека, его неспособность к отделению норм и принципов

деятельности от реального трудового процесса. Обычай был в первобытном обществе да и в последующие эпохи вплоть до возникновения капитализма основным «механизмом» передачи трудовых навыков новым поколениям. Обычай детально регламентировал трудовые действия, строго преследуя любые отклонения от освященного предками стереотипа. Сохранение стабильных условий производственной деятельности делало консерватизм обычая необходимым. Однако консерватизм обычая сразу же обнаруживал свою отрицательную сторону, как только условия трудовой деятельности резко менялись. «Когда индейцев, которые привыкли носить грузы на голове,— пишет американский социолог Богардус,— снабжали тачками и показывали, как ими пользоваться, то они, будучи в тисках обычаев и старых привычек, отказывались возить груженные тачки»¹.

Обычай был важной формой воспроизводства социальных отношений в непродуцированной сфере. Поскольку семейно-бытовые отношения в докапиталистическую эпоху менялись очень медленно, постольку обычай в течение тысячелетий выступал в качестве главной формы регламентации, сохранения и воспроизводства этих отношений. Хотя в классовом обществе возникли правовые нормы как специфический тип регламентации социальных отношений, обычаи продолжали играть важную роль. Единые для всей первобытной общины обычаи, регулировавшие ее жизнедеятельность и сплачивавшие ее членов, сменились в классовом обществе дифференцированной системой обычаев, отделявших один класс или сословие от другого. Классовая противоположность реализовалась и в этой сфере, выступая как противоположность обычаев, нравов, образа жизни. Так, в царской России дворянство культивировало свои обычаи, подчеркивавшие его избранность, «аристократизм», непохожесть на «простолюдинов», купечество — свои, крестьяне же гордились своими обычаями, в которых часто находили конк-

¹ Цит. по сб.: «Вопросы социологии и общественной психологии», вып. 2. М., 1971, стр. 73.

ретное воплощение многие простые нормы нравственности.

В капиталистической системе, когда технические и социальные условия жизни людей меняются с невиданной быстротой, сужается и сфера действия обычаев. Вытеснение рутинного ремесленного и крестьянского труда машинным производством делает сохранение многих трудовых и бытовых обычаев бессмысленным.

Однако утверждение капитализма не означает исчезновения обычаев. Поскольку во многих сферах жизни капиталистического общества сохраняется определенная устойчивость, стабильность, повторяемость, постольку сохраняется и потребность в обычаях как стереотипах поведения. Господствующий в буржуазном обществе класс заинтересован в использовании обычаев как средств воспроизводства и укрепления существующих эксплуататорских отношений. Буржуазия внедряет в массы трудящихся обычаи, проникнутые духом индивидуализма, стяжательства, эгоизма, расовой и национальной нетерпимости, шовинизма. Вспомним обычай, глубоко укоренившийся среди части белого населения США, согласно которому считается «неприличным» проживать в одном доме и даже в одном квартале с неграми и «цветными». Многие обычаи и стереотипы поведения в буржуазном мире основаны на принципе «человек человеку — волк». Стремление разорить и даже уничтожить соперника и конкурента с одинаковой силой проявляется как в обычаях гангстерского мира, так и в обиходе внешне «респектабельных» бизнесменов. Как показал американский писатель О'Генри в известном рассказе «Дороги, которые мы выбираем», нормы поведения гангстера, согласно которым убийство «коллеги» по грабежу считается вполне «законным» и правомерным поступком, принципиально не отличаются от стереотипных норм поведения капиталиста, спокойно и планомерно добивающегося не только разорения, но и физической гибели своих конкурентов.

Социализм преобразует все сферы жизни общества, в том числе и прежние обычаи. Использование уже достигнутого опыта, сохранение и развитие

имеющихся производительных сил, социальных отношений, культуры — закон развития социализма. Социалистическая система предполагает наличие различных типов и форм поведения, сочетание быстро действующих, подвижных и относительно устойчивых, стабильных форм социальной деятельности. Поскольку в некоторых сферах жизни социалистического общества большую роль играет повторяемость конкретных условий жизни и деятельности людей, стабильность их отношений между собой, постольку в этих сферах сохраняет важное значение обычай как специфическая форма передачи социального опыта новым поколениям. Большую роль в социалистическом обществе играют, например, семейно-бытовые обычаи. Социалистические обычаи, с одной стороны, опираются на многие старые народные обычаи, проникнутые духом уважения к труду и трудящимся, идеями равенства и взаимопомощи, а с другой — преобразуют их содержание и смысл, давая им новую направленность.

Целый ряд старых обычаев, свойственных различным народам, населяющим Советский Союз, не утратили своего значения, но были переосмыслены в новых условиях и в настоящее время выполняют важные воспитательные функции. Обычай гостеприимства, например, сейчас приобрел новый социальный смысл, нередко выступая как показатель дружбы народов, уважения к представителям других наций.

Многие новые обычаи приходят в острое столкновение со старыми стереотипами поведения, оставшимися в наследство от эксплуататорского общества. Например, в ряде республик нашей страны до сих пор не преодолены обычаи, связанные с неравноправным положением женщин в прошлом. Остатки феодально-байских пережитков в семейных отношениях все еще дают себя знать. Вытеснение и исчезновение старых обычаев будет идти тем успешнее, чем быстрее и крепче будут утверждаться в семейно-бытовой жизни этих народов новые социалистические обычаи, утверждающие равенство мужчины и женщины, уважение, любовь и взаимопомощь как основу их отношений в семье.

Специфика обычая как особой «традиционной» формы передачи новым поколениям культуры состоит в том, что обычаи воспроизводят целесообразные действия: трудовые, действия в быту, в семье и т. п. Целью каждого действия, регламентированного обычаем, является достижение какого-либо реального результата: создание орудия труда, удовлетворение той или иной человеческой потребности, поддержание определенных отношений между людьми, которые рассматриваются как желательные и справедливые, поэтому обычаи неотделимы от реальной деятельности людей.

СПЕЦИФИКА ОБРЯДА

Обряд, как и обычай, представляет собой «традиционную» форму передачи культуры новым поколениям. Система специфических действий, именуемых обрядом, «копируется» каждым новым поколением. Обряд требует жесткого стереотипа действий, неуклонного соблюдения установленного ритуала. Всякая «отсебятина» в обряде неизбежно разрушает его социальный смысл, препятствует его воздействию на участников.

Чем отличается обряд от обычая?

Выше упоминалось, что обычай «вплетен» в самую человеческую материальную деятельность, он воспроизводит определенные стереотипы поведения, которые носят целесообразный характер. Главное отличие обряда от обычая состоит в том, что он включает в себя не непосредственно целесообразные, а символические действия.

Приведем простой пример, связанный с возникновением одного из обрядов у первобытных охотников. Этнографы пишут о наличии у многих охотничьих племен особого приема маскировки. Суть этого приема состоит в том, что охотник искусно придает себе облик преследуемого животного или птицы и подражает всем их повадкам. Это дает ему возможность незаметно приблизиться к животному, повышает его шансы на успех. Вот как описывает охотничью маскировку известный исследователь

жизни и быта бушменов В. Элленбергер: «Бушмены переряжались в тех животных, на которых они собирались охотиться. Охотник натягивал на голову своего рода капор из шкуры, снятой, например, с головы газели вместе с ушами и рогами. Затем он, скрываясь в высокой траве, подползал медленно и осторожно к животному на расстояние выстрела, натягивал лук, выпускал отравленную стрелу и наверняка убивал животное. Но в иных случаях такое частичное переодевание считалось недостаточным из-за инстинктивной настороженности некоторых животных. Охотясь на пугливых и осторожных зверей, бушмены обычно прибегали к полному переодеванию, облачались в шкуру антилопы... или в шкуру зебры или перевоплощались в страусов; в последнем случае они продвигались вперед, имитируя неуклюжую походку этих гигантских птиц. Они ловко действовали палкой с привязанной к ней головой страуса, весьма реалистично подражая движениям этой птицы, когда она клюет или подымает голову, осматриваясь»¹.

Охотничья маскировка зафиксирована этнографами у различных народов: у чукчей, австралийцев и многих других.

Важно подчеркнуть, что, пока охотничья маскировка выступает в качестве элемента самой охоты, она еще не стала обрядом. Здесь может речь идти об охотничьем обычае, т. е. о стереотипе охотничьей деятельности.

Однако социальный смысл и назначение охотничьей маскировки могут постепенно изменяться. У многих племен, как свидетельствуют этнографы, маскировка в процессе охоты постепенно превращается в особые манипуляции с масками животных, предваряющие охоту. Их смысл состоит уже не в том, чтобы убить зверя, а в том, чтобы вызвать у всех участников таких действий уверенность в удачном результате охоты. Из действий непосредственно целесообразных танцы в масках животных, имитирующие их повадки, превращаются в действия символические, цель которых — обеспечить иллюзор-

¹ В. Элленбергер. Трагический конец бушменов. М., 1956, стр. 144—145.

ными магическими средствами удачный исход охоты. О специфике магических и иных религиозных обрядов речь будет идти ниже. Сейчас же мы лишь зафиксируем главную особенность любого обрядового действия — его символический характер. Целью обряда является не достижение какого-либо материального, вещественного результата, а формирование у его участников определенных мыслей, образов, представлений, чувств и настроений. Хотя обрядовые действия и имеют своим истоком различные формы трудовой или социальной деятельности, однако они становятся обрядовыми только в том случае, если отделяются от обычной материальной или общественной практики и приобретают значение действий-символов. Этим обряд отличается от обычая¹.

Таким образом, специфика обряда по сравнению с другими «традиционными» формами передачи культуры новым поколениям состоит в том, что обрядовые действия всегда выступают как символы, воплощающие в себе те или иные социальные идеи, представления, образы и вызывающие соответствующие чувства.

ОБРЯД КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ

Итак, мы установили, что специфика обряда состоит прежде всего в символическом характере действий, которые его образуют. Но что собой представляют символические действия? И что такое символ вообще?

Символ есть особая разновидность знака.

¹ В книге «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX — начало XX в. Зимние праздники» (М., 1973) обычай трактуется весьма широко. По мнению авторов, «понятие «обряд» уже, чем понятие «обычай». Всякий обряд есть обычай, но не всякий обычай есть обряд» (стр. 5). Такая трактовка соотношения обычая и обряда вполне возможна, и она не вызывает принципиальных возражений. Думается, однако, что специфика обряда может быть глубже понята, если он отделяется от обычая и рассматривается как особое социальное явление, а не просто как разновидность обычая.

Наиболее употребительной системой знаков является человеческий язык. В языке определенное сочетание звуков и соответствующее ему сочетание букв образуют слово. Слово является знаком, который люди соотносят с реальными объектами и процессами окружающего мира. Иначе говоря, любое слово обладает значением, т. е. выражает (репрезентирует) определенные свойства, явления и предметы окружающего мира. С помощью знаков люди могут в мышлении отделить общее от отдельного, необходимое от случайного, существенное от несущественного. Язык и любая иная знаковая система (например, система математических символов) являются могущественным средством человеческого познания и передачи знаний новым поколениям.

Между чувственно воспринимаемым предметом и сочетанием звуков, букв и т. п., выполняющим роль знака, нет внутренне необходимой связи. Одно и то же понятие может быть адекватно выражено значительно отличающимися друг от друга знаками: в разных языках — различными звуками и буквами, в радиотелеграфной связи — азбукой Морзе, на флоте — сигнальными флагами и т. п.

В обряде мы имеем дело с особым типом знаков — знаками-символами. Символ, так же как и любой иной знак, выступает в процессе познания в качестве своеобразного заместителя реальных предметов, процессов и явлений. Однако, в отличие от всех иных знаков, символ обладает частичным сходством с обозначаемым объектом, выбор того или иного символа для обозначения указанного объекта не вполне произволен. На эту особенность символов справедливо указывал в свое время еще Гегель. Он писал: «Льва, например, берут как символ великодушия, лисицу — как символ хитрости, круг — как символ вечности, треугольник — как символ триединства... Символ, взятый в этом более широком смысле, является не просто безразличным знаком, а таким знаком, который уже в своей внешней форме заключает в себе содержание выявляемого им представления»¹.

¹ Гегель. Эстетика, т. II. М., 1969, стр. 14—15.

С другой стороны, символ отличается от образа того или иного предмета или явления, который в сознании человека воспроизводит чувственно воспринимаемые особенности отображаемого объекта. Символ не обязан воспроизводить все или даже главные свойства объекта, который он выражает. Для него достаточно обнаруживать хотя бы отдаленное сходство с представляемым объектом, чтобы вызвать тем самым определенные ассоциации. Например, символом земледельческого труда издавна является серп, а индустриального — молот. Их сочетание стало символом союза рабочих и крестьян.

Поскольку между символом и обозначаемым им объектом нет жесткой, однозначной связи, постольку восприятие символа во многом зависит от конкретных обстоятельств, в том числе и от закрепленного в данном обществе (классе, социальной группе) за тем или иным символом значения. Скажем, изображение креста далеко не всегда выступает как символ христианства. Знак красного креста, например, международный символ врачебной помощи.

В нашей литературе, посвященной обрядам, правильно отмечается, что любой обряд включает в себя ряд символов¹. Например, советские обряды включают в себя такие государственные и революционные символы, как серп и молот, красное знамя, красная звезда и т. п. Однако при этом не всегда указывается на то, что собственно символы еще не создают обряда. Обряд возникает лишь тогда, когда само коллективное действие приобретает символическое значение.

Так, используемые для ряжения маски представляют определенные символы, которые включаются в обряд и становятся элементами обрядового действия лишь тогда, когда их надевают люди и совершают в них определенные телодвижения, сопровождаемые соответствующими словами, заклинаниями, песнями. Знамя есть символ доблести и традиций воинской части, но само по себе обряда не создает.

¹ См. И. И. Фурсин. О природе и социальных функциях обрядности в социалистическом обществе.— Сб. «Вопросы научного атеизма», вып. 13. М., 1972, стр. 158—159.

Лишь торжественный вынос знамени становится центральным моментом многих воинских обрядов (парад, принятие присяги и т. п.). Во всех этих случаях действия людей воспринимаются не в их «естественном», обычном, а в символическом содержании.

Встретились два человека на улице. Сняли головные уборы. Почему они сделали это? Этим жестом они поздоровались, выразили обоюдное уважение. И сейчас уже никому не приходит в голову доискиваться реальных, практических истоков этой формы приветствия. По мнению некоторых исследователей, она восходит к рыцарским временам и возникла потому, что рыцари перед сражением в турнирах снимали шлемы, чтобы показать свое лицо и увидеть лицо соперника. Ныне истоки этого обряда, как и многих иных, забыты. Обрядовые действия воспринимаются, как правило, лишь в их символическом значении.

Сказанное не означает, что между реальным содержанием обрядового действия и его символическим смыслом нет никакого сходства или аналогии. Во многих случаях такое сходство или аналогия присутствуют, что вполне естественно, если мы вспомним специфику соотношения символа и представляемого им объекта. Так, магический обряд, предварявший охоту, был у первобытных племен своеобразной репетицией действий охотников: танцы имитировали телодвижения мужчин во время охоты, в конце ритуала его участники поражали копьями изображение зверя, нарисованное на земле. Вообще нужно сказать, что в обрядах первобытной эпохи указанное сходство (аналогия) проступает достаточно четко. В последующие исторические эпохи сходство обрядового действия с воплощаемым им содержанием обнаруживается далеко не всегда. Многие обряды в этом плане отличаются чисто условным характером. Иначе говоря, символическая трактовка людьми того или иного действия не связана с какими-либо аналогиями и даже ассоциациями. Возьмем, к примеру, повсеместно распространенный в настоящее время обряд аплодисментов (хлопанье в ладоши), с помощью которого собравшиеся люди выражают свое одобрение тому или иному человеку

(его словам, действиям и т. п.). Очевидно, что в данном случае символический смысл обрядовых действий носит чисто условный (конвенциональный) характер.

Интересной и сложной проблемой является вопрос о месте слова в обряде. Известно, что во многих обрядах присутствуют и словесные, речевые компоненты. В религиозных обрядах это заговоры, заклинания, молитвы; в безрелигиозных — слова обрядовых песен, текст присяги, торжественного обещания, ритуального приветствия. Речевые компоненты обряда неразрывно связаны с символикой ритуальных действий; они дополняют эти действия, разъясняя их символический смысл. Слово в обряде важно не само по себе, а лишь в общем контексте ритуальных действий, как их специфический компонент. Советский фольклорист Г. А. Левинтон справедливо замечает, что в словесных компонентах обряда нередко первостепенное значение приобретает не информация сама по себе, а определенный тип общения между участниками обрядового действия. Слово, таким образом, становится здесь своеобразным символом строго фиксированных отношений между участниками ритуала. Например, каждый из исполняемых на свадьбе текстов всегда оформляет определенные отношения между персонажами свадебного ритуала: причитания исполняются невестой, приговор — «дружками», благословение — родителями молодых, песни поются подружками невесты и т. п. Слово здесь выступает не в обычном его значении, а в специфическом ритуальном контексте¹.

ОБРЯД, ОБЫЧАЙ, ПРАЗДНИК, ИГРА

Выше были отмечены признаки обряда, отделяющие его от обычая. На наш взгляд, различать эти социальные явления важно для лучшего понимания

¹ См. Г. А. Левинтон. К вопросу о функциях словесных компонентов обряда.— «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор». Л., 1974, стр. 162—170.

их места в обществе и социальных функций. Однако отличие обряда от обычая не означает игнорирования или недооценки тесной связи, существующей между ними. Связь обряда и обычая обнаруживается на всем протяжении человеческой истории.

Обряд большей частью выступает как продолжение и завершение того или иного обычая или системы обычаев. Поэтому этнографы, описывая нравы, образ жизни какого-либо народа, обычно говорят одновременно и об обычаях, и об обрядах этого народа, показывая их тесную взаимосвязь. В интересной книге «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы» предпринята попытка систематического описания как обычаев, так и обрядов, свойственных народам зарубежных стран Европы в зимний период. Авторы книги убедительно показали тесную взаимосвязь трудовых (прежде всего земледельческих) и семейно-бытовых обычаев с определенными обрядами. Так, подготовка и празднование рождества и Нового года у крестьян многих народов Европы включили в себя, с одной стороны, ряд обычаев, связанных с завершением хозяйственного года, уборкой урожая (крестьянин завершал обмолот, производил забой скота и птицы, готовил окорока, варил пиво), а также с появившимся относительно свободным временем («посиделки», хождение в гости), а с другой — систему народных обрядов, совершая которые крестьяне праздновали окончание полевых работ и сбор урожая. Хотя многие из этих обрядов по форме носили церковный, христианский характер, однако по существу они были весьма далеки от ортодоксального христианства и включали в себя как древние, дохристианские поверья, так и многие вовсе безрелигиозные элементы. Например, несмотря на активную борьбу католической церкви против обряда зажигания так называемого «рождественского полена», обладавшего якобы магическими свойствами и обеспечивавшего благополучие дома в течение года, этот обряд до сих пор соблюдается во многих сельских областях Италии и Франции. Почти у всех народов Европы до последнего времени сохранялся обряд так называемого колядования, т. е. хождения со специальными песня-

ми и поздравлениями молодежи, детей (иногда ряженных) по домам в сочельник или новогоднюю ночь. Религиозный момент в этом обряде выражен очень слабо или отсутствует вовсе.

Следует согласиться с мнением советского исследователя И. В. Суханова, который подчеркивает органическую связь обряда и обычая и считает, что возникновение обрядов знаменует собой известный этап в становлении и закреплении не только тех или иных обычаев, но и определенной системы социальных отношений, которую указанные обычаи и обряды поддерживают и укрепляют¹. В этой связи он справедливо замечает, что массовая потребность в советских обрядах — *«это вернейший показатель того, что система общественных социалистических отношений, включая и отношения повседневной жизни, стала действительной сущностью духовного облика широких народных масс...»*².

Место обряда в социальной жизни нельзя правильно понять, не выяснив его связи с праздником. Праздник — день, посвященный какому-либо важному и радостному событию в жизни общества, государства, класса, социальной группы, семьи. Отмечать праздники в определенные дни становится традицией, которая проникает в жизнь и быт людей и формирует стереотипы их поведения. Праздник, как правило, включает в себя обряды, но не сводится к ним. Например, празднование годовщины Великой Октябрьской социалистической революции предполагает и официальные, политические мероприятия (торжественные заседания, награждения передовиков и т. п.), и специфические обряды (воинские парады, демонстрации трудящихся), и, наконец, семейные торжества (встречи родственников и друзей и т. п.). Праздник урожая, который сейчас становится традиционным во многих колхозах и совхозах страны, включает в себя не только обряды (например, символическое плетение «обжиночных» венков, торжественное преподнесение последнего снопа и т. п.),

¹ См. И. В. Суханов. Обычаи, традиции, обряды как социальные явления. Горький, 1973, стр. 227—230.

² Там же, стр. 228.

но и другие элементы: митинг, концерт, праздничное застолье.

Многие народные обряды издавна были связаны со строго определенными праздничными днями, причем и те и другие в своеобразной форме отражали у крестьян их аграрный, земледельческий календарь. Поэтому этнографы справедливо выделяют особый тип народных обрядов — календарные обряды. Советский этнограф В. И. Чичеров писал: «Понятия весны, лета, осени, зимы существовали, но жили в их конкретном отношении к времени и характеру трудовых процессов народа. И не времена года следует брать за основу при изучении аграрной обрядности, а хозяйственную жизнь крестьянина, протекающую в конкретной исторической и географической обстановке». Аграрный календарь «вырос на основе конкретных наблюдений над процессами умирания и оживления природы, а не на основе отвлеченных теоретических схем. В его основе лежит труд человека, и сам он может быть понят как созданный на ранних этапах земледелия свод указаний для практической деятельности человека, свод, построенный на основании длительного опыта»¹.

Эта реальная основа крестьянских календарных праздников и обрядов отражалась в них не прямо и непосредственно, а, как правило, в весьма сложной форме, где связь обряда с хозяйственной деятельностью затемнена многими посредствующими звеньями, в числе которых немалую роль играла религия. Церковь пыталась подчинить традиционные календарные праздники своим целям и задачам. Она обычно стремилась заменить древний народный праздник своим, церковным. Так, издавна отмечавшийся почти всеми народами день зимнего солнцестояния — 25 декабря, — когда начинает прибавляться день и уменьшаться ночь («Солнце — на лето, зима — на мороз», — гласит русская пословица), церковь превратила в праздник рождества Христова. Весенне-летний праздник возрождения растительности («семик» у восточных славян) стал у церковников праздником троицы.

¹ В. И. Чичеров. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957, стр. 16.

Однако христианской церкви никогда не удавалось сделать эти и многие иные праздники чисто религиозными. В народе они трактовались по-своему и включали многие обычаи и обряды, далекие от христианства.

Остановимся также на соотношении обряда и игры. Игра — весьма древний и важный элемент человеческой культуры. С помощью игр дети по-своему включаются в деятельность взрослых, как бы «репетируют» свои будущие профессии и виды трудовой деятельности. У взрослых игра носит иной характер: она включает в себя элементы развлечения, мышечной или умственной активности, эмоциональной разрядки. Однако общей особенностью любой игры является то, что ее мотивом выступают не столько результаты деятельности, сколько сама деятельность¹. Руководствуясь правилами игры, люди ставят себя в воображаемые «проблемные ситуации» и ищут из них выхода. При этом участники получают удовольствие от самого процесса игры, от упражнения своих умственных и физических способностей.

Обряд близок к игре, но в то же время существенно отличается от нее. Схожесть обряда с игрой определяется тем обстоятельством, что целью того и другого выступает не какой-либо вещественный, материальный результат деятельности, а сама деятельность как таковая. И обряд, и игра вызывают обычно глубокие и интенсивные чувства у их участников. В то же время обряд не может быть отождествлен с игрой. Он требует, чтобы его участники были убеждены в истинности тех идей, образов и представлений, которые воплощает в себе обрядовое действие. Обряд предполагает поэтому серьезное к себе отношение: к обряду специально готовятся, ко многим ритуалам допускается лишь определенный круг людей, иногда обряды совершаются втайне и т. д. и т. п. Игра, в отличие от обряда, есть прежде всего развлечение. Поэтому ни место, ни время игры, ни состав ее участников обычно не регламен-

¹ См. А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, стр. 477.

тируются. В тех случаях, когда в игре содержатся символические образы, они не принимаются всерьез, а выступают как своеобразная забава, как сказочные, художественные, т. е. чисто условные, представления.

В истории мы нередко встречаемся с превращением обряда в игру и народное развлечение. Такое превращение свидетельствует об архаичности символического содержания данного обряда, о том, что оно уже не принимается современниками всерьез. В книге «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы» содержится немало интересных примеров превращения обряда в игру и развлечение. Многие религиозные праздники в странах Европы в настоящее время содержат в себе все больше чисто развлекательных, игровых моментов, которые приходят на смену религиозной обрядности. Так, традиционные фантастические персонажи, с которыми связываются празднование рождества в семьях, либо вообще не связаны с евангельским мифом о рождении Христа, либо связаны весьма слабо и отдаленно. Известно, что во Франции в последнее время бытует образ Пера Ноэля (буквально — «отец рождества» или «рождественский отец»), который не связан с церковной традицией и весьма сходен с нашим Дедом Морозом. Легенда гласит, что Пер Ноэль — это высокий старик с белой бородой, в меховой шапке и широком красном плаще. С посохом в руке он ходит по домам и осведомляется у родителей, были ли дети послушными.

Как отмечают авторы упомянутой книги, «во Франции Пер Ноэль никогда не был объектом какого бы то ни было религиозного культа, не пришел на смену представлению о каком-либо божестве. Роль этого образа в современных рождественских праздниках вызывает неудовольствие в церковных кругах. Со стороны церковных властей предпринимались даже попытки уничтожить новый обычай на том основании, что рождественские праздники в той форме, в какой они теперь проходят, теряют религиозный характер»¹.

¹ «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы», стр. 45.

Во многих других странах Европы основным рождественским персонажем выступает Санта Клаус, который также почти ничего общего не имеет с христианским святым Николаем. Здесь «святой» превратился в сказочный образ доброго волшебника, который одаривает добрых и послушных детей и наказывает злых и непослушных.

Ряжение и колядование, бывшие некогда важными обрядами, воспринимаются ныне в большинстве стран Европы, особенно в городах, как веселая игра-забава, как традиционное предрождественское развлечение. Совершенно светский характер приняло в последние десятилетия празднование в Швеции дня святой Люции. «В настоящее время праздник св. Люции отмечается коллективно — в организациях, на заводах, в больницах, в общественных местах (городах и деревнях). Люция — красивая девушка — выбирается голосованием. В этот праздник улицы многих шведских городов переполнены костюмированными спутниками Люций — молодыми девушками в белой длинной одежде со свечами в руках и юношами в белой одежде и серебряных шапочках с вырезами в виде звезд и луны, с бумажными фонарями в руках. В день Люции школы рано кончают занятия и отмечают его иллюминацией»¹.

Эти факты говорят о том, что религиозные обряды в наше время все больше освобождаются от церковных элементов, все чаще трансформируются в народные игры, развлечения, забавы, превращаются в красочное увеселительное зрелище.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ОБРЯДА. ОБРЯД И ИСКУССТВО

В любом обряде присутствует и играет важную роль эстетическая сторона. Для того чтобы обрядовые символы дошли не только до ума, но и до сердца, были не только осознаны, но и пережиты, необ-

¹ «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы», стр. 104—105.

ходимо выразить их во впечатляющей, яркой, оказывающей психологическое воздействие форме. И здесь могущественным средством выступает искусство. Коллективные действия, формирующие обряд, включают в себя в большинстве случаев танцы, музыку, пение.

Обряд дает возможность соединить, синтезировать различные виды искусства в единое волнующее драматизированное действо. Взглянем с этой точки зрения на любой из народных обрядов, например свадебный. В нем нашло яркое выражение народное творчество во всех жанрах — поэтическом, музыкальном, песенном, драматическом. У любого народа свадьба издавна была насыщена и мелодичной музыкой, и берущими за душу песнями, и безудержным плясовым весельем. «Стародавний свадебный обряд,— писал украинский поэт М. Рыльский,— от которого уже отпала церковная и в целом религиозная часть,— это созданная веками и глубокая по своему содержанию народная драма, в которой есть зерно драгоценной поэтической традиции и которую нельзя отстранить легким и легкомысленным взмахом руки, даже если движение этой руки и продиктовано самыми лучшими намерениями...»¹

Психологическое воздействие обряда на его участников во многом зависит именно от вызываемых им эстетических переживаний. Эстетические чувства вливаются в общий поток интенсивных коллективных эмоций, испытываемых участниками обрядового действия, усиливая и подогревая последние.

В то же время следует учитывать, что эстетическая сторона не является главной в обряде и сама по себе его еще не создает. Элементом обрядового действия танец, песня или музыка становятся лишь в том случае, если они вплетены в ткань обряда, т. е. воплощают в себе какое-то твердо установленное идейное содержание, выступают в качестве символов для выражения коллективных идей, образов и переживаний.

Сравним, например, в этой связи исполнение марша духовым оркестром на концерте с исполнением

¹ Цит. по кн.: В. И. Брудный. Обряды вчера и сегодня. М., 1968, стр. 142.

марша во время военного парада. Во втором случае маршевая музыка составляет неотъемлемый элемент военного обряда и приобретает в связи с этим специфические функции. То же самое можно сказать об исполнении государственного гимна во время официальных торжеств. Народная свадебная песня или хоровод могут входить в программу концерта художественной самодеятельности. В этом случае они воспринимаются только как художественные произведения определенного жанра. Однако, будучи вплетены в общий ритуал свадьбы, они приобретают специфическое назначение и воспринимаются присутствующими как элементы обряда. Подобные примеры можно продолжить.

Часто сравнивают обряд с театральным представлением. Между ними, бесспорно, есть значительное сходство. Не случайно многие исследователи считают, что истоки современного театра восходят к древним народным обрядам. Однако обряд не следует отождествлять с театральным представлением, между ними имеются важные различия.

Во-первых, в театре можно проследить четкое деление на актеров и зрителей спектакля. Одни действуют на сцене, другие лишь воспринимают их слова и поступки. Обряд не предполагает такого деления. Конечно, между участниками обряда существуют различия с точки зрения их роли в соответствующем ритуале. Но независимо от того, ведет ли себя участник обряда более активно, играет в нем центральную роль, или же более пассивно, лишь создает «фон», он всегда активен внутренне, иными словами, он не просто созерцает, воспринимает обряд, он живет в нем, переживая те же чувства, что и остальные его участники. По мнению советского фольклориста А. В. Тороповой, в свадебном обряде «зрителя-то как такового, по сути дела, нет, и каждый участник свадьбы — он же и зритель. Даже «глядельщики», самые пассивные участники свадьбы, в определенные моменты из зрителей превращаются в соучастников»¹.

¹ «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор», стр. 158.

Конечно, в реальной жизни далеко не все участвующие в обряде люди испытывают глубокие переживания. Кое-кто может воспринимать обряд и со стороны, равнодушно. Но в таком случае он уже перестает, по существу, быть участником обряда, превращается в его зрителя. К примеру, в церкви во время богослужения нетрудно понять, кто из присутствующих в церкви — участник обряда, а кто — его зритель.

Второе отличие обряда от театрального спектакля или иного зрелища состоит в том, что обрядовое действие носит жестко фиксированный характер: в нем каждое действующее лицо играет стереотипную роль, ибо любое действие, движение и слово в обряде не только освящено традицией, но и обладает строго определенным символическим содержанием. Поэтому в обряде главное состоит не в проявлении самостоятельности участников, а, напротив, в их подчинении сложившемуся порядку. В обряде творческая индивидуальность отдельного исполнителя не играет существенной роли; в театре, как известно, спектакль интересен прежде всего творческой индивидуальностью автора пьесы, режиссера и актеров.

Таким образом, мы видим, что обряд необходимо содержит в себе эстетическую сторону, но не сводится к ней. Различные виды искусства по-своему могут быть вплетены в обряд, но не составляют сами по себе его основы. Лишь становясь строго фиксированными социальными символами, эти эстетические элементы вплетаются в ткань обряда.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ОБРЯДА

Для чего нужны обряды? Какую роль они играют в обществе?

Обряд представляет собой особый способ передачи новым поколениям определенных идей, норм поведения, ценностей и чувств. Он возник тогда, когда еще не существовало письменности и, следовательно, элементы духовной культуры могли быть переданы новым поколениям только на основе непосредственных

личных контактов. Обряд в первобытном обществе был чрезвычайно важной формой таких контактов: общие мысли, интересы, цели, стремления всех членов первобытной общины не просто провозглашались, но глубоко переживались каждым участником обряда. Обряд играл и играет чрезвычайно важную роль в приобщении отдельного человека к духовной культуре общества, в воспитании и формировании его нравственных качеств. Однако мы не можем согласиться с французским социологом Э. Дюркгеймом (1858—1917), считавшим обряд основной формой приобщения индивида к обществу. Такой основной формой является, бесспорно, трудовая деятельность людей, их участие в общественном производстве.

Разумеется, в условиях современного общества, когда существует весьма сложная и многосторонняя система идейного, морального и психологического воздействия на индивида (достаточно упомянуть в этой связи о постоянно возрастающей роли средств массовой информации — газет, радио, телевидения), роль обряда в формировании личности является совсем иной, чем в первобытную эпоху. Но и в настоящее время любое общество, любая социальная система нуждаются в обрядах как средствах воспитательного, идеологического и эмоционально-психологического воздействия.

Обряд как коллективное символическое действие обладает важными особенностями по сравнению с другими формами и средствами идейного воздействия, делающими его необходимым компонентом духовной культуры любой эпохи и любого народа. В чем состоят эти особенности?

Прежде всего, обряд по своей сути всегда есть коллективное действие. Он возник как средство реализации в поведении всех членов рода или племени определенных социальных символов. В первобытной общине все обряды были совместными, коллективными. В дальнейшем положение усложнилось. В настоящее время наряду с коллективными обрядами существуют и такие, которые непосредственно носят индивидуальный характер или же характеризуют общение двух лиц (например, одиночная молитва верующего богу или «святым», обряд рукопожатия,

снятия головного убора при встрече двух людей и т. п.). Однако это не меняет принципиально коллективной природы обрядового действия. Для того чтобы символ, заключенный в обрядовом действии, был не только понят, но и прочувствован, пережит присутствующими, необходимо, чтобы каждый из них играл не только пассивную роль человека, воспринимающего обряд как внешнее для него действие, но и активную роль непосредственного участника обрядового ритуала. Вот почему, например, участники парада воспринимают его глубже, эмоциональнее, чем зрители.

Коллективный характер обряда обусловлен в конечном счете его общественной природой. Общество или социальная группа утверждает свои нормы, ценности и идеи в сознании участников обряда. По отношению к членам общества или группы обряд выступает как особо важный момент их социальной жизни, момент, когда в символической, конкретной, наглядной форме провозглашаются и совместно переживаются важнейшие идеи, образы, ценности, нормы.

Вместе с тем коллективный характер обряда проистекает из потребности людей найти стереотипные формы для проявления коллективных переживаний. В. В. Вересаев в статьях, написанных им в 20-е годы, правильно подчеркивал: «У людей есть необоримая потребность в торжественно-радостные и торжественно-печальные моменты своей жизни собираться вместе и в чем-то проявлять владеющие ими чувства... Вот тут-то и нужны закрепленные, твердые обряды, нужны определенные русла, в которые бы могла свободно и легко устремиться владеющая человеком скорбь или радость»¹.

Некоторые авторы высказывают мнение, что обряд может оказывать эффективное эмоционально-психологическое воздействие на людей, только пока он нов, не превратился в традицию, не стал стереотипом. Авторы вышедшего на Украине коллективного труда о морально-эстетических основах формирования

¹ В. Вересаев. К художественному оформлению быта (Об обрядах старых и новых).— «Красная новь», 1926, № 1, стр. 162—163.

коммунистического мировоззрения студентов считают преувеличенными надежды, возлагаемые на роль новых обрядов в коммунистическом воспитании трудящихся. По их мнению, как только обряд утрачивает свою новизну, как только он превращается в «шаблон», он сразу же перестает оказывать эмоциональное воздействие на людей¹.

С этим мнением никак нельзя согласиться. Авторы указанной книги забывают, во-первых, о том, что то или иное символическое действие может стать обрядом, только превратившись в стереотип, каждый элемент которого однозначно воспринимается как символическое воплощение определенных идей и представлений. В этом смысле можно сказать, что без стереотипа символических действий обряд вообще существовать не может. Во-вторых, авторы книги напрасно думают, что повторение впечатлений всегда уменьшает силу их эмоционального воздействия. Напротив, очень часто бывает так, что возобновление привычных человеку впечатлений, образов и ассоциаций делает его переживания при этом особенно глубокими и интенсивными. Известно, например, что первое восприятие музыкального произведения далеко не всегда «западает в душу». Зато какие сильные переживания может вызвать песня или мелодия, которую человек любил в детстве и которую услышал после длительного перерыва! Нечто сходное можно сказать и об обряде. Чем более знаком, близок, привычен ритуал, тем ярче и глубже могут быть чувства его участников. Не нужно забывать, что обряды оформляют важные события в жизни общества, группы, семьи, личности — события, которые сами по себе не могут не вызывать волнения их участников. Обряд не столько создает сам по себе переживания участников (хотя этот момент также присутствует), сколько формирует привычное русло для этих переживаний и тем самым углубляет и интенсифицирует их. Поэтому обрядовый стереотип никак нельзя считать препятствием на пути эмоционального воздействия.

¹ «Морально-естетичні основи формування комуністичного світогляду студентів». Київ, 1974, стор. 80.

Важная социальная функция обряда — нормативная. Нормативное воздействие обряда проявляется в более общей форме в том, что он формирует ценностные ориентации и нравственные качества индивидов. Нередко обряд выступает как норма поведения и в более узком, непосредственном смысле. Историки отмечают, что в эпоху так называемого варварства, т. е. в эпоху перехода от племенного строя к раннефеодальному обществу в Западной Европе, сама норма поведения (так называемое обычное право) была неотделима от соответствующего символического ритуального акта (т. е. обряда), который знаменовал собой вступление в действие этой нормы. Например, в норвежских судебныхниках усыновление незаконнорожденного изображается в виде торжественной процедуры «введения в род»: отец должен устроить пир и зарезать трехгодовалого быка, содрать шкуру с правой передней ноги его, изготовить из нее ботинок, который он должен поставить подле большого пивного котла. Затем в определенной последовательности надевают ботинок члены его семьи, а также внебрачный сын, который вводится в род, и т. д. и т. п.¹ Без строжайшего соблюдения подобных процедур нормы обычного права у варваров как бы не вступали в действие, не приобретали силы закона.

«Вряд ли можно сомневаться в том, — пишет советский историк А. Я. Гуревич, — что значение публичной процедуры заключалось не только в оформлении соответствующего правового акта (сделки, брака, судебной тяжбы, раздела имущества и т. д.), — ее совершение оказывало сильнейшее психологическое воздействие на ее участников. При посредстве торжественных символических актов утверждалось единство коллектива, зримо и наглядно (т. е. именно в форме, наиболее отвечающей сознанию и эмоциональным потребностям варваров) разыгрывалась своего рода ритуальная драма, воспитывавшая и усиливавшая в каждом из ее «актеров» чувство принадлежности к социальному целому»².

¹ См. А. Я. Гуревич. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, стр. 110—111.

² Там же, стр. 112.

Таким образом, обряд был во многих случаях необходимым спутником реализации норм права, предварительным условием их действительности.

Важно учитывать, что повторение и возобновление обрядов формирует определенные стереотипы поведения, привычки, которые, в свою очередь, оказывают на жизнь людей регламентирующее воздействие.

Обряд является важной формой приобщения личности к социальному целому (обществу, классу, социальной группе). Обрядовая форма воздействия на личность приобретает особое значение в наиболее важные для человека моменты его жизни. «Узловые точки» бытия человека (рождение, совершеннолетие, брак и т. п.) обязательно требуют обрядового оформления. Обряды, которые совершаются в эти узловые моменты человеческой жизни, призваны, с одной стороны, дать изменениям в жизни отдельного человека и его семьи, близких общественную санкцию, как бы «узаконить» их, а с другой — создать готовое русло для чувств и переживаний людей, связанных с указанными изменениями.

«Узловые моменты» бывают не только в жизни отдельного человека или семьи. Они бывают и в жизни народа, государства, общества. Победа в войне, изгнание захватчиков, революционное низвержение старого строя — подобные события в жизни общества празднуются с использованием обрядов. Сотни и тысячи людей, которые участвуют в публичных обрядах, осознают и эмоционально переживают общность национальных традиций, социальных и классовых интересов.

Как и все «традиционные» формы передачи культуры, обряд весьма консервативен.

Это понятно, если учесть, что действия могут стать обрядовыми лишь тогда, когда их символическое значение станет общепризнанным в обществе или в определенной социальной группе. Иначе говоря, обряд невозможен без твердого закрепления за определенными действиями того или иного символического содержания, которое однозначно воспринимается всеми его участниками. Человеку, не привыкшему к какому-либо обряду и не воспринимающему

его в определенном социально фиксированном значении, он может показаться совокупностью нелепых действий, лишенных всякого смысла и целесообразности. В. В. Вересаев по этому поводу писал: «...при первом знакомстве всякий обряд, всякое условное действие производят странное впечатление. Стоит взглянуть вокруг наивно-трезвыми, приметливыми и непонимающими глазами... и все окружающее превращается в одну сплошную нелепость самого смехотворного свойства. Встретились два человека, вложили кисти правых своих рук одна в другую, сжали их и опять отняли руки. Или: бросились, обняли друг друга руками, прижались ртами, сжали губы, потом с чмоканьем их разомкнули. Смотрят на театральное представление, слушают оратора — и вдруг начинают ладонями бить одною об другую, и чем громче бьют, тем довольнее»¹. В другой своей статье В. В. Вересаев продолжал: «Единообразие? Трафарет? Во всяком коллективном действии необходимо как раз единообразие. Условное действие есть именно такое действие, которому люди условились придавать один определенный, общий для всех смысл. Мы хотим выразить наше общее одобрение оратору или артисту — и хлопаем в ладоши. Что было бы, если бы каждый выражал свое одобрение индивидуально, — один бы хлопал, другой бы шаркал ногами, третий бы свистел? Как возможно какое-либо стройное, коллективное действие, если оно уже заранее не намечено всеми участниками в одной строго определенной форме?»²

Ясно, что консерватизм обряда, его устойчивость к внешним воздействиям не случайны, а вытекают из его сущности. В этом и сила обряда, и его слабость. Раз сформировавшись, обряд может обслуживать общество на протяжении целой исторической эпохи. Он выступает в качестве важного связующего звена между поколениями, обеспечивая преемственность в развитии человеческой культуры. В то же время

¹ В. Вересаев. К художественному оформлению быта (Об обрядах старых и новых). — «Красная новь», 1926, № 1, стр. 169.

² В. Вересаев. Об обрядах. — «Красная новь», 1926, № 11, стр. 176—177.

в эпоху революционной ломки старого строя многие обряды приходят в острое столкновение с новыми формами жизни и быта, становятся препятствием на пути общественного прогресса. Таковы, например, религиозные обряды в условиях социализма. Отжившие социальные идеи и чувства поддерживаются и подогреваются старыми обрядами, поэтому одним из важнейших направлений борьбы с пережитками прошлого в социалистическом обществе является преодоление старой, религиозной обрядности.

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ ОБРЯДА

Для понимания специфики обряда и его роли в общественной жизни важно видеть диалектику его формы и содержания. Любой обряд предполагает наличие строго определенных действий его участников. Эти действия совершаются в известной последовательности, они должны быть согласованы друг с другом. Так, обряд торжественной регистрации брака во Дворцах бракосочетания в нашей стране обычно предполагает торжественное шествие свадебной процессии в зал, где осуществляется церемония, поздравления депутата местного Совета, обмен кольцами, получение свидетельства о браке и соответствующие подписи жениха, невесты и свидетелей, наконец, заключительное шествие свадебной процессии в банкетный зал. Любой обряд невозможен, если отсутствует твердая последовательность ритуальных действий. Последовательность ритуальных действий и составляет форму обряда.

Форма обряда не самоцель. Она призвана наилучшим образом выразить, символизировать определенное содержание. Содержанием обряда являются те коллективные идеи, представления, образы, нормы и чувства, которые находят свое символическое воплощение в действиях участников обряда. Социальное воздействие обряда определяется прежде всего его содержанием. Характер этого воздействия зависит от того, какие именно идеи, нормы и ценности провозглашает и утверждает данный обряд. Напри-

мер, крещение ребенка воплощает в себе христианские представления о том, что любой человекотягочен «первородным грехом», что он может спастись, лишь приобщившись к церкви благодаря ее «благодати», и т. д. и т. п. Вот почему мы не можем считать религиозные обряды просто безобидным красочным зрелищем, оставшимся в наследство от прошлого. Религиозный обряд прежде всего есть средство идейного воздействия на людей, средство воспитания их в духе религиозного вероучения. И напротив, — советские обряды представляют для нас ценность не просто как эмоционально насыщенное, яркое зрелище, а прежде всего как важный и весьма эффективный способ воспитания у советских людей коммунистического мировоззрения и морали.

В обряде, как и в иных явлениях и процессах, ведущая, определяющая роль принадлежит содержанию. Форма обряда в общем и целом определяется его содержанием. Иначе говоря, способ ритуальных действий должен соответствовать идейному и эмоциональному содержанию обряда. Например, ритуалы семейных обрядов не могут не отличаться от ритуалов обрядов общественно-политических, государственных. Обряды, связанные с радостным событием в семье, требуют одних элементов ритуала (радостные песни, пляски и т. п.), похоронные обряды требуют иного настроения, иных действий.

Однако единство формы и содержания в обрядовом действии не всегда достигается сразу. Нередко наблюдается длительный процесс поисков новыми обрядами адекватных форм, наилучшим образом выражающих их содержание. При этом происходит перестройка прежних ритуалов, включающая не только отбрасывание устаревших и непригодных их элементов, но и переосмысление некоторых из них. Здесь мы затрагиваем важную и сложную проблему преобразования старых обрядовых форм и их частичного включения в систему новой обрядности.

Переосмысление некоторых ритуальных форм, их включение в систему новой обрядности есть общая закономерность исторического развития. Как уже говорилось, то или иное обрядовое действие может в принципе иметь несколько символических значений.

Содержание символа в значительной мере условно, оно определяется тем, как его трактует данное общество, народность, класс, социальная группа. В силу этого и возникает возможность переосмысления прежних ритуалов, вкладывания в них нового символического содержания.

Примеры этого в истории весьма многочисленны. Вспомним, как формировалась система христианского культа. Христианство начало с отрицания культовых систем так называемых языческих религий. Однако вскоре, чтобы вытеснить дохристианские верования, широко бытовавшие в массах, оно вынуждено было включить многие «языческие» праздники и обряды в свою культовую систему, дав им иное истолкование. Так в христианстве появился культ многочисленных «святых», каждый из которых выступал покровителем определенного вида деятельности, профессии или олицетворением какой-либо природной силы. В облике этих «святых» легко угадываются прежние боги политеистических религий, «перелицованные» христианством. Например, у восточных славян Илья-пророк пришел на смену Перуну, святой Власий — покровитель скота — заменил древнего славянского бога Велеса, святой Николай (так называемый морской) — бога морской стихии, имя которого до нас не дошло, и т. д.¹ Христианский культ ассимилировал и многие магические и анимистические верования, которым церковь дала новое истолкование. Вместо прежних магических действий вызывания дождя церковь стала практиковать молебны о дожде, вместо магических ритуалов, якобы предохранявших от злых духов, применялись «освящение» зданий, окропление святой водой, каждение ладаном в церкви и т. п.

Переосмысление некоторых элементов старой обрядности происходило и в последующие эпохи. Интересно отметить, что подчас сам укоренившийся в народе ритуал получал специфическое, образное, мифологическое выражение. Так, некоторые этнографы

¹ См. С. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX веков. М.—Л., 1957, стр. 112—118.

полагают, что образ русалки, широко распространенный среди славянских народов, представляет собой своеобразную персонификацию древнейшего обряда, связанного с земледельческим культом плодородия. Аналогично этому обряд колядования породил представление о Коляде как особом волшебном существе¹, а праздник епифании (богоявления) в Италии привел к созданию мифической феи Бефаны, которая якобы ходит по земле с 1 по 6 января, награждает добрых детей и наказывает злых².

В латышских обрядовых песнях зимнего цикла этнографы отмечают наличие антропоморфного обряда рождества:

Где ты было, рождество,
Где ночь провело?
На конюшне,
Под стрехой...³

Здесь мы встречаемся с явлениями, в которых особенно четко видна относительная самостоятельность формы обряда по отношению к его содержанию. Сам ритуал, который выступает как средство для выражения того или иного идейного содержания, может при определенных условиях стать основой для появления особых представлений и образов. Однако указанное обстоятельство никак не может быть истолковано в пользу тезиса об определяющей роли ритуальных действий по отношению к представлениям, верованиям и убеждениям. Дело в том, что образы, персонифицирующие тот или иной ритуал, всегда формируются в полном соответствии с бытующими в народе в это время представлениями и поверьями. И тот, например, факт, что церковный праздник богоявления связывается в настоящее время в Италии с фантастическим образом явно нецерковного происхождения и характера (фея Бефана), свидетельствует в первую очередь о разложении традиционного религиозного сознания масс.

¹ См. С. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX веков, стр. 91—92.

² См. «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы», стр. 29—30.

³ «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор», стр. 94.

Проблема переосмысления некоторых традиционных обрядовых элементов особенно актуальна и важна в связи с задачей формирования и внедрения новой, социалистической обрядности. Последняя не может и не должна создаваться на пустом месте. Она призвана впитать в себя в переосмысленном виде те элементы традиционных народных обрядов, которые утверждали моральные нормы и принципы поведения, сохраняющие свое значение в социалистическом обществе. Могут получить новое истолкование и некоторые символы, не связанные непосредственно с религиозной идеологией (например, обычай в рождественские или новогодние дни ставить в домах и украшать елку).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ОБРЯДА

Обряды с самого начала их возникновения носили на себе глубокий отпечаток той этнической общности, в рамках которой они формировались и функционировали. В первобытном обществе такой общностью были род и племя, в последующие исторические эпохи — народность и нация. Давая подробное описание и характеристику обрядов, этнографы классифицируют их прежде всего в зависимости от той этнической группы, в которой они бытуют. И это вполне понятно. Обряды, как мы уже говорили, представляют собой неотъемлемый элемент культуры. Но культура всегда выступает в национальной форме, она приобретает своеобразие, определяемое происхождением и особенностями исторического развития того или иного народа, его образом жизни, характером трудовой деятельности, природной средой и т. д. и т. п.

Формирование народности, а впоследствии нации включало в себя и формирование специфической обрядовой системы, отражавшей своеобразие жизни и быта, культурных традиций, религии этой народности. Национальное своеобразие обрядов не исключало, а, напротив, предполагало наличие многих общих или сходных обрядов у народов, близких по своему

происхождению, языку и условиям жизни. В этом плане чрезвычайно интересный сравнительный анализ мы находим в книге «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы». Авторы книги убедительно показали, что «народные обычаи и обряды — это существенная часть духовной культуры народа, отражающая его мироощущения в разные периоды исторического развития. Изучение их очень важно при исследовании процессов интеграции, адаптации и взаимовлияния, происходящих между разными народами, так как часто именно в традиционных обрядах проявляется этническая традиция народов»¹.

В книге показано, как общность условий трудовой деятельности европейского крестьянина определяла и важнейшие черты общности календарных обрядов у разных народов Европы. Так, у всех европейских (и не только европейских) народов существует традиционный цикл зимних праздников и обрядов, приходящийся на одно и то же время (конец декабря — начало января). Самые глубокие причины возникновения этого обрядового цикла следует искать в условиях хозяйственной деятельности древнего земледельца и скотовода, о чем уже говорилось выше. Этим прежде всего объясняется и наличие общих или сходных черт в обрядах этого цикла у разных этнических групп и народов. Например, во многих зимних обрядах и обычаях европейских народов, как указывает С. А. Токарев, обнаруживается архаическая основа, связанная с магической идеей «первого дня». Считалось, что то, что делается в первый день нового года (или рождества, с которого тоже начинали отсчет), будет происходить и в течение всего года². Отсюда, например, обычай обильной рождественской или новогодней трапезы, приобретающей ритуальное значение, вера в магическое значение первого посетителя (он приносит счастье либо несчастье в наступающем году), святочные гадания (можно узнать, что будет в новом году) и т. п.

¹ «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы», стр. 337—338.

² См. там же, стр. 333.

Общие черты зимнего цикла обрядов европейских народов не означают единообразия этих обрядов. Напротив, у каждого народа сходные обряды приобретают специфические национальные черты и особенности. Так, ритуальная рождественская или новогодняя трапеза у каждого народа предполагает свой перечень традиционных блюд: в Италии — жареный гусь, а также мучные и сладкие блюда; в Англии — жареная индейка и «плум-пудинг»; у немцев — свинина с капустой и т. п. Весьма отличаются друг от друга обряды, связанные с верой в магическое значение первого посетителя. Так, во многих районах Польши, Чехии, Словакии считают, что первый посетитель («полазник») — мужчина предвещает благополучие всему дому, а «полазник»-женщина — всякое зло и болезни; соответственно этому оформляется и обряд первого посещения, в котором участвует мужчина. У сербов, черногорцев, хорватов роль «полазника» выполняет какое-либо домашнее животное: вол, свинья, овца, теленок.

Национальное своеобразие обрядов при наличии ряда общих моментов обнаруживается и в летних обрядах. Так, многие народы издавна праздновали день летнего солнцестояния (самый длинный день в году), причем большинство обрядов, приуроченных к этому дню, было связано с верой в магическую силу огня. У каждого народа данный цикл обрядов приобретал национальную окраску: у восточных славян это был праздник Ивана Купалы, во время которого юноши и девушки ночью прыгали через костры; у латышей — лиго, праздник, связанный с поклонением солнцу, когда на берегах рек, озер и моря зажигали смоляные бочки; у германских народов — иоханнисфест.

Значительное воздействие на формирование национальной обрядности оказывала религия. Особенно тесное переплетение национальных и религиозных черт обрядности наблюдалось в тех случаях, когда религия носила узкоэтнический характер («национальные религии»). Как указывал Энгельс, во всех дохристианских политеистических религиях главную роль играла обрядность. Свою религиозную и этническую принадлежность можно было доказать только

строжайшим соблюдением ритуальных предписаний, регламентировавших порядок жертвоприношений, омовений, принятия пищи и т. п. «Люди двух разных религий,— писал Ф. Энгельс,— египтяне, персы, евреи, халдеи— не могут вместе ни пить, ни есть, не могут выполнить совместно ни одного самого обыденного дела, едва могут разговаривать друг с другом»¹. Обрядность в таких случаях противопоставляла одну народность другой, укрепляла идеи национальной исключительности, т. е. способствовала разъединению и противопоставлению народов, что использовали в своих целях эксплуататорские классы.

Мировые религии (буддизм, христианство, ислам) в эпоху их возникновения выступили против этнической и обрядовой обособленности. Они отказались от прежней сложной и дорогой обрядности, заменив ее более простыми и доступными для всех племен и народов ритуалами. Таким образом, первоначально мировые религии развивались под знаком космополитизма, апеллируя ко всем племенам и народностям. Однако дальнейшее развитие мировых религий было невозможно без их проникновения в быт и нравы тех народностей, которые их приняли. А это, в свою очередь, потребовало приспособления обрядности к национальным особенностям определенных этнических групп. Последующее разделение религий (например, разделение христианства в XI веке на католицизм и православие, возникновение протестантизма в XVI веке) закрепило и упрочило связь религиозной обрядности с бытом и традициями той или иной народности.

Церковь стремится прочно связать религиозную обрядность с национальными особенностями культуры, с национальным самосознанием народа. В противовес этому задача науки состоит в том, чтобы показать ограниченный во времени исторический характер этой связи, вскрыть коренные отличия, отделяющие народную обрядность от церковной, религиозной.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 313.

ОБРЯДЫ В РАЗЛИЧНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМАЦИЯХ

Каждая общественная формация создает свою систему обрядов. Если мы проанализируем место обрядов и их социальные функции в различных формациях, то можно сказать, что общей тенденцией при переходе от одной формации к другой является известное сужение сферы действия обрядов, или определенное уменьшение степени ритуализации социальной жизни. Эта тенденция становится понятной, если вспомнить, что обряд воспроизводит и закрепляет существующие в обществе стереотипы поведения. Следовательно, чем больше господствует в обществе традиционализм, чем меньше оно мобильно и динамично, тем шире в нем сфера социального действия обрядов.

Классическим примером всесторонней ритуализации жизни людей является первобытнообщинный строй. В первобытном обществе большинство событий в жизни рода или племени получали свое традиционное обрядовое оформление. В обрядах в наглядной форме изображалось мифическое прошлое рода или племени (вспомним, например, тотемические обряды, в которых изображалась жизнь мифических предков рода — полулюдей-полузверей), обряды были средством фантастического осознания кровнородственной общности первобытных людей, выступали как иллюзорные, сверхъестественные способы овладения теми силами природы, которые оказывали разрушительное воздействие на жизнь рода или племени; наконец, в обрядах находили свое выражение зачатки художественного творчества человека той эпохи. Таким образом, обряды первобытной эпохи синкретически соединяли в себе и религиозные верования, и моральные нормы, и зачатки художественного освоения мира.

В этом плане примечательны так называемые посвятительные обряды, санкционировавшие достижение юношами (или девушками) физической и социальной зрелости, их переход в группу полноправных взрослых членов племени.

Посвятительный обряд у австралийских юношей (так называемый обряд инициации) предполагал длительный период специальной подготовки к нему. Подготовка включала знакомство с мифами и обычаями племени, физические упражнения, испытания мужества и терпения и, наконец, продолжительный пост. Подготовительный период завершился самим обрядом инициации, который у австралийцев носил весьма сложный характер и состоял из нескольких этапов. Вот как описывают этнографы кульминационный момент этого обряда: «Пение и пляски, дополняемые многими деталями сложного ритуала, приближают постепенно посвящаемого к решающей для него части церемонии — обряду обрезания. Великий дух Тванирика должен «унести» посвящаемого и совершить над ним операцию обрезания. Раздается «голос» приближающегося Тванирика (страшный шум и рев, издаваемый деревянными гуделками-ревунами). Женщины и непосвященные, заслышав вой ревунов, прячутся в панике по своим шалашам... Вой ревунов становится все сильнее, приближаясь из темноты ночи к посвящаемому. На месте посвящения вспыхивают ярким пламенем подоженные загородки. Посвящаемый со стоическим спокойствием ждет приближения старшего духа, идущего к нему из темноты ночи и возвещающего о своем приближении жутким до ужаса голосом и пламенем вспыхнувших загоронок.

В этой обстановке оглушающего воя ревунов, мрачной темноты ночи и полыхающего пламени посвящаемый стоит безмолвно, как ему велели старшие, и взрослые мужчины видят, что мужество и выдержка его остались до конца инициации ничем не поколебленными. Как вполне достойному вступить в число взрослых, ему помогают переступить ритуально через этот порог: несут его к оператору, который оттягивает у посвящаемого крайнюю плоть и отрезает ее небольшим кремневым ножом»¹.

¹ А. Ф. Анисимов. Об исторических истоках и социальной основе тотемических верований.— Сб. «Вопросы истории религии и атеизма», вып. 8. М., 1960, стр. 314.

А. Ф. Анисимов справедливо отмечает, что было бы неправильно за религиозной формой посвятительного ритуала не видеть его реальной социальной основы — половозрастного разделения труда в первобытной общине и существования в ней специфических возрастных и половых групп, каждая из которых выполняла специфические функции в рамках социального целого. Посвятительный обряд знаменовал определенный рубеж в жизни каждого юноши: он становился полноправным членом племени и, демонстрируя мужество и терпеливость, важнейшие качества первобытного охотника, брал на себя торжественное обязательство следовать во всем правилам поведения, установленным предками.

В классовом обществе, как уже говорилось, обрядность претерпевает существенные изменения. Вместе с разложением и гибелью первобытной кровнородственной общины отходят в прошлое и постепенно забываются древние племенные и родовые обряды, хотя как пережиточное явление они продолжают существовать в течение длительного периода. Вспомним, например, остатки племенных и родовых культов в Древней Греции и Древнем Риме.

Ритуальная система в рабовладельческом обществе носит гораздо более сложный и дифференцированный характер, чем обрядность первобытной эпохи. С одной стороны, каждая из вновь возникших в антагонистическом обществе социальных групп и общностей (класс, сословие, народность) обладает специфической системой обрядов, символизирующих и закрепляющих основные нормы, верования, ценности, свойственные данной группе. С другой — возникает особая религиозная организация профессиональных служителей культа (жречество, духовенство), которая стремится выработать свою систему обрядов и с помощью рабовладельческого государства сделать ее соблюдение законом жизни и важнейшей обязанностью всего населения.

В рабовладельческих государствах впервые в истории возникает несовпадение народных обрядов, т. е. обрядов, бытующих в массах крестьян, ремесленников и даже рабов (многие из них сохраняют в себе элементы архаической обрядности, восходящей

к доклассовому обществу), и официальных религиозных обрядов, насаждаемых жрецами и господствующей рабовладельческой верхушкой.

Так, обрядность в Древнем Риме представляла собой сложное и многослойное образование. Она включала несколько «пластов»: во-первых, обряды семейно-родового культа (почитание ларов и пенатов), происхождение которых терялось в глубокой древности; во-вторых, аграрные праздники и обряды (луперкалии, сатурналии, цереалии и т. п.), тесно связанные с годовым земледельческим циклом; в-третьих, обряды официального государственного культа, связанные с почитанием богов — покровителей римского государства (Юпитер, Марс, Квири́н и т. п.). Участие в официальных государственных обрядах принимали только полноправные римские граждане. Рабам участвовать в этих обрядах категорически запрещалось¹. Однако это не означало, что у рабов в Древнем Риме не было своих обрядов. Рабы, отпущенники и свободная беднота Древнего Рима имели свою особую классовую мораль, свою систему религиозных верований и культовых действий. У угнетенных масс Рима существовал культ своих, «простонародных» богов (Приапа, Сильвана, так называемой Доброй богини и др.), не занимавших или почти не занимавших места в государственном пантеоне².

Степень ритуализации социальной жизни в феодальном обществе также была весьма значительной. Если мы сравним в этом плане западноевропейское средневековье с античным миром (Древняя Греция и Древний Рим), то, по-видимому, можно констатировать определенное усиление социальной роли и значения обрядности. Это обстоятельство ничуть не парадоксально, если вспомнить некоторые особенности экономического строя и социального уклада феодальных государств.

Во-первых, в феодальном обществе, как известно,

¹ См. С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1965, стр. 487—488.

² См. Е. М. Штаерман. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.

в определенном смысле деревня господствовала над городом. Основой экономики было замкнутое натуральное хозяйство, покоившееся на труде крепостных. Подавляющая часть трудящихся была связана с сельским хозяйством. А земледельческий труд в огромной мере зависел от стихийных природных сил, в частности от погоды. Поэтому земледельческий календарный цикл включал, как уже говорилось, огромное число обычаев и обрядов. Обряды, бытовавшие среди средневековых крестьян, в основе своей сохраняли преимущественно магическое содержание. Они призваны были иллюзорными средствами воздействовать на природу и обеспечить хороший урожай и благосостояние крестьянину.

Во-вторых, важной особенностью феодального общества был социальный традиционализм. Перемены места жительства и социального статуса индивида были весьма редки. В массе новые поколения наследовали те же или почти те же производственные, социальные и природные условия жизни. Изменения в жизненных условиях и социальных связях происходили незаметно и требовали значительного времени. Социальный традиционализм находил в системе обрядов свое идейное подкрепление и освящение. Усвоение каждым поколением ритуальных форм, выработанных предками, было весьма важным элементом его приобщения к средневековой культуре. Обряды в условиях феодализма в значительной мере сохраняли свой синкретический характер, воплощая в себе и систему религиозно-мифологического объяснения мира, и совокупность норм поведения, и элементы художественного освоения действительности.

Наконец, в-третьих, важное место обрядов в феодальном обществе определялось прочностью личных (внеэкономических) связей между индивидами. В эпоху средневековья любой человек неизбежно, в силу своего происхождения, входил в ту или иную социальную группу (сословие) — крепостных крестьян, городских цеховых ремесленников, духовенства, феодалов. Условия его общественной жизни, права и обязанности предопределялись случайностью его рождения. Его связи с определенной сословной

группой были чем-то само собой разумеющимся, и они в значительной мере определяли как его сознание, так и поведение. Человек находился во власти традиций и норм своей социальной группы. Обряды были весьма важной формой усиления социальных связей индивида, его подчинения сословным нормам поведения и традициям.

Система средневековой обрядности носила, как и в рабовладельческом обществе, сложный и дифференцированный характер. Каждый класс, выступавший в юридической форме сословия, обладал своей системой обрядов, отражавшей особенности его экономического положения, трудовой и общественной деятельности, интересов и социальных ориентаций. Крестьянская обрядность, например, состояла прежде всего в календарном цикле ритуалов, связанных с временами года и определенными сельскохозяйственными работами; обряды, бытовавшие у феодалов, отражали специфику их положения и занятий (значительное место среди них занимали «рыцарские» ритуалы, подчеркивавшие их воинские качества) и т. д. Характерной особенностью обрядовой системы эпохи феодализма была ее зависимость от христианской церкви. Церковь стремилась к тому, чтобы обрядность всех сословий была подчинена задаче утверждения христианских верований, могущества и влияния церкви как посредницы между богом и людьми. И это ей в значительной мере удавалось. Средневековая обрядность — это прежде всего церковная обрядность. Она совершается, как правило, в церкви, ее главные исполнители — служители христианского культа.

Однако было бы неверно считать, что в средние века все обряды носили религиозный характер. Следует, во-первых, учитывать, что в традиционных обрядах, выступавших в религиозной форме, присутствовали, как уже упоминалось, многие безрелигиозные элементы. Во-вторых, наряду с официальной церковной обрядностью в средние века существовала народная обрядность, которая в некоторых случаях не только отличалась от церковной, но и прямо была направлена против нее, высмеивала многие элементы официального христианского культа.

Некоторые обряды, бытовавшие на Руси, представляли собой своеобразную пародию на церковные службы. Этнографы отмечают, в частности, так называемые «покойницкие игры», в которых высмеивался церковный похоронный обряд. В одном из рассказов жителей Новгородской губернии, записанном этнографами, говорилось: человека, наряженного покойником, «несут четыре человека, сзади идет «поп» в рогоженной ризе, в камиллавке из сине-сахарной бумаги, с кадиллом — глиняным рукомошкой, в котором наложено горячих углей, моху и сухого куричьего помета, возле идет «дьячок» в кафтане с двумя боринками назад, потом «плакальщица» в темном сарафане и платке и толпа провожающих покойника «родственников»...»¹. В ходе этого антиклерикального действия высмеиванию и пародированию подвергались все основные элементы церковного похоронного обряда.

Как показал советский ученый М. Бахтин², официальной культуре церковного и феодального средневековья противостояли в городах Западной Европы народные обрядово-зрелищные формы: празднества карнавального типа, различные площадные сатирические действия и т. п. Все они не только чужды официальной церковной идеологии и практике, но и прямо пародируют религиозный культ. Социальная функция такого рода обрядов принципиально отлична от социальной направленности церковных ритуалов: если последние санкционируют и освящают существующие порядки, то карнавальные зрелища и обряды освобождают человека от существующей социальной иерархии, норм поведения и условностей, связанных с ней. Например, во время городских карнавалов как бы рушились существующие социальные перегородки, в танцах, песнях и развлечениях на равных основаниях участвовали и простолюдины, и знатные люди. Обряды карнавального типа были в условиях феодального общества своеобразным

¹ «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор», стр. 56.

² См. М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1955.

выражением социальной критики и оппозиции народа к существующим порядкам.

Фольклористы и этнографы зафиксировали на Урале существование среди рабочих обрядов, генетически восходящих к эпохе крепостного права и не имевших ничего общего с официальной идеологией, насаждавшейся крепостническим государством и церковью. «Они родились из особенностей производственного быта и представляли собою... комплекс действий, совершаемый в определенный момент того или иного трудового процесса, связанного с горнозаводским делом»¹. Таковы, например, обряды «дарения реки» и отправки «железного каравана», практиковавшиеся в семьях сплавщиков по реке Чусовой и связанные с трудностями сплава по горным уральским рекам. Таков и шуточный обряд посвящения в профессию углежогов, носивший название «ловли соболя»².

При капитализме «традиционные» формы жизни и быта размываются и оттесняются на задний план. Теряют прежнее значение и многие обрядовые формы, непосредственно связанные с докапиталистическими, «традиционными» социальными отношениями. Так в капиталистическом городе население гораздо реже посещает воскресные церковные службы, чем в деревне. Особенно это относится к рабочему классу, который во многих странах теряет прежнее обрядовые связи с церковью.

Однако некоторое сужение сферы ритуализации социальной жизни в капиталистическом обществе выступает лишь как тенденция, которая нередко нарушается многими противодействующими факторами.

Господствующий класс монополистической буржуазии заинтересован в обеспечении стабильного воспроизводства существующих при капитализме социальных отношений. Этот класс пытается сочетать максимальное использование новейших достижений в сфере науки и техники (научно-техническая рево-

¹ «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор», стр. 43.

² См. там же, стр. 44—48.

люция) с утверждением незыблемости и стабильности буржуазных экономических отношений и соответствующих им норм права и морали. В силу этого монополистическая буржуазия стремится, с одной стороны, поставить себе на службу многие традиционные обряды (в том числе и религиозные), а с другой — создать новые системы обрядов, которые способствовали бы утверждению в сознании масс буржуазных норм и ценностей. К числу новых ритуальных форм и систем, используемых современной буржуазией, следует, в частности, отнести расистские и националистические обряды, широко практиковавшиеся в фашистских государствах, играющие и сейчас важную роль во многих капиталистических странах. Упомянем, к примеру, ку-клукс-клан и иные реакционные организации США, уже давно создавшие разветвленные системы соответствующих ритуалов.

Американский социолог Р. Белла в одной из своих статей утверждает, что в США наряду с традиционными религиями — протестантизмом, католицизмом и иудаизмом — существует особая «гражданская религия», которая объединяет американцев независимо от их конфессиональной принадлежности. Эта религия, утверждает Белла, выполняет задачу «укрепления национальной солидарности и утверждения общенациональных ценностей». Ее проявлениями Белла считает прежде всего некоторые элементы ритуалов и праздников (например, упоминания о боге в речах президентов, вступающих в свою должность, государственный девиз «на бога мы уповаем», празднование «дня благодарения» и т. п.).

В этих утверждениях нетрудно заметить откровенную апологетику «американского образа жизни». Однако следует заметить, что Белла зафиксировал реальный факт существования внеконфессиональных общегосударственных ритуальных форм в США, которые призваны идеологически «освятить» существующие в этой стране буржуазные отношения.

В числе новых обрядовых форм или их своеобразных «эрзацев» в капиталистическом мире следует назвать также многочисленные ритуальные акты, сопровождающие деятельность многих спиритических,

окультуристских, теософских, магических и иных сект, групп и группировок. А разве не является особой формой ритуального поклонения в буржуазном мире культ кинозвезд, эстрадных певцов, певиц и ансамблей и т. п.? Не случайно в печати буржуазного мира все чаще раздаются голоса, сравнивающие воздействие «поп-музыки» на молодежь с влиянием магии и подчеркивающие ее роль в создании атмосферы коллективного экстаза, отключения от реальности. Вот как, к примеру, характеризуется воздействие «поп-музыки» на слушателей одним из руководителей «поп-группы»: «Место действия — маленький бар с дансингом, зал битком набит, жарко до одурения, гитарист включает свой усилитель на полную мощность, «его гитара начинает пронзительно визжать, вопить, издавать совершенно ужасающие звуки», а сам исполнитель «рвет струны, начинает неистово вертеться, валяя дурака и делая черт знает что»; и вот, свидетельствует энтузиаст «рока», «музыка доводит твое подсознательное «я», о котором ты даже не подозревал, до сумасшествия — твое состояние граничит с буддийской нирваной, происходит космическое приобщение единичного ко всеобщему...»¹. По мнению другого западного автора, «поп-музыка» создает состояние транса, мистической опьяненности, она намечает возврат к «эмоциональному климату и магическому в музыке, которые мы потеряли с дионисийских времен»².

Многообразные виды обрядов, бытующие в различных слоях современного капиталистического общества, представляют собой не только средства эмоциональной разрядки рядового человека, ищущего отвлечения от бездушной рациональности повседневных отношений, но и средства его воспитания в духе буржуазных стандартов, норм и идеалов.

Таким образом, капитализм в целом не только не враждебен обрядам, но и создает новые сложные типы и формы ритуального поведения.

¹ Д. Житомирский. Пир во время чумы. — «Литературная газета», 1 мая 1974 г., стр. 15.

² Там же.

О роли обрядов в социалистическом обществе подробнее будет сказано ниже. Сейчас лишь заметим, что социализм, как и любое иное общество, не может обойтись без своей системы обрядов. Сложность проблемы обрядов в условиях социализма обусловлена тем, что социализм по своей природе представляет собой самое динамичное и мобильное общество, обеспечивающее непрерывное совершенствование всех сфер социальной жизни, а также всестороннее развитие способностей, умений и знаний личности. Возможны ли в таком обществе обряды? Жизнь уже ответила на этот вопрос. Не только возможны, но и необходимы. Обряды в социалистическом обществе необходимы как специфическое средство воспитания, как особый способ приобщения отдельного человека и его семьи к обществу, к социальному целому, как чувственно-наглядный способ передачи новым поколениям социалистической идеологии, норм поведения, ценностей и идеалов.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ И ИХ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ

В первой главе мы попытались выяснить, в чем состоит специфика обряда как социального явления, каковы объективные общественные потребности, вызвавшие к жизни обряды, как воздействуют обряды на общество, социальную группу и личность. До сих пор речь шла об обрядах вообще, независимо от их содержания и специфической социальной направленности. Выяснение специфики любого обряда в системе социальных явлений позволяет избежать ошибки отождествления обрядов с религиозным культом, дает возможность научно обосновать необходимость социалистических обрядов.

Научное изучение обрядности не должно, однако, ограничиваться общесоциологическим уровнем. В реальном историческом процессе существуют лишь конкретные обрядовые действия, каждое из которых обладает своим содержанием, т. е. воплощает в символической форме вполне определенные социальные идеи, представления, нормы и чувства.

Опираясь на марксистское понимание сущности обрядов, мы должны тщательно изучать основные типы обрядов, выявлять особенности каждого из них. В этой связи перед нами неизбежно встает задача изучения религиозных обрядов. Содержание любых религиозных обрядов обладает важными особенностями: они воплощают в символической форме религиозные идеи, мифы и представления. Тем самым они приобретают специфическую социальную направленность, служат важнейшим средством сохранения и воспроизводства религиозной веры в массах.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРЯДОВ

Первые формы религиозных обрядов возникли в глубокой древности, на заре человеческой истории. Магические обряды в первобытном обществе восполняли практическое бессилие людей, были иллюзорным средством их практического воздействия на окружающий мир.

Известный русский этнограф Л. Я. Штернберг, долгие годы посвятивший изучению жизни и быта народов Сибири и Дальнего Востока, писал: «Но вот оказывается, что все его (первобытного человека.— Д. У.) гениальные изобретения недостаточны для борьбы с природой. При всем своем искусстве, в одном случае он направляет стрелу в животное даже в самую плохую погоду и убивает его, а в другом случае при самых благоприятных условиях делает промах, стреляет и не попадает. В одном случае он может наловить рыбы в один день столько, что ее хватит надолго, а в другом случае могут пройти целые месяцы и он не поймает ни одной рыбы. Одним словом, перед ним в борьбе за существование встает «его величество случай», то, что мы называем удачей, счастьем и т. д., явление для него совершенно непонятное, таинственное... Вот тут-то и начинается область религии»¹.

Не будучи марксистом, Л. Я. Штернберг в данном случае близко подошел к правильному объяснению социальных истоков первобытных магических обрядов.

Трудовая деятельность первобытных людей постоянно встречалась с воздействием неконтролируемых и непредвиденных факторов. Поэтому результат трудовых усилий первобытного человека зачастую не соответствовал поставленной им цели. Вступал в силу «его величество случай», природа навязывала людям то, чего они не хотели. Неуверенность первобытных людей в успехе их трудовой деятельности, отсутствие достаточно эффективных реальных средств, которые могли бы обеспечить охоту, рыбную

¹ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 247.

ловлю и т. п., — вот в чем состояли главные социальные причины, побуждавшие людей той эпохи использовать мнимые, иллюзорные средства воздействия, т. е. магические обряды.

Интересные факты, подтверждающие такую трактовку первобытной магии, мы находим в работах известного английского этнографа Бронислава Малиновского. Изучая быт и нравы обитателей Тробриандовых островов (Меланезия), Малиновский столкнулся с фактом, когда магические обряды предваряли и сопровождали не все, а лишь некоторые виды трудовой деятельности островитян. Так, рыбная ловля в защищенной от тропических ураганов лагуне не предварялась магическими ритуалами. И напротив, рыбная ловля в открытом океане, в особенности полная опасностей охота на акул, обязательно требовала предварительных магических церемоний. Постройка домов для островитян не была связана с магическими актами. Постройка же каноэ, на которых рыболовы выходили в океан, не мыслилась без сложного магического ритуала.

На основании всех этих фактов Малиновский делает вывод, что магические обряды мы находим там, где присутствуют элементы случая, а также «весьма широко распространены колебания между надеждой и страхом». Этот вывод является правильным, но Малиновский не идет дальше. Вследствие своей идеалистической методологии он оказался не в состоянии научно определить социальные корни первобытной магии, хотя и близко подошел к этому.

Приведенные примеры убедительно показывают, что магические обряды были иллюзорным «восполнением» слабости первобытного человека в борьбе с природой, его неспособности контролировать результаты трудовых усилий.

Но первобытные магические обряды отражали не только слабость людей той эпохи перед лицом природы; многие из ритуалов в иллюзорной форме восполняли и ограниченность отношений между людьми, их неспособность контролировать развитие своих собственных отношений.

Исследования вредоносной магии, предпринятые С. А. Токаревым, убедительно показали, что подлин-

ные истоки этих магических обрядов следует искать в межплеменной розни, составлявшей важную отличительную черту первобытной эпохи. Коллективизм первобытных людей был весьма ограниченным, он замыкался рамками данной общины, данного племени. Иноплеменник рассматривался первобытным человеком как потенциальный враг, который может незаметно подкрасться из засады и убить, причинить вред и т. п. Боязнь врага-иноплеменника перерастала в сознании дикаря в веру в способность врага наносить вред особым, сверхъестественным путем. Отсюда страх перед «колдовством» и попытка противостоять ему с помощью колдовских приемов.

Не только первобытная магия, но и многие иные формы первоначальных религиозных ритуалов выступали как иллюзорные, мнимые заменители реальных средств практического воздействия. Так, земледельческие культы были призваны сверхъестественными средствами обеспечить урожай древнему земледельцу; фетишизм, т. е. наделение тех или иных вещей сверхъестественными свойствами, основан, по словам К. Маркса, на «распаленной вождением фантазии» дикаря, который полагает, «будто «бесчувственная вещь» может изменить свои естественные свойства для того только, чтобы удовлетворить его прихоть»¹.

Итак, религиозные обряды возникают в первобытном обществе как специфические (иллюзорные) способы практического воздействия на оружающую действительность. Они восполняют фантастическим способом реальное бессилие людей той эпохи.

Прежде чем перейти к анализу сущности и социальных функций религиозных обрядов, остановимся еще на одном вопросе, связанном с их происхождением.

В нашей литературе встречается мнение, согласно которому первоначально обряды в первобытном обществе носили полностью безрелигиозный характер и лишь впоследствии стали приобретать религиозную окраску. Например, В. Ф. Зыбковец в своей книге «Дорелигиозная эпоха» пытается доказать, что

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 98.

существовал продолжительный исторический период развития человечества, когда люди обладали развитым интеллектом, зачатками искусства, нравственностью и в то же время вовсе не имели религии¹. В. Ф. Зыбковец придерживается той точки зрения (хотя она в его книге не всегда четко сформулирована), что первые обряды первобытных людей не содержали в себе религиозных представлений. В качестве примеров он приводит ритуалы инициаций, которые первоначально, по его мнению, не были связаны с магическими представлениями, а были лишь «экзаменом на зрелость, на мужество», «предметным уроком охотничьего труда и воинской доблести»². С аналогичных позиций оценивает В. Ф. Зыбковец и открытые многими археологами захоронения неандертальцев. Не отрицая наличия определенных обычаев и обрядов, связанных с захоронениями неандертальцев, В. Ф. Зыбковец считает, что они не содержали в себе никаких религиозно-магических элементов³.

Ближких к этой концепции взглядов придерживается и В. И. Брудный, который выносит в заголовок одной из глав своей книги вопрос: «Что раньше: религия или обряд?»⁴ — и отвечает на него вполне определенно: «Обряды возникли еще до появления даже зачаточной (а не только развитой) религии...»⁵. Лишь впоследствии обряды, по его мнению, приобретают «суеверную окраску».

В задачу настоящей книги не может входить подробный анализ концепции дорелигиозной эпохи. Отметим лишь, что понимание дорелигиозной эпохи как эпохи, когда человеческое общество и человеческая культура уже сформировались, а религия еще полностью отсутствует, — представляется нам принципиально, методологически неприемлемым. Ведь религия была закономерным и необходимым продуктом человеческого общества, как только оно попыталось осознать окружающий мир и преодолеть реальную огра-

¹ См. В. Ф. Зыбковец. Дорелигиозная эпоха. М., 1959.

² Там же, стр. 236—237.

³ См. там же, стр. 226—227.

⁴ См. В. И. Брудный. Обряды вчера и сегодня, стр. 3.

⁵ Там же, стр. 13.

ниченность его отношений к природе. В ту эпоху осознание окружающего обязательно включало в себя иллюзорные, превратные представления, основанные на вере в сверхъестественное. Религии не существовало тогда, когда бессилие человека перед лицом природы и социальных сил еще не осознавалось им, когда сознание его было целиком «вплетено» в практическую, материальную деятельность и не могло создать оторванных от реальности фантастических образов. Это значит, что о дорелигиозной эпохе можно говорить только применительно к эпохе формирования человека и человеческого общества. Да, в ту эпоху религии не было, но не было и морали, искусства, не было человеческой культуры вообще.

Конечно, многие обряды, возникшие в древности, отнюдь не сводимы к религии. Однако это не значит, что между религиозными и безрелигиозными обрядами существовала в первобытную эпоху резкая разграничительная линия. Такая концепция схематизирует, упрощает сложную диалектику исторического процесса, она противоречит реальным фактам и потому не может быть принята.

Факты, которые к настоящему времени добыты этнографией, археологией, лингвистикой и иными науками, свидетельствуют в пользу вывода, согласно которому первобытное сознание с самого начала носило синкретический (слитный, нерасчлененный) характер. В общественном сознании первобытной эпохи причудливо переплеталось истинное и ложное, иллюзорное и вполне достоверное. Формы общественного сознания еще не отдифференцировались в то время одна от другой, и в сознании первобытного человека зачатки знаний, искусства, нравственности, религии не отделялись друг от друга, а сочетались между собой, образуя нередко весьма противоречивые и своеобразные явления первобытной культуры¹.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что первобытные обряды также были синкретическими: в них воплощались в символической форме как религиозные верования, так и элементы нравствен-

¹ См. А. Ф. Анисимов. Духовная жизнь первобытного общества. М.—Л., 1966.

ности, зачатки художественного творчества. По свидетельству ряда авторов, магическая церемония у охотничьих племен обычно включала и танцы перед изображением зверя, имитирующие телодвижения охотников, и поражение этого изображения копьями и дротиками, и некоторые другие действия, которые как бы воспроизводили обстановку предстоящей охоты. Социальные и психологические функции подобного обряда носили сложный и во многом противоречивый характер. С одной стороны, ритуальные действия охотников укрепляли их мужество, упражняли их силу и ловкость, были формой эстетического самовыражения. В данном смысле обряд сплачивал членов первобытной общины, способствовал успеху охоты, выступал как особая форма сохранения и передачи элементов первобытной культуры. Именно эти функции первобытных магических обрядов всячески раздувает и подчеркивает буржуазное религиоведение (в том числе и Б. Малиновский), заявляя, что магия была не только необходима, но и полезна первобытным людям.

Однако защитники магии забывают, что магический обряд всегда воплощает в себе веру в сверхъестественную (т. е. реально не существующую) связь между ритуальным актом и результатом охоты или иного трудового действия. Уверенность в том, что сам по себе магический ритуал обеспечивает удачную охоту, дезориентирует людей, отвлекая их от поисков действительных способов обеспечения удачной охоты или иных способов добывания средств к жизни. Именно в этом и проявляется негативная функция подобных обрядов. Они не помогают людям добиваться намеченных целей, а, напротив, мешают этому. Прибитая над дверями во время эпидемии оспы подкова хотя и может ненадолго поднять дух жильцов, но не остановит оспы. Тем самым вера в ее мнимое магическое назначение принесет больше вреда, чем пользы.

Известный исследователь ранних форм религии С. А. Токарев приводит немало примеров того, как в первобытных обрядах органически переплетались реальные знания о мире с иллюзорными, магическими представлениями. Например, знахарство, или

лечебная магия, сочетает в себе эмпирически найденные приемы народной медицины с магическими (т. е. религиозными) обрядовыми действиями. То же самое можно сказать и о погребальных обрядах, которые, по мнению С. А. Токарева, объединяют в себе нерелигиозные, рациональные мотивы и стремления с религиозными. Синкретизм негативных и позитивных социальных функций можно наблюдать и в тотемизме, в эротических обрядах и т. п.¹

Следовательно, на заре человеческой истории обряды не дифференцировались четко на религиозные и безрелигиозные, а сочетали в себе и те, и другие элементы.

Положение существенно меняется в классовом обществе, когда формируются сложные и разветвленные религиозные системы, развиваемые и распространяемые особой группой профессиональных служителей культа (жрецы), составлявших важный слой господствующего класса. В этих условиях каждая религиозная организация создает систему обрядов как важный элемент соответствующей религии.

Рассмотрим подробнее, что собой представляют обряды в общей системе религиозной надстройки, какова их роль, функции, их соотношение с другими элементами религиозного комплекса.

КУЛЬТ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ РЕЛИГИИ

Главный признак всякой религии — вера в сверхъестественное, т. е. слепая, бездоказательная вера в существование таких свойств, сил, отношений и существ, которые не подчиняются законам материального мира и могут якобы нарушать их. При этом всякая религия предполагает не только веру в реальное существование сверхъестественного (богов, духов и т. п.), не только соответствующие чувства и переживания, вызываемые этой верой, но и веру в особые двусторонние отношения между религиозным человеком и сверхъестественным.

¹ См. С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.

Именно последняя и лежит в основе всякого религиозного культа. Между религиозным человеком и фантастическим объектом его веры (богом, духом и т. п.) возникают особые отношения, которые можно назвать иллюзорно-практическими. Они иллюзорны, поскольку их объект — сверхъестественное — реально не существует. Но они не просто существуют в сознании верующего, а практически реализуются в его действиях, т. е. в религиозном культе.

Г. В. Плеханов писал в свое время: «Исторически религия может считаться возникшей только тогда, когда установлена связь общественного человека с известными силами: *духами*, существование которых он признает и которые, по его мнению, могут иметь влияние на его судьбу»¹. Чрезвычайно ценной является здесь мысль о том, что религия предполагает веру человека в наличие особой связи между ним и сверхъестественным. Именно этот признак в ряде случаев позволяет отделить религию от философского идеализма, нравственных и социальных учений и т. п. Религия не существует без культа, без обрядов. Там, где отсутствует религиозный культ, мы имеем дело не с религией, а с иными формами общественного сознания².

Всякий верующий убежден в том, что сверхъестественное может повлиять на его жизнь как в благоприятном для него, так и в неблагоприятном направлении. По его мнению, бог может, с одной стороны, вознаградить верующего за его «преданность всевышнему», за соблюдение религиозных заповедей, причем вознаградить не только после смерти, даровав ему бессмертие и «райское блаженство», но и на протяжении его жизни на земле, избавив его от

¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, стр. 60.

² Иногда утверждают, что имеются разновидности религии, в которых культ полностью отсутствует. В качестве примера ссылаются на протестантскую секту квакеров, у которых якобы нет богослужений. При этом забывают, что, хотя у квакеров нет богослужений в обычном смысле этого слова, у них имеются «минуты молчания», которым придается ритуальное значение и во время которых, по их мнению, происходит их внутреннее общение с богом.

болезней, тягот и лишений; с другой стороны, бог может и «покарать грешника», воздав ему сторицей за неверие и несоблюдение «божественных заповедей». Но раз бог может повлиять на жизнь человека, то человек, полагают верующие, должен постоянно обращаться к нему с молитвой, заверяя его в своей преданности и послушании. Как мы видим, отношения между богом и человеком, согласно представлениям современных последователей христианства, ислама и т. п., весьма напоминают отношения всемогущего властителя и его бесправного раба. Если мы вспомним время возникновения монотеистических религий, то поймем, что это не случайность, а еще одно доказательство правильности марксистского тезиса, согласно которому люди в сфере религии воспроизводят в мистифицированной форме свои собственные общественные отношения.

Религиозный культ, таким образом, выступает как особая система символических действий, с помощью которых верующий пытается повлиять на сверхъестественное. В зависимости от того, как представляет религиозный человек сверхъестественное, дифференцируются и средства воздействия на него, т. е., иначе говоря, дифференцируются и виды культовых действий.

ВИДЫ КУЛЬТОВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Можно выделить два вида религиозного культа: магию и так называемый умиловительный культ.

В буржуазном религиоведении магия часто противопоставляется религии и рассматривается как явление, принципиально отличное от нее. Наиболее известна концепция английского этнографа Джеймса Фрэнзера (1854—1941), который не только отделял магию от религии, но и пытался доказать, что магия ближе к науке, чем к религии.

По мнению Фрэнзера, производя магические действия, человек уверен, что они неизбежно приведут к определенным результатам. Так, выливая воду из кувшина и сопровождая это действие определенными

телодвижениями и заклинаниями, первобытный колдун уверен, что он обязательно вызовет дождь. Здесь, заявляет Фрэзер, присутствует принцип необходимой связи между причиной и следствием. Когда же человек обращается с мольбой к богу о помощи, защите, даровании здоровья и т. п., то он не уверен в результате своих действий, ибо этот результат зависит, по мнению верующего, от воли и сознания бога. Следовательно, рассуждал Фрэзер, магия и наука покоятся на принципе детерминизма, в то время как религия его отрицает¹.

Эти положения Фрэзера не выдерживают сколько-нибудь серьезной научной критики. Анализируя магию, Фрэзер игнорирует важнейшую ее особенность, делающую ее видом религии. Он игнорирует то, что магия основана на вере в существование сверхъестественной (т. е. иллюзорной, вымышленной) связи между действиями человека и определенным явлением или событием, которое лишь в сознании совершающего магический акт выступает как его результат. Основой магии, таким образом, являются ложные, иллюзорные представления об окружающем мире, а «необходимая связь» между магическим действием и ожидаемым результатом существует лишь в сознании, но не в объективной реальности. Магия, в отличие от науки, базируется не на установлении объективных причинных связей, доказываемых человеческой практикой, а на слепой вере в наличие сверхъестественных связей, основой которой является ограниченность человеческой практики.

Подчеркивая, что магия есть одна из форм религии, мы в то же время должны видеть те особенности магии, которые преувеличил и мистифицировал Фрэзер. В магии присутствует вера в сверхъестественные связи между реальными объектами. Здесь часто нет места для представлений о «духовных» личных или безличных существах, о душах, духах или богах. С помощью магии человек стремился и стремится добиться непосредственного практического результата, причем этот результат, по его мнению, обязатель-

¹ См. Дж. Фрэзер. Золотая ветвь, вып. 1. М.—Л., 1931.

но является следствием магического ритуала. Так, колдун, протыкавший иглой вылепленную из воска фигурку врага, был убежден, что враг после этого обязательно умрет. В подобных случаях магическое действие связывается фантастическим образом с определенным материальным объектом, событием или явлением.

Представляет интерес вопрос о классификации магических обрядов, об их типологии. Известны попытки буржуазных ученых классифицировать колдовские обряды по формальным признакам. Так, Дж. Фрэзер делил магические обряды на две категории, в зависимости от того, основаны они на ассоциациях по смежности (контагиозная, или заразительная, магия) или по сходству (имитативная, или подражательная). В одном случае обряд предполагает сверхъестественное воздействие на основе непосредственного контакта (например, «порча», передаваемая через непосредственное соприкосновение, колдовское «зелье»), в другом — на основе подражания объекту, на который направлена магия (вызывание дождя с помощью особого ритуала выливания воды, «уничтожение» врага прокалыванием его двойника, вылепленного из воска, и т. п.). Немецкий этнограф А. Фиркандт различал колдовство «вблизи» и колдовство «издали» в зависимости от того, где находится объект магического акта. Можно привести и многие другие примеры подобных классификаций.

Эти классификации выявляли некоторые особенности магических обрядов, но страдали тем существенным недостатком, что пытались в основу типологии положить чисто формальные признаки, не связанные с социальными истоками магии, с реальными причинами возникновения тех или иных магических обрядов и верований. Марксистская типология магических обрядов была разработана С. А. Токаревым¹. В ее основу положен не формальный, а социальный критерий — связь магии с тем или иным видом деятельности и типом социальных отношений. С. А. Токарев выделяет следующие основные виды магии:

¹ См. С. А. Токарев. Сущность и происхождение магии.— «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований». М., 1959, стр. 7—75.

вредоносную, военную, промысловую, лечебную, метеорологическую, любовную. Каждый из этих видов является, по сути дела, иллюзорным средством обеспечения желаемого результата человеческой деятельности в определенной социальной сфере. Только такой подход позволяет материалистически объяснить источники определенных магических верований и обрядов.

Верования в сверхъестественные существа, наделенные сознанием и волей (духи, боги и т. п.), требуют культовых действий несколько иного характера. Здесь главные усилия религиозного человека направлены на то, чтобы обратить внимание воображаемого сверхъестественного существа на нужды человека, добиться благосклонности и получить требуемые блага. Здесь речь идет уже о поклонении в собственном смысле этого слова. Поскольку от воли и желания сверхъестественных существ зависит, по мнению верующих, их судьба, их будущее (в том числе и судьба после смерти), постольку люди обращаются к подобным существам за поддержкой, помощью, молят их о заступничестве. Возникают такие формы культа, как жертвоприношения и молитвы. Подобные культовые действия получили название умиловительных.

Жертвоприношения появляются вместе с возникновением анимистических верований, т. е. верований в существование духов, которые управляют природными стихиями, влияют на жизнь и деятельность людей. Стараясь задобрить духов, вызвать их благосклонность, первобытные люди приносили им в жертву пищу, некоторые предметы домашней утвари и т. п. У эвенков, например, существовали изображения духов — охранителей семьи и рода, которые были окружены специфическими обрядами: время от времени их «кормили» (мазали кровью, жиром, костным мозгом) или окуривали чадом горящего жира, что воспринималось также как кормление¹.

По мере развития и усложнения религиозных систем усложняется и система жертвоприношений.

¹ См. А. Ф. Анисимов. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблема происхождения первобытных верований. М.—Л., 1958.

Жертвоприношения имели огромное значение в религиях некоторых народов Древнего Востока — в Египте, Вавилонии, Иудее и других странах. Здесь жрецы создали сложную систему регламентации жертвоприношений. Насколько важное значение имели жертвоприношения в системе иудейской религии, можно убедиться, заглянув в Библию. Некоторые книги Ветхого завета почти целиком посвящены подробному описанию строгих правил жертвоприношений древних евреев богу Яхве. Например, в книге «Левит» детально перечисляются все те необходимые правила, которые должны выполнять последователи Яхве, если они хотят принести в жертву быка, овцу, козу, голубя. Жертвоприношение при этом рассматривается не только как своеобразное свидетельство религиозной ортодоксальности иудея, но в ряде случаев и как своеобразная плата за грех, ибо жертва, согласно иудейскому канону, якобы способна загладить тот или иной поступок последователя Яхве, идущий вразрез с нормами иудаизма. Любопытно, что в Библии специально оговаривается право жреца на жертвенное животное: «Как о жертве за грех, так и о жертве повинности закон один: она принадлежит священнику, который очищает посредством ее» (Левит, 7; 7). Известно, что значительная часть жертвоприношений попадала в руки жреческой верхушки, которая была заинтересована в них не только идеологически, но и экономически, материально.

Христианство формально отрицает жертвоприношения. Однако доктрина так называемых добрых дел у католиков и православных предполагает необходимость материальной поддержки церкви, жертвований в пользу церквей и монастырей, причем эти «добрые дела» рассматриваются церковью как одно из важных условий «спасения души». Подобные жертвоприношения, а также ритуалы возжигания свечей, лампад и т. п. восходят генетически к дохристианским жертвоприношениям и во многом выполняют их роль.

Молитва как специфический религиозный обряд сложилась на основе первобытных магических заговоров и заклинаний, т. е. так называемой вербальной магии (магия слова). Молитва первоначально

была нередко связана с жертвоприношением и сопровождала его. У негидальцев (небольшая народность, живущая в СССР в районе реки Амура) жертвоприношения сопровождались обычно словесными обращениями к «духам-хозяевам». Например, на родовом мольбище старейшина, приступая к разрезанию сваренной головы лося — жертвы духам неба, произносит: «Нас пожалей, небо, солнце, луна, мольбище!»¹

По словам известного этнографа Э. Д. Тэйлора, на папуасском острове Танна, где почитаются души умерших предков, покровительствующие произрастанию плодов, глава племени после приношения первых плодов произносит следующую молитву: «Сострадательный отец! Вот пища для тебя; ешь ее и надели нас ею!»² Впоследствии молитва отделяется от жертвоприношения или магического ритуала и в современных монотеистических религиях становится важнейшим элементом богослужения. Специфика молитвы состоит в том, что верующий обращается к богу (или богам, духам и т. п.) с просьбами или жалобами, просит о сострадании и заступничестве. Обычно слова молитвы, употребляемые приверженцами определенной религии, строго канонизированы и приобретают в глазах верующих особое чудодейственное значение.

Молитва — и коллективная, и индивидуальная — выступает как сильное средство идейного и психологического воздействия на верующих. В процессе молитвы происходит своеобразная эмоциональная разрядка, трансформация отрицательных чувств и переживаний в положительные. Это создает в молящемся иллюзию психологического облегчения, ему кажется, что молитва утешает, дает успокоение.

С точки зрения современной психологии воздействие молитвы на верующего человека можно объяснить, если мы примем во внимание психологические механизмы внушения и самовнушения. Известно, что повторение одних и тех же слов и действий способствует эффекту самовнушения. Это как раз и

¹ «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор», стр. 35.

² См. Э. Тэйлор. Первобытная культура. М., 1939, стр. 475—476.

происходит с человеком, погруженным целиком в молитву и временно как бы отключившимся от окружающего мира.

Включенная в определенную религиозную систему, молитва приобретает специфические черты. Так, в некоторых религиях на первый план выдвигаются формальные требования к молитве как к строго канонизированному ритуальному акту. В католицизме, православии, исламе большое значение имеют место и время совершения молитв, их порядок, сопровождающие ритуальные действия (коленипреклонение, поклоны, воздевание рук и т. п.).

Наибольшего выражения тенденция к формализации молитв достигла в ламаизме, где существуют специальные «молитвенные колеса» — колеса, вращаемые ветром, к которым привязаны листки со словами молитвы. Считается, что вращение подобного колеса обеспечивает восприятие молитвы божеством. В протестантизме, напротив, условия произнесения и содержание молитвы регламентированы относительно слабо. Главное требование к молитве, предъявляемое протестантизмом, — ее «искренность», отсутствие «эгоистических помыслов», глубокая вера в бога. Однако в любой религии молитва представляет собой особый ритуальный акт, целью которого является воздействие на сверхъестественное. В этом и состоит ее родство с любым магическим заклинанием или заговором.

В современных мировых религиях культ включает в себя много элементов и образует сложную систему ритуальных действий, в центре которой находится богослужение, т. е. коллективный религиозный обряд, совершаемый верующими в церкви или ином специальном месте. В православной церкви, как и во многих иных, существует специальный богослужебный канон, который определяет все основные богослужения в течение года, недели и суток. Например, на каждый день недели установлены особые молитвы и песнопения. В субботы и воскресенья богослужения проводятся торжественно, в праздничной обстановке. В среды же и в пятницы службы носят скромный характер, в них преобладают печальные настроения. Эти дни православная церковь считает

днями поста и покаяния. Такое чередование настроений также является одним из средств психологического воздействия на верующих; оно учитывает потребности человека в различных по характеру переживаниях.

Важнейшей формой богослужения в православии и католицизме является литургия — богослужение, во время которого совершается таинство причащения. Причащение представляет собой обряд, в ходе которого верующие поедают специально приготовленный хлеб и пьют разбавленное вино. Согласно православному вероучению, в ходе этого таинства происходит якобы превращение хлеба в тело Христа, а вина — в его кровь.

Таинства вообще занимают важнейшее место в православном и католическом богослужбном каноне. Православие называет таинствами специальные обряды, с помощью которых верующим якобы сообщается невидимая «благодать божия». Православная и католическая церкви признают семь таинств: крещение, миропомазание, причащение, покаяние (исповедь), брак, елеосвящение (соборование), священство. Многие из этих таинств связаны с важными моментами в жизни отдельного человека и его семьи. С помощью таинств церковь пытается подчинить себе внутренний мир и поведение человека. При этом она использует некоторые реальные потребности людей, удовлетворяя их в специфически религиозной, мистифицированной форме. Так, крещение выступает как церковное оформление рождения ребенка, венчание является религиозной санкцией заключения брака, елеосвящение (соборование) применяется в случаях, когда человек тяжело болен и ему грозит смерть. Что же касается исповеди и причащения, то они также паразитируют на некоторых реальных потребностях людей, в частности на их потребности в доверительной беседе поделиться своими интимными переживаниями, потребности в эмоциональной разрядке и т. п.

Система религиозной обрядности включает кроме перечисленных и некоторые другие элементы. Так, во многих религиях специфическую ритуальную роль играют посты. Как элементы обрядности, они существовали еще в первобытном обществе. В частности, в

период подготовки к инициациям (т. е. обрядам, знаменующим вступление юноши в круг взрослых мужчин) юноша должен был в течение определенного времени поститься. Здесь пост не имел четко выраженной религиозной окраски и означал прежде всего испытание мужества, силы и терпения. В религиозной обрядности пост часто служил средством подготовки человека к религиозному экстазу и общению с духами и богами. Пост как необходимый элемент поведения верующего или служителя культа отмечается почти во всех религиях, начиная с племенных и кончая мировыми.

Посты занимают важное место в иудаизме, христианстве, исламе. В православном церковном календаре постами отведено около двухсот дней в году. Особенно суровые ограничения накладывает на верующих мусульманский пост в месяц рамадан. Мусульманское вероучение требует в этот период полного отказа верующего от принятия пищи и воды (даже лекарств) от утренней зари до заката. Посты ослабляют организм человека и тем самым создают благоприятные условия для воздействия на него религиозной проповеди и богослужения.

Как видно из изложенного, во многих религиях магия и умиловительный культ очень часто переплетались между собой. Этнографы и историки отмечают, что в ряде случаев магические акты направлены не только на реальные объекты, но и на духов и даже на богов (например, в древнеегипетской или древнеиндийской религиях). С другой стороны, в самом умиловительном культе любой монотеистической религии, в том числе и христианской, присутствуют в преобразованном виде многие элементы магии.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПРИРОДА РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА

Любые культовые действия, начиная с элементарных магических актов и кончая сложными ритуалами литургии в католицизме и православии, выступают как символы определенных религиозных представлений. Вне этого символического содержания, вне

того осмысления, которое они претерпевают в сознании верующих, культовые действия не несут в себе ничего религиозного. Так, общеизвестно, что у многих последователей христианства важнейшим обрядом или даже таинством выступает крещение. Но что собой представляет крещение с точки зрения реального содержания совершаемых действий? Либо погружение в воду, либо обливание человека водой. Очевидно, что религиозным актом крещение становится не благодаря самому погружению человека в воду (это действие может совершаться и в нерелигиозных целях), а благодаря религиозному осмыслению, религиозному истолкованию такого действия. Верующий настолько привыкает к символически-религиозному смыслу обрядовых действий, что трезвое их описание при игнорировании их «священного» смысла кажется ему страшным кощунством. И в то же время совлечение с таинств и обрядов их религиозно-символической одежды часто используется в ходе критики той или иной религии и нередко оказывает сильное воздействие на читателя или слушателя.

Вспомним в этой связи известное место из «Воскресения» Л. Н. Толстого, где описывается таинство евхаристии (причастия) в православной церкви:

«Сущность богослужения состояла в том, что предполагалось, что вырезанные священником кусочки и положенные в вино, при известных манипуляциях и молитвах, превращаются в тело и кровь бога. Манипуляции эти состояли в том, что священник равномерно, несмотря на то, что этому мешал надетый на него парчовый мешок, поднимал обе руки кверху и держал их так, потом опускался на колени и целовал стол и то, что было на нем. Самое же главное действие было то, когда священник, взяв обеими руками салфетку, равномерно и плавно махал ею над блюдцем и золотой чашей. Предполагалось, что в это самое время из хлеба и вина делается тело и кровь, и потому это место богослужения было обставлено особенной торжественностью»¹.

¹ Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 20 томах, т. 13. М., 1964, стр. 155.

Разоблачительная сила этого отрывка состоит в том, что Л. Н. Толстой дает точное описание действий священника, отвлекаясь от религиозного значения, приписываемого им церковью. Церковные обряды вне их религиозного осмысления верующими теряют прежнее значение, лишаются силы эмоционально-психологического воздействия.

Символическая природа религиозных обрядов объясняет возможность исторического переосмысления одних и тех же обрядовых действий. В процессе исторического развития нередко происходила смена одной религии другой, более соответствовавшей новым экономическим и социальным условиям. При этом новая религия далеко не всегда отбрасывала или преследовала все бытовавшие в народе обряды, зачастую привычные обрядовые стереотипы не отвергались, а получали новое истолкование в соответствии с господствующими верованиями.

Анализируя эволюцию форм первобытной религии, С. А. Токарев отмечает, с одной стороны, устойчивость обрядов в ходе их исторического развития, а с другой — изменчивость идейного осмысления обрядов¹.

Так, через всю историю религии, вплоть до ее современных монотеистических систем, проходит обряд «очищения» с помощью ритуальной водной процедуры. Однако это действие в одном случае связано с примитивными магическими верованиями в очистительную силу воды, а в другом — символизирует «духовное очищение» человека, приобщение его к благодати (крещение в христианстве). То же самое можно сказать и об описанном выше таинстве евхаристии. Генезис этого обряда восходит еще к временам тотемизма. Тотемистические верования включали в себя не только запрет на убийство тотемного животного, но и обязательную ритуальную трапезу, на которой происходило раз в год поедание тела тотема, воспринимавшееся как символическое приобщение к тотемному сородичу.

Большинство православных праздников и обрядов на Руси впитало в себя многие элементы язычества.

¹ См. С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие, стр. 20.

И это относится даже к самому большому христианскому празднику — пасхе. Традиционные бытовые пасхальные символы: крашеные яйца, куличи, творожные пасхи, вопреки утверждениям православных церковников, возникли у славян еще в дохристианскую эпоху и были связаны первоначально с суеверными магическими верованиями. Так, яйцо было издревле символом жизненной силы, которая считалась чем-то волшебным, таинственным. Для того чтобы сделать яйца наиболее угодными духам, их обмазывали кровью. Позднее это переросло в обычай красить яйца.

Христианский праздник троицы не только вытеснил бытовавший ранее у славян древний праздник «семик», связанный с культом растительности, но и ассимилировал многие обычаи и обряды, которые некогда призваны были воздействовать на духов растительности, обеспечить плодородие. У последователей православия в нашей стране донныне сохранился в числе важных традиционных элементов празднования троицы обычай украшать дома и церкви зеленью, преимущественно ветками березы. И хотя православные церковники уверяют, что обычай в троицын день украшать дома и храмы зеленью символизирует «всеоживляющую силу пресвятого и животворящего духа», в действительности подобная трактовка является лишь попыткой «освятить» старинный языческий обряд.

Примеров такого рода можно привести очень много. Все они говорят о том, что одни и те же религиозные обрядовые действия и символы могут в ходе исторического развития приобретать различное значение, различный смысл.

КОНСЕРВАТИЗМ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА. РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ

Все эти факты подводят нас к выводу, что религиозный культ является наиболее консервативным элементом всякой религиозной системы.

Консерватизм культа покоится на выработке стереотипов поведения, которые обладают очень большой устойчивостью и живучестью. Религиозный культ есть сфера практической, повседневной жизни миллионов верующих. Многократное повторение религиозных обрядов становится привычкой, потребностью верующего, оно вырабатывает определенный тип верующего-традиционалиста, имеющий очень широкое распространение, прежде всего среди последователей католицизма и православия. Католическая и православная церкви на протяжении веков внедряли в массы догмат о церкви как единственной носительнице «божественной благодати». «Вне церкви нет спасения», — твердили православные и католические священники. Следовательно, чтобы «спастись», последователи этих конфессий прежде всего обязаны были соблюдать церковные обряды и заповеди, регулярно посещать богослужения. Что касается знания церковной догматики, Библии и т. п., то здесь требования к мирянам не были особенно жесткими. Преимущественное внимание к обрядовой стороне религии сформировало своеобразный тип ортодоксального католика и православного, для которого соблюдение церковных обрядов и таинств является центром, основой всей его религиозной жизни.

Подобные верующие не всегда задумываются о теологических, мировоззренческих проблемах. Для них главное в религии не решение мировоззренческих проблем, а соблюдение привычных культовых стереотипов, в которых они видят залог верности традициям отцов.

Консерватизм религиозного культа и его влияние на быт, психологию и поведение верующих можно правильно понять, лишь учитывая связь религиозных обрядов с религиозными праздниками. Религиозные праздники с самых древних времен в фантастической форме отражали условия жизни и быта людей. Они, как отмечалось, обычно были приурочены либо к поворотным, узловым точкам годового астрономического и календарного цикла (дни зимнего и летнего солнцестояния, весеннего и осеннего равноденствия), либо к определенным значимым событиям

в трудовой деятельности (у сельских жителей, например, дни выгона скота на пастбища и возвращения его в стойла, дни сева, сенокоса, уборки урожая и т. п.). Поэтому дни религиозных праздников в большинстве случаев не были произвольно установлены служителями культа. Последние вынуждены были учитывать реальные потребности крестьян в праздниках, приуроченных к важным моментам в годовом цикле производственной деятельности. В то же время церковь стремилась придать этим праздникам религиозную направленность. Благоприятная для урожая погода, обильные дожди, тучные пастбища, богатая жатва — все это истолковывалось служителями культа как «милость бога» (или богов), приписывалось заботе бога о людях и их благосостоянии. И напротив, суховеи, отсутствие дождей и другие явления природы, вызывавшие неурожай, голодовки, объяснялись божьим гневом на людей за их грехи, несоблюдение ими божественных заповедей и предписаний. Таким образом, в сознание масс прочно внедрялась идея зависимости человека и всех его усилий от божественной воли.

В первой главе уже говорилось, что можно выделить особый тип календарных обрядов, тесно связанных с праздниками. Календарные обряды и праздники принимали, как правило, религиозную окраску. Многие их особенности определялись соответствующими религиозными верованиями.

Так, у древних кельтов, населявших Британские острова, двумя главными праздниками были: бельтан (1 мая), знаменовавший начало лета, и самхейн (1 ноября) — конец лета. Эти два праздника отмечались в дни, когда кельты, основным занятием которых было скотоводство, перегоняли скот на летние горные пастбища или, напротив, загоняли скот на зимовку в стойла. Такова была основа указанных праздников. Однако эти праздники включали и немалое число обрядов, воплощавших в себе религиозные верования древних кельтов. Так, праздник самхейн был связан с культом предков. По-видимому, день, означавший конец света и тепла, ассоциировался со смертью, становился днем воспоминания об умерших. Поскольку души умерших, согласно кельт-

ским верованиям, появляются часто в ритуальных сооружениях (мегалитические монументы), именно эти сооружения и становились в ночь на 1 ноября местами, где совершались жертвоприношения. После жертвоприношений возле мегалитов разжигали огромный костер, и «все члены рода, взявшись за руки, пели в честь своих предков особые похоронные плачи и танцевали древние погребальные танцы под тягучий меланхолический напев похоронной песни»¹.

У древних славян также имелись ежегодные праздники, приуроченные к переломным моментам земледельческого годового цикла и включавшие в то же время разнообразные религиозные обряды. Например, зимний цикл праздников и обрядов у славян знаменовал завершение одного хозяйственного года и начало другого. В то же время этот реальный процесс осмысливался в фантастических формах: увеличение дня, согласно верованиям славян, означало рождение бога солнца. Стремление обеспечить благоприятный хозяйственный год реализовалось в разнообразных магических обрядах, к числу которых относились святочные гадания, колядование и т. п.

Другой цикл праздников и обрядов древних славян был связан с периодом колошения хлебов и уборкой урожая. Колошение хлебов сопровождалось обрядами, носившими название «колосьяница». В этих обрядах важное место занимала береза, которой приписывалась особая плодоносящая сила. Для того чтобы перенести эту силу на поля, девушки шли в лес, устраивали под березой пиршество, пели песни, водили хороводы. Приближение жатвы сопровождалось праздниками в честь бога Купалы, считавшегося покровителем земных плодов. Ему приносили жертвы, обходили поля с произнесением заговоров. Начало и завершение жатвы отмечалось у древних славян специальными праздниками (зажинки — начало жатвы и дожинки — конец жатвы), в центре

¹ «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы», стр. 80—81.

которых были магические обряды, совершаемые с зажиночным и дожиночным снопом¹.

Реальные условия трудовой деятельности древнего земледельца и скотовода, лежавшие в основе религиозных праздников и обрядов, во многом объясняют их живучесть и консерватизм, их устойчивость по отношению к внешним воздействиям.

Консерватизм христианского культа, стойкое сохранение верующими культовых привычек и традиций в известной мере обусловлены именно этими обстоятельствами. Христианство приурочило значительную часть своих обрядов к праздникам, которые хотя и имели, согласно учению церкви, чисто религиозное содержание, восходящее к тем или иным христианским догматам или мифам, но по сути дела отражали в преобразованном виде все те же знаменательные даты и события сельскохозяйственного года.

Приведем несколько примеров. Праздник рождества Христова первоначально (до IV века нашей эры) отмечался церковью 6 января. Лишь в середине IV века, став официальной государственной религией, христианство переносит празднование рождества на 25 декабря. Это объясняется стремлением вытеснить дохристианские культы (в частности, митраизм), в которых день зимнего солнцестояния (25 декабря) торжественно отмечался как праздник рождения солнца. Перенеся праздник рождества на 25 декабря, христианская церковь стремилась использовать в своих целях уже сложившиеся и опиравшиеся на ритм сельскохозяйственного календаря обрядовые стереотипы. И ей это в значительной мере удалось. Вместе с введением христианства традиционные праздники зимнего цикла приобретают у народов Европы специфическое религиозное содержание, связываются со многими церковными обрядами. В то же время «языческие» истоки этих праздников давали о себе знать в течение длительного времени. На Руси празднование рождества нередко включало народные «игрища» и увеселения, преследовавшиеся церк-

¹ См. С. Ф. Алмазов, П. Я. Питерский. Праздники православной церкви. М., 1962, стр. 13—14.

вью. В грамоте царя Алексея Михайловича шуйскому воеводе в 1649 году указывалось: «Да на Рождество Христово и до Богоявленного дня собираются на игрища бесовские, да пьяные же ходят по Москве попы и иноки и всяких чинов православных христиане...»¹

Своеобразное истолкование русским народом смысла и значения ряда церковных праздников видно даже из неофициальных названий их. Так, церковный праздник преображения Иисуса Христа² известен на Руси издавна как «яблочный спас». Спас — это краткое наименование спасителя — Иисуса Христа, яблочным же он назван потому, что празднуется 19 августа (6-го по старому стилю), т. е. в момент, когда в садах поспевают яблоки. Несколько раньше «яблочного спаса» празднуется «медовый спас» (1 августа по старому стилю). Этот день открывает сбор меда нового урожая. Сами названия подобных праздников показывают, каково было их реальное значение в быту русского крестьянина, как он их воспринимал. В еще большей мере это относится к многочисленным праздникам, установленным православной церковью в честь святых. Так, ильин день — 2 августа (20 июля) — знаменовал в крестьянском быту конец сенокоса и начало жатвы («пророк Илья лето кончает, жнитво зачинает», «Илья-пророк — косьбе срок»); Никола вешний — 22 (9) мая — связывался с весенним севом и переводом скота и лошадей на подножный корм, Никола зимний — 19 (6) декабря — с полным завершением сельскохозяйственного года и т. д.

Таким образом, прочность стереотипов религиозного поведения, традиционное соблюдение многих обрядов и праздников объясняется не только их повторением, формирующим соответствующие привычки; эти явления можно понять, лишь выяснив связь религиозных праздников и обрядов с циклом земледельческих работ, с их местом в быту и хозяйстве земледельца или скотовода. Отсюда понятно, что

¹ С. Ф. Алмазов, П. Я. Питерский. Праздники православной церкви, стр. 53.

² Он празднуется церковью в память о чудесном преображении Христа, которое якобы наблюдали апостолы.

религиозный традиционализм подрывается и разрушается не только средствами идейного воздействия. Его корни разрушаются вместе с процессом урбанизации, вместе с изменениями условий труда и быта сельского населения. В этой связи становится очевидной роль социальных и культурных преобразований советской деревни в преодолении сельской религиозности.

Консерватизм культа церковь издавна использовала в своих целях, помогая формированию ортодоксальных верующих. Однако консерватизм религиозного культа несет с собой и некоторые нежелательные для церкви последствия. На II Ватиканском соборе, например, встал вопрос о необходимости приспособить католический культ к современности, модернизировать его. Многие католические иерархи указывали, что использование в богослужении мертвого латинского языка ведет к тому, что религиозный смысл молитв ускользает от молящихся. Литургия превращается в чисто формальное действие, ибо религиозные символы не расшифровываются присутствующими. Говорилось и о том, что строгое единообразие богослужебных действий в любой католической стране не дает возможности поставить на службу католицизму местные национальные традиции и особенности. Как известно, на II Ватиканском соборе католическая церковь сделала определенные шаги в направлении модернизации культа. Разрешено использовать в ходе богослужения национальные языки. Подчеркнута необходимость учитывать национальные особенности в христианской культовой символике (например, в Африке Христос не должен изображаться белым, а сатана — черным и т. п.). Таким образом, католицизм предпочел отказаться от некоторых культовых традиций, с тем чтобы усилить идейное воздействие на верующих, сделать более эффективной систему их религиозного воспитания.

Аналогичные проблемы стоят и перед православной церковью. Православный культ отличается огромным количеством и большой продолжительностью богослужений. Посещение всех их для большинства верующих весьма затруднительно. Право-

славные обряды малопонятны для присутствующих вследствие использования в них церковнославянского языка. Все это, несомненно, сужает возможности их идейного воздействия.

На страницах «Журнала Московской патриархии» нередко приходится читать сетования церковников в связи со слабой действенностью православных обрядов. Один из православных богословов сокрушается, что многие советские граждане, посещающие церковь, незнакомы с религиозным смыслом и значением православных обрядов. Важнейшей задачей священнослужителей этот теолог считает разъяснение в проповедях смысла православного богослужения¹.

Таким образом, перед православием также стоит дилемма: либо, уповая на силу традиции, отказаться от нововведений в сфере культа, либо вступить на путь модернизации обрядов — путь, пока не проторенный и грозящий рядом осложнений. Насколько можно судить, православие пока официально воздерживается от каких-либо существенных нововведений в сфере культа. Однако на местах православные священники вынуждены, чтобы не потерять «пасты» (и доходов!), практически отступать от многих богослужебных норм и канонов. В последние годы все чаще практикуется «заочное» отпевание умерших, коллективная исповедь. Сняты жесткие требования в отношении соблюдения постов и т. п.

Верующие-традиционалисты составляют и сейчас немалую часть последователей православия и католицизма в СССР. Как показывают социологические исследования, подобные верующие очень часто плохо знают вероучение. Более того, многие из таких людей весьма скептически относятся к религиозным догматам, причем даже к таким основополагающим, как догматы о бессмертии души, о божественной воплощении и воскресении Иисуса Христа и т. п. Что же привлекает их в религии? Прежде всего само богослужение и его психологическое воздействие на молящихся.

¹ См. «Журнал Московской патриархии», 1957, № 2, стр. 60—62.

СРЕДСТВА ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ КУЛЬТА

Рассмотрим богослужение именно с этой стороны. Прежде всего следует отметить, что христианство активно использует в ходе богослужения многие средства эстетического воздействия.

Уже само здание церкви, с его высокими сводами, с его постоянным полумраком, определенным образом воздействует на человека, создает в нем необходимое «молитвенное» настроение. Прибавьте к этому красочную роспись стен, мерцание свечей, блеск золота и серебра многочисленных икон, лампад, алтаря, пышные и красочные одежды священнослужителей. А какое сильное воздействие оказывает на присутствующих в церкви пение хора, музыка органа! Даже на неверующего человека, присутствующего в церкви, обстановка богослужения не может не оказать определенного воздействия. Что же говорить о человеке религиозном.

Отношение христианства к искусству всегда было весьма противоречивым. С одной стороны, христианская церковь боялась искусства, как могучей творческой силы, не укладывавшейся в рамки церковных канонов и догматов, обращенной к земле, к человеку и, следовательно, нередко вступавшей в конфликт с «потусторонней» ориентацией защитников религии; с другой стороны, христианская церковь понимала силу эмоционально-психологического воздействия искусства и пыталась использовать ее в своих целях.

Это противоречивое отношение выразилось в первые века существования христианства в борьбе в нем двух течений, двух тенденций. Одно течение наследовало от иудаизма полный отказ от любых изображений божества, от икон. Его сторонники заявляли, что, изображая бога в наглядных, чувственно воспринимаемых, земных образах, иконописцы и почитатели икон низводят высшее, потустороннее божество до уровня земного «идола». Они требовали запрета создания икон и поклонения им. «Иконоборцы» в Византийской империи добились временного успеха

(VIII век). Тысячи икон были сожжены, сторонники иконопочитания преследовались.

Однако в конечном счете иконоборцы потерпели поражение. В христианстве победила другая тенденция, более умеренная. Христианская церковь поступила с искусством так же, как с многими другими явлениями человеческой культуры: она попыталась его ассимилировать, целиком подчинив себе, ограничив узкими рамками религиозного культа. Искусство допускалось лишь в тех пределах, в которых оно служило религиозной вере, пробуждало в людях те мысли, чувства и настроения, которые проповедовались церковью.

На этой основе возникло культовое (или церковное) искусство. Главное назначение культового искусства состоит в том, чтобы с помощью художественных средств утвердить веру в истинность христианских мифов и представлений. Поэтому христианская церковь строжайше регламентировала и характер культовых изображений, в частности икон, и содержание богослужебной музыки и пения. Эта регламентация, закрепленная в «иконописном каноне» и других сводах правил, имела своей целью сохранить специфический характер культового искусства, избежать его выхода за рамки церковной догматики. Иконы призваны были воспроизводить условные лики Христа, богородицы и святых, которые символизировали их непохожесть на обычных людей, их «возвышенный» характер. Один из современных православных богословов так говорит об этом в диссертации, посвященной церковному искусству: «Все земное временно и подвержено изменению и тлению, но небесный мир неизменен в своей божественной сущности. Поэтому все фигуры изображаемых святых, как носителей вечности, пишутся неподвижными. Неподвижность, постоянство противопоставляются земной неустроенности, страху и суетности». И далее: «Икона отображает тело святого человека, очищенного от греха и порока... Это одухотворение и освящение передается условной формой. Большие глаза, тонкий нос, маленький рот, удлиненные пальцы рук указывают на особую утонченность, возвышенность и духовность изображаемого святого. Краски, линии, фор-

мы — символический язык, посредством которого раскрывается духовный мир святого». Достоинство древних икон, по мнению православного теолога, состоит в том, что они не отвечают «привычным требованиям похожести на всеми видимую «реальность» окружающей действительности. И способ, и средства этого искусства противоположны реализму, не реалистичны».

Соответствующие требования предъявлялись и предъявляются церковью к музыке и пению, включенным в систему культа. В церковной музыке господствует минор. Она должна вызывать переживания, гармонирующие с религиозной проповедью, подчеркивающие немощь и слабость человека.

Сказанное не означает, что церковное искусство не имеет эстетической ценности и может служить только утверждению религиозной веры. Церковь пыталась низвести церковное искусство до роли своей служанки, но практически ей это удавалось далеко не всегда. В нем наряду с тенденцией к христианской символике всегда существовала и иная тенденция — тенденция к реалистическому изображению человека и его переживаний. По форме церковное искусство возвеличивало бога, однако по своему содержанию оно нередко прославляло не столько бога, сколько человека. И эта тенденция в рамках культового христианского искусства привела к созданию таких художественных шедевров, как иконы Андрея Рублева, фрески Дионисия. Эстетическая ценность подобных шедевров не только не исчезает, когда замечательные произведения церковного искусства прошлого освобождаются от их культовой функции, но, напротив, неизмеримо возрастает. Как это ни парадоксально, можно сказать, что лишь в советское время было раскрыто подлинное художественное содержание древнего русского искусства, связанного с православным культом. Замечательные иконы прошлого, к числу которых можно отнести «Троицу» Рублева и многие другие, обнаружили свое художественное содержание и ценность только тогда, когда они были освобождены от громоздких и безвкусных окладов, когда их первоначальные краски, очищенные от вековой копоти, предстали во всей их неповторимой яркости

и великолепии. Вот почему мы высоко ценим многие иконы как художественные произведения и в то же время выступаем против их превращения в объекты культового поклонения.

До сих пор говорилось об использовании искусства православием и католицизмом. Это не значит, что другие христианские и нехристианские религиозные организации не используют средства эстетического воздействия в своем культе. Хотя конкретные формы и пути использования эстетического начала в религиозном культе существенно меняются, однако само привлечение искусства в систему религиозной обрядности остается общей закономерностью. Баптисты, которые резко отвергают католический и православный культ, обвиняя церковь в «идолопоклонстве» и суеверии за почитание икон, креста и т. п., включили в свою систему культовых действий многие элементы искусства; здесь и пение «духовных песен», и декламирование стихотворений, и музыкальное сопровождение с помощью фисгармонии или иных инструментов.

«Духовные песни» баптистов — весьма своеобразное явление. Их текст нередко представляет собой «переработку» стихотворений известных поэтов. Автору приходилось в Ставропольском крае слышать песню баптистов, написанную в подражание известному стихотворению М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу»:

Вышел я на новую дорогу,
Предо мной тернистый путь лежит.
А вдали, к небесному чертогу,
Огонек живительный горит.
А вдали, как волны у прибоя,
Что-то стонет страшно и ревет,
Это он, не знающий покоя,
Грешный мир назад меня влечет...

В ряде случаев баптисты используют мотивы популярных народных или советских песен, создавая новый текст. Например, широко известен баптистский вариант «Сулико»:

Мир душе своей я искал,
Но его найти нелегко.
Долго я молился и страдал —
В поисках ушел далеко.

Баптисты использовали даже мелодию «Авиамарша», первые строки припева которого в баптистской «переработке» звучат следующим образом:

Все выше, и выше, и выше
Стремится душа к небесам...

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что включение в культовую систему средств эстетического воздействия выступает как общая закономерность функционирования религиозного культа.

ЭМОЦИОНАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА

Стремление поставить на службу религиозному культу средства эстетического воздействия определялось и определяется могущественным эмоционально-психологическим воздействием искусства. В ходе богослужения на службу религии ставятся те механизмы эмоциональной разрядки, которые со времен Аристотеля известны в эстетике под названием катарсиса (буквально — «очищение»).

Воспринимая то или иное произведение искусства, человек как бы эмоционально приобщается к событиям и ситуациям, которые изображает драматург, писатель или художник. Но эстетические переживания, испытываемые в процессе восприятия художественного произведения, не тождественны тем чувствам, которые испытывают герои этого произведения. Какие бы переживания ни вызвало искусство — радость или печаль, восхищение или скорбь, — они заканчиваются всегда определенной эмоциональной разрядкой, чувством очищения, просветления, освобождения. Это чувство Аристотель и назвал катарсисом. В результате катарсиса противоречивые, порой тяжелые, мучительные переживания, по выражению советского психолога Л. С. Выготского, как бы находят свой разряд и самосгорают в коротком замыкании¹.

¹ Л. С. Выготский. Психология искусства. М., 1965, стр. 279.

Религиозные переживания, испытываемые верующими во время коллективного богослужения или индивидуальной молитвы, по своей динамике (но не по своей социальной направленности!) в известной мере сходны с катарсисом. Посмотрим с этой точки зрения на динамику эмоциональных состояний, испытываемых верующими — баптистами или православными — во время богослужения. Вначале коллективное повторение молитв, культовые поклоны или иные телодвижения призваны постепенно вызвать глубокие религиозные переживания, которые носят преимущественно отрицательный характер. Священник или проповедник призывает верующих покаяться, осознать свои грехи, мешающие им стать подлинными христианами. На каком-то этапе богослужения наступает кульминационный момент. Эмоционально-психологическое напряжение молящихся доведено до крайней точки. Происходит бурная разрядка, сопровождающаяся слезами, а иногда и истерическими припадками. После этого наступает чувство облегчения, успокоения.

Сходные чувства, хотя, как правило, в ослабленной форме, испытывает и верующий в ходе индивидуальной молитвы. Верующему кажется, что молитва принесла ему облегчение, успокоение. Действительно, молитва явилась специфической формой его эмоциональной разрядки. Ему представляется, что после молитвы ему стало легче, он получил душевное успокоение, облегчил свою душу и т. п.

Религиозные переживания, при всем многообразии и специфике их отдельных проявлений, обнаруживают некоторые общие черты. Происходит как бы снятие эмоционального напряжения, превращение отрицательных чувств в положительные. Многие защитники религии, в том числе и буржуазные психологи, стремятся истолковать эти психологические процессы как доказательство благотворного психологического влияния религии на сознание людей. Они даже приписывают религии «психотерапевтическую функцию».

Религия действительно может снимать отрицательные эмоции, смягчать или преодолевать внутренние психологические конфликты, даже лечить

неврозы. Верующему, побывавшему в церкви или молитвенном доме, субъективно кажется, что он лучше себя чувствует, что религия его утешила. Но буржуазные психологи и теологи не желают замечать специфического характера религиозной «психотерапии»: с одной стороны, верующий ощущает внутреннее облегчение, испытывает успокоение и даже радость; с другой — это субъективное утешение достигается на религиозной основе, т. е. на основе веры в истинность ложных, антинаучных идей и представлений, предполагает подчинение всей духовной и социальной жизни личности религиозным иллюзиям. Последнее же может быть достигнуто лишь за счет обеднения и искажения духовного мира личности, за счет отрыва ее от реальных земных проблем. Прогрессивный американский психолог, убежденный противник религии Джемс Леуба справедливо заметил: «Дикарь, который слышит в ударе грома голос бога, впадает в ту же непосредственную иллюзию, что и христианин, который чувствует бога в притоке моральной энергии, вызванной в нем молитвой»¹.

Утешение, которое дает религия, — это иллюзорное утешение, достигаемое путем временного отключения от действительности. Религия утешает, но не облегчает условий жизни людей. Объективно религиозное утешение служит средством примирения людей с существующими условиями жизни, какими бы безрадостными и тяжелыми они ни были.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

Живучесть религиозных обрядов может быть понята и научно объяснена, если мы примем во внимание их связь с этническими общностями.

В первобытную эпоху религиозная группа совпадала целиком с родовой или племенной общностью.

¹ J. H. Leuba. The Psychology of Religious Mysticism. L., 1925, p. 315.

Одним из существенных признаков, отделявших один род или племя от другого, было совместное отправление членами данного рода или племени религиозных обрядов¹.

В классовом обществе связь религии с этническими общностями — народностью и нацией — усложняется, но не исчезает. Эта связь выступает наиболее рельефно в так называемых национальных религиях. Такие религии, как иудаизм, индуизм, конфуцианство, синтоизм, формировались и развивались как религии определенной народности. В этих религиях бог или боги представлялись как покровители данной народности, обеспечивающие ее процветание, способствующие ее победе над врагами. Эта особенность национальных религий ярко отразилась в Ветхом завете, входящем в состав Библии. В различных книгах Ветхого завета подчеркивается связь еврейского народа с богом Яхве. С точки зрения иудаизма евреи выступают как особый, избранный богом народ, которым Яхве постоянно руководит через своих «доверенных лиц» — патриархов и пророков. В Ветхом завете многократно говорится о том, что условием «спасения» еврейского народа является соблюдение им Завета, заключенного с Яхве, т. е. неукоснительное выполнение норм поведения и обрядов, предписанных богом через своих пророков и священников.

Любая национальная религия в фантастической форме провозглашала идею этноцентризма, подчеркивая превосходство данного народа над остальными и обосновывая его связью этого народа с божеством. Система обрядности в национальных религиях играет, как правило, чрезвычайно важную роль. «Спасение» индивида, согласно вероучению большинства национальных религий, достигается прежде всего соблюдением им обрядовых предписаний: принесением жертв согласно разработанному ритуалу, соблюдением постов, пищевых запретов и т. п. Духовенство этих религий использует обряды не только в целях религиозной обработки людей, но и в целях разжигания межнациональной розни, противопостав-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 93, 101.

ления одного народа другому. В настоящее время мы видим, что реакционные националистические и шовинистические организации в ряде стран пытаются опереться на национальные религии как на свое идейное оружие. Так, в Израиле иудаизм смыкается с сионизмом, в Индии реакция опирается на некоторые индуистские секты и организации, в Японии усиливаются попытки реакционных кругов восстановить синтоизм как государственную религию.

Мировые религии выступили под флагом универсализма и космополитизма, они апеллировали к представителям всех рас, наций и народов, провозглашая их равенство перед богом. Мировые религии отвергли прежнюю сложную обрядность, разделявшую этнические и религиозные общности. Однако универсализм и космополитизм мировых религий хотя и были провозглашены теоретически, но практически последовательно реализованы быть не могли. Дело в том, что любая из мировых религий опиралась на определенные этнические общности. Функционируя в рамках той или иной этнической общности, мировая религия приобретала специфические черты и особенности, отражавшие условия жизни и быта данного народа.

Рассмотрим это подробнее на примере христианства.

Христианство возникло в эпоху, когда Римская империя пыталась не только подчинить себе окружающие народы, но и унифицировать их, нивелировать их национальные особенности и традиции. Христианский космополитизм был в значительной мере мистифицированным отражением условий того времени, когда империя перемешала все «племена и наречия», когда ни одна из национальных религий не могла претендовать на роль идейной силы, объединяющей всех угнетенных и эксплуатируемых. Возникнув как мировая религия, обращенная ко всем народам, христианство впоследствии развивалось на основе тех социально-экономических изменений, которые происходили в Европе в эпоху становления феодализма. Важным аспектом этих изменений было формирование новых народностей: немцев, французов, итальянцев, испанцев, англичан и т. п.— в Западной Европе,

славянских народностей и венгров — в Центральной и Восточной. Внедрение христианства в их жизнь, быт и культуру означало не только воздействие христианства на идеологию, быт и нравы каждого народа; одновременно менялось и само христианство, приспособляясь к социально-экономическим условиям, этническим и бытовым традициям. Процесс приспособления христианства к национальным условиям шел быстрее в Восточной, чем в Западной Европе. Это объяснялось тем, что на Западе католическая церковь была единой наднациональной централизованной организацией; на Востоке национальные православные церкви постепенно приобретали все большую независимость по отношению к Константинопольской патриархии, в конечном счете став автокефальными, т. е. полностью самостоятельными. Это способствовало тому, что православие в большей степени, чем католичество, приспособлялось к национальным условиям и особенностям, ассимилировало многие черты быта, традиций, культуры определенных народностей. Но и католицизм в Западной Европе также приобретал национальную окраску. В содержательной монографии Я. В. Минкявичюса «Католицизм и нация» выделено несколько направлений, по которым происходил и происходит процесс приспособления католицизма к национальным особенностям того или иного народа¹. Эти направления не являются чем-то специфичным для католицизма. Они, на наш взгляд, характеризуют всякий процесс приспособления мировой религии к национальным условиям и особенностям.

Во-первых, любая мировая религия, и в частности христианство, впитывает в себя элементы тех религиозных верований, которые бытовали в народе ранее. Выше уже приводились примеры, когда, например, православие в России впитало в себя в преобразованном виде многочисленные дохристианские верования и обряды наших славянских предков. Синкретизм дохристианских и христианских верований и обрядов типичен для многих народностей нашей

¹ См. Я. В. Минкявичюс. Католицизм и нация. М., 1971, стр. 208—214.

страны: марийцев, мордвы, чувашей, коми и многих других. У черкесов христианский образ Георгия Победоносца слился с дохристианскими представлениями о боге — покровителе воинов Ауш-Георги¹. У бурят и тувинцев этнографы фиксируют синкретизм шаманизма и ламаизма. У народов Средней Азии и Кавказа наблюдается слияние ислама с доисламскими верованиями и обрядами.

Во-вторых, мировые религии принимают национальную форму через сферу быта, традиций, обычаев, психического склада народа. Католицизм в Латинской Америке существенно отличается от католицизма в Европе. Обряды, праздники, даже культовые символы — все это отражает культурные и национальные особенности латиноамериканских народов. В настоящее время католическая церковь понимает, что она сможет добиться успеха в Африке, только учитывая специфику культуры, быта и национальных традиций африканских народов. В ряде африканских стран церковная служба сопровождается нередко национальными мелодиями, исполняемыми на тамтамах, рогах буйвола, больших деревянных трубах и других народных инструментах. Нил, Конго и Замбези наряду с Иорданом признаны «священными реками». Форсируется канонизация местных «святых». Например, в Уганде было канонизировано недавно сразу 22 местных святых².

Третьим направлением, по которому происходит приспособление мировых религий к национальной специфике, является область культового искусства. Те же самые византийские архитектурные формы церквей и культовые изображения, попав на Русь, приобретали специфический облик, отражали особенности жизни, быта и психического склада обитателей Древней Руси. Уже в киевской Софии наряду с подражанием византийскому искусству мы находим ори-

¹ См. Г. Ф. Турчанинов. Из истории религиозного синкретизма у черкесов.— «Вопросы истории религии и атеизма», вып. VI. М., 1958, стр. 306—319.

² См. М. В. Андреев. Католицизм и проблемы современного рабочего и национально-освободительного движения. М., 1968, стр. 222—223.

гинальные и неповторимые по своим художественным достоинствам культовые мозаичные изображения. Во Владимире в XII—XIII веках создается свой стиль церковного зодчества. В изумительной резьбе Дмитриевского собора, в гармоничном единстве храма Покрова на Нерли с окружающей природой, в величественных контурах Успенского собора воплотились не только церковные идеи и символы. В них мы находим ярчайшее проявление русской национальной культуры и национального самосознания той эпохи.

В-четвертых, национальные особенности мировых религий нередко проявляются в том, что отдельные элементы их культа выступают в определенных странах на первый план, становятся в этих странах специфическими признаками религиозности. Например, хотя культ девы Марии занимает важное место в католицизме вообще, в ряде стран (Испания, Италия, Польша) этот культ приобрел особое значение и данные страны в католической литературе даже называют мариологическими.

Характерно, что в различных странах Европы культ тех или иных «святых» занимает разное место. В Бельгии, например, особое место в цикле зимних праздников занимают дни святых Мартина (11 ноября) и Николая (6 декабря). Они празднуются не менее торжественно, чем рождество или Новый год. Исторически это отчасти связано с тем, что святой Мартин почитался католической церковью как покровитель Галлии. В Бельгии ему было посвящено более 400 церквей. В Скандинавских странах особенно широко принято отмечать день святой Люции. В Болгарии один из наиболее почитаемых верующими зимних праздников — это день святого Игната (20 декабря), а весенних — день святого Георгия (23 апреля) и т. д.

Почти в каждой стране можно выделить наиболее почитаемые религиозные центры и «святые места». Во Франции это Лурд, в Португалии — Фатима, в Греции — Афон и т. п.

Все эти культовые особенности содействуют распространению иллюзии, что данная разновидность христианства (ислама, буддизма) неразрывно связана

с национальными традициями, что она отвечает «духу» той или иной нации.

На теоретическом уровне эти идеи активно пропагандируются богословами и деятелями церкви. Так, польский католический автор Ф. Мантей утверждает, что немцы, чехи, поляки, русские, литовцы и другие народы Европы своим происхождением обязаны христианству, что помимо религиозной веры они получили от церкви «свою христианскую национальную культуру». По мнению этого автора, Польша является одним из тех государств, «для которых церковь была не только ключницей божьей жизни, но также единственным источником и духовной, и интеллектуальной культуры»¹.

Мысль о неразрывности религии и национальной самобытности народов, населяющих СССР, усиленно распространяется за рубежом профессиональными советологами и антикоммунистами. Авторы книги «Современное положение ислама в России», изданной в Стамбуле в 1966 году, пытаются уверить читателя, будто ислам представляет неотъемлемую часть национального быта среднеазиатских народов. «Религия и национальные обычаи и традиции туркестанских мусульман настолько переплетены и взаимосвязаны, что попытки их разделения окажутся безуспешными...» — заявляют они².

Действительно, религия на протяжении веков была тесно связана с определенными этническими общностями, накладывая известный отпечаток на быт, нравы и культуру народов. Однако, вопреки мнению богословов и иных защитников религии, она никогда не была «единственным источником духовной культуры». Мы уже говорили о том, что духовная культура любого народа всегда включала в себя как неотъемлемые компоненты не только безрелигиозные, но и откровенно антирелигиозные идеи и традиции. Вспомним хотя бы взаимоотношения русской народной культуры и православной церкви. Изве-

¹ Цит. по кн.: Я. В. Минкявичюс. Католицизм и нация, стр. 183—184.

² См. «Вопросы научного атеизма», вып. 14. М., 1973, стр. 27.

стно, с каким ожесточением преследовала русская православная церковь скоморохов, т. е. народных актеров, бродивших группами по стране и исполнявших многие сценки, имевшие отчетливую антицерковную направленность. Творчество скоморохов пользовалось в народе большой популярностью. В одной из церковных рукописей XV века говорится: «Когда надо идти в церковь, мы позевываем, и почесываемся, и потягиваемся, дремлем и говорим: холодно или дождь идет... а когда плясуны, или музыканты, или иной какой игрец позовет на игрище или сборище идольское, то все туда бегут с удовольствием... и весь день стоят там, глазуют»¹.

Традиции свободомыслия, критического отношения к церковной догме и культу мы находим в культуре любого народа. Поэтому попытки церковников изобразить религию основным источником национальной культуры беспочвенны и не соответствуют историческим фактам.

Кроме того, нельзя не видеть, что в социалистическом обществе происходит неизбежный и закономерный процесс полного освобождения национальных культур от влияния религии. В частности, в нашей стране религия давно потеряла свои прежние позиции в области образования, воспитания, искусства. Наше общество все более становится обществом атеистов — людей, сознательно принимающих основные принципы научного мировоззрения.

Однако было бы неверно игнорировать тот факт, что в сознании некоторой части советских людей еще не всегда национальное самосознание, национальные традиции четко отделяются от религиозных верований и обрядов. Историческое переплетение национального и религиозного еще не у всех советских граждан правильно объясняется и осмысливается. Подчас чисто религиозные обычаи и ритуалы отождествляются с национальными традициями, их соблюдение рассматривается как важный показатель национальной принадлежности, а отказ от них — как «измена традициям отцов», как прояв-

¹ См. П. Миллюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 2, изд. 4. Спб., 1905, стр. 180—181.

ление национального нигилизма. Прежде всего это относится к соблюдению некоторых религиозных обрядов.

Возьмем, к примеру, обряд крещения. Социологические исследования, проведенные в последние годы, показали, что обряд крещения соблюдает все еще значительная часть населения нашей страны. При этом, как видно из опросов, большинство участвующих в обряде — люди неверующие. И одним из мотивов участия в обряде является ложно понятое национальное чувство, неправильно истолкованные национальные традиции. По данным Д. М. Аптекмана (исследование проводилось в одном из районов Ленинграда), только 8% обследованных участвовали в обряде крещения по религиозным мотивам, в то же время 33,3% крестили детей по требованию родственников и 36% — по традиции¹. По данным Л. Н. Ульянова (исследование проводилось в 1968 году в Земетчинском районе Пензенской области), среди лиц, считающих себя верующими и принимавших участие в обряде, 37,9% объяснили этот факт влиянием традиций². Эти чувства специально подогреваются православными проповедниками. Обращаясь к родителям, священники поучают: «...научайте истинам ее (веры.— Д. У.) своих детей, передавайте ее своим потомкам, чтобы никогда не умялялась, никогда не умерла на нашей земле Христова вера!»³

Отсюда вытекают и некоторые задачи атеистического воспитания. Воспитание в духе интернационализма, укрепление межнациональных связей, разрушение националистических предрассудков играют важную роль и в деле преодоления религиозных традиций. Наш советский образ жизни, становление и развитие принципиально новой общности людей — советского народа закладывают основу развития и сближения социалистических наций, свободных от любых проявлений суеверий и предрассудков.

¹ См. Д. М. Аптекман. Причины живучести религиозного обряда крещения в современных условиях.— «Вопросы философии», 1965, № 3, стр. 85—88.

² См. «Вопросы научного атеизма», вып. 11. М., 1971, стр. 228.

³ «Журнал Московской патриархии», 1946, № 7, стр. 13.

ПОЧЕМУ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ СУЩЕСТВУЮТ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ?

Вопрос о живучести религиозных обрядов при социализме в своей основе совпадает с вопросом о живучести религии в целом.

В рамках настоящей работы мы не сможем подробно остановиться на причинах существования религии в социалистическом обществе. Отметим лишь те аспекты этой проблемы, которые особенно важны для понимания причин сохранения и воспроизводства религиозной обрядности.

В советской литературе общепризнано, что социальные корни религии в нашем обществе подорваны. Это значит, что исчезли важнейшие социальные источники, питавшие прежде религиозность масс,— стихийность общественного развития, эксплуатация трудящихся. Общественная собственность на средства производства впервые в истории создала возможность для сознательной и планомерной реализации трудящимися экономических и социальных законов. Эти законы, некогда господствовавшие над людьми как стихийные и разрушительные силы, ныне познаются обществом и осуществляются в ходе его планомерного развития. Так исчезают важнейшие социальные источники превратного отражения мира в религиозном сознании. Религия вытесняется на периферию общественной жизни и становится пережиточным (по своей социальной природе) явлением.

Однако подрыв социальных корней религии не означает, что исчезли все социальные явления, способствующие ее сохранению в социалистическом обществе.

Следует учитывать, что в социалистическом обществе еще не все люди активно включены в производственную, социально-политическую и культурную деятельность. Имеются люди, для которых совокупные цели и совокупная деятельность общества

воспринимаются как нечто внешнее, чуждое их личным целям и устремлениям. Такие люди не связаны или слабо связаны с социалистическим коллективом. Нередко их связь с коллективом носит формальный характер. Религия для подобных людей выступает как средство иллюзорного восполнения слабости их социальных связей, одиночества, отсутствия глубоких общественных интересов.

Социологические исследования показывают, что религиозность преобладает в тех группах населения, которые слабо вовлечены в производственную и общественную деятельность, у которых недостаточны или ослаблены социальные связи (домохозяйки, пенсионеры). Соответственно процесс преодоления религии в нашем обществе связан со все более широким вовлечением трудящихся в активную общественную и политическую деятельность, с преодолением социальной пассивности отдельных индивидов, со всесторонним расширением социалистической демократии.

В этом свете и проблема преодоления религиозной обрядности выступает не столько как проблема негативная, проблема критики (хотя это тоже имеет значение), сколько как проблема позитивная, проблема утверждения и распространения советских обрядов в массах. Ведь участие в социалистических обрядах также есть определенная форма проявления гражданской, общественной активности индивида, форма его связи с обществом, той или иной социальной группой.

Второй фактор, который должен учитываться, когда мы говорим о причинах существования религиозной обрядности в социалистическом обществе,— это паразитирование религии на неудовлетворенных духовных человеческих потребностях. Естественно, что нравственные, познавательные, эстетические потребности людей религия удовлетворяла по-своему: пыталась вывести их из сверхъестественного источника и само их удовлетворение сделать дополнительным средством укрепления религиозной веры. В нашем обществе религиозные организации по-прежнему используют любой факт неудовлетворенных человеческих потребностей в своих интересах.

Допустим, пожилой человек одинок и испытывает потребность в общении. Православная или баптистская община привлекает его в свои ряды, учитывая прежде всего эту потребность: его окружают заботой, участием, он регулярно встречается с единоверцами, беседует с ними. Или другой пример: молодая женщина в силу личных обстоятельств переживает нравственный и духовный кризис, ищет прочных нравственных и мировоззренческих ориентиров. И здесь религиозные организации начеку. Они «утешают» женщину, уверяя, что единственным источником подлинной морали является бог, что только вера в бога может спасти человека от греха, указать ему путь к добродетели и т. д.

Таким образом, всякое неполное удовлетворение духовных человеческих потребностей в нашем обществе создает определенные возможности для воздействия носителей религии на человеческую личность.

Выше было показано, что потребность в обрядовом оформлении важных событий в жизни отдельной личности, социальной группы или общества в целом — это объективная потребность, которая возникает в любом обществе. Она присуща людям и в условиях социализма. Неудовлетворение или неполное удовлетворение ее с помощью социалистических обрядов создает благоприятную почву для сохранения религиозной обрядности.

Таким образом, потребность в соблюдении религиозных обрядов возникает как извращенная, мистифицированная форма человеческой потребности в соблюдении обрядов вообще.

Религиозные организации издавна паразитировали на этой здоровой человеческой потребности. Они создали разветвленную систему религиозных обрядов, которые призваны были отмечать все сколько-нибудь знаменательные события как в жизни общества, государства, так и в жизни семьи и отдельного индивида. Церковные обряды сопровождали человека от его рождения и до самой смерти. Система церковных обрядов, связанных с «узловыми моментами» семейной и личной жизни, шлифовалась в течение многих веков. Церковь умело и тонко использует различные способы эмоционально-психологиче-

ского воздействия на людей, создавая всей совокупностью эстетических и иных приемов определенное настроение, соответствующее переживаемому событию. И не случайно отдельные виды религиозной обрядности (например, крещение, отпевание) находят еще определенное число приверженцев в нашей стране.

Советские безрелигиозные обряды, удовлетворяя здоровую потребность людей в обрядовом оформлении важных для них событий, являются важнейшим средством преодоления религиозной обрядности в нашей стране.

ОБРЯДЫ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Обряд принадлежит к числу социальных явлений, становление которых происходит относительно медленно, требует определенного времени. Социалистическое общество создает свою систему обрядности, однако ее формирование — сложный и длительный процесс, охватывающий не одно десятилетие. И не следует удивляться тому, что проблема обрядности стала широко обсуждаться и привлекла внимание советской общественности относительно недавно, на рубеже 50-х и 60-х годов. Очевидно, советское общество должно было достичь определенной ступени зрелости, определенного этапа своего развития, чтобы новые обряды стали не только предметом дискуссий и экспериментов отдельных энтузиастов (как это было в 20-е годы), а осознанной всем обществом практической проблемой, затрагивающей повседневную жизнь миллионов.

Сейчас накопился значительный практический опыт создания и внедрения советской обрядности в различных республиках и областях страны. Общественные организации на местах создали немало интересных и красочных обрядов, играющих большую роль в коммунистическом воспитании трудящихся. Но описание практического опыта — это лишь часть дела. Вторая часть, и не менее важная, — это теоретическое обобщение и осмысление практики формирования и развития советской обрядности. Только на твердом фундаменте марксистской теории можно правильно оценить практический опыт, уловить наряду с прогрессивными и полезными и некоторые ошибочные тенденции развития новой обрядности, наметить пути ее совершенствования и развития.

ПРЕДПОСЫЛКИ СОВЕТСКОЙ ОБРЯДНОСТИ И ЕЕ СТАНОВЛЕНИЕ

Социализм означает наиболее полное и решительное отрицание старого эксплуататорского общества, радикальный разрыв с его нравами, обычаями, традициями, культурой. Однако отрицание старого общества не есть уничтожение всего ценного, накопленного людьми в условиях эксплуатации и классовых антагонизмов. Революционное преобразование общества представляет собой уничтожение буржуазных общественных отношений, которые мешают развитию материальной и духовной культуры, препятствуют проникновению ее в массы. Подлинные достижения культуры прошлого не только не уничтожаются в ходе социалистической революции, а, напротив, впервые в истории становятся достоянием миллионов трудящихся. В любой нации в условиях эксплуататорского общества, как указывал В. И. Ленин, существует две культуры: реакционная культура эксплуататоров, прививающая идеи классового неравенства, национализма и шовинизма, проповедующая незыблемость частной собственности, антинаучное религиозное мировоззрение, и прогрессивная культура угнетенных классов, обосновывающая необходимость социальных преобразований, выступающая против религиозного обскурантизма и мракобесия, за подчинение целей и задач личности интересам прогрессивного развития всего общества¹.

Ленинское учение о двух культурах позволяет правильно понять и предпосылки формирования социалистической обрядности, возникающие еще в капиталистическом обществе. Социалистические обряды возникают после революции не на пустом месте. Они наследуют традиции революционной и пролетарской обрядности, которые создавались в течение длительного времени в ходе борьбы за освобождение рабочего класса и всех трудящихся.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 120—121.

Интересно отметить, что уже в Уставе Коммунистического союза, составленном в 1850 году при участии К. Маркса, одним из условий членства был «отказ в повседневной жизни от участия в каком бы то ни было церковном союзе и от всех обрядов, кроме тех, соблюдение которых предписывается гражданскими законами...»¹. Таким образом, Устав подчеркивал принципиальную враждебность члена Коммунистического союза любым проявлениям религиозной обрядности и в то же время признавал допустимость участия в гражданских обрядах.

Практика революционной борьбы рабочего класса в разных странах постепенно выработывала некоторые революционные ритуалы и символы. В частности, Парижская Коммуна отменила религиозную присягу, удалила из школ религиозные символы (иконы, распятия, кресты), узаконила гражданский брак наряду с церковным. Были введены новые революционные символы и ритуалы: в качестве государственного флага учреждалось красное знамя, члены Коммуны носили красный шарф, окаймленный золотом, был разработан ритуал похорон павших коммунаров².

Революционное движение в нашей стране также выработало элементы новых обрядов и символов. Были созданы революционные песни («Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянка», «Рабочая марсельеза» и др.), которые воодушевляли участников митингов и демонстраций на борьбу с самодержавием. Постепенно возник и обряд гражданских похорон революционера. Вместо церковных песнопений участники траурного шествия исполняли песни: «Замучен тяжелой неволей» и «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Общеизвестным революционным символом стало красное знамя.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции начался процесс формирования советской обрядности. В первую очередь необходимы были новые общественно-политические и государст-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 565.

² См. И. И. Фурсин. О природе и социальных функциях обрядности в социалистическом обществе.— «Вопросы научного атеизма», вып. 13, стр. 158.

венные обряды, которые призваны были торжественно оформлять революционные праздники, знаменательные даты в жизни Советского государства и Красной Армии.

В начале 1918 года впервые появились такие символы, как Серп и Молот, Красная звезда. Одновременно с формированием новой символики Советского государства и Красной Армии возникали и новые обряды, в которых эта символика играла важную роль. Если раньше демонстрации трудящихся воплощали решимость бороться против старого общества и старого государства, то после победы Октября демонстрации приобрели государственный характер, стали символом поддержки Советской власти трудящимися, их готовности защищать ее, не жалея сил. Новое идейно-политическое содержание демонстраций нашло свое выражение в символах, лозунгах и транспарантах, в выступлениях на митингах, в тех чувствах и переживаниях, которые объединяли участников демонстраций. Государственный характер стали носить и похороны трудящихся, погибших в боях за Советскую власть, видных революционеров. В этих обрядах широко использовалась также и традиционная символика, созданная еще до революции,— революционные песни, красные знамена и т. п.

Становление Красной Армии и Военно-Морского Флота вызвало к жизни такой обряд, как принятие воинской присяги. Интересно отметить, что левые эсеры, входившие во ВЦИК, упорно сопротивлялись введению присяги в Красной Армии, обвиняя большевиков в возрождении царской присяги. Беспочвенность этих обвинений показал Я. М. Свердлов, который председательствовал на заседании ВЦИК 22 апреля 1918 года, где обсуждался текст «социалистической клятвы» (так первоначально называлась советская воинская присяга). 11 мая 1918 года Председатель Совнаркома РСФСР В. И. Ленин лично принимал присягу от красноармейцев московского гарнизона¹.

¹ См. И. И. Фурсин. О природе и социальных функциях обрядности в социалистическом обществе.— «Вопросы научного атеизма», вып. 13, стр. 156.

Большое значение в системе новых воинских обрядов приобрели парады. Хотя их форма и заимствовала многое у прежних, дореволюционных парадов, их содержание было совершенно иным. Парады демонстрировали военную закалку Красной Армии, теснейшими узами связанной с народом, чуждой каким-либо захватническим устремлениям, армии, единственной целью которой была защита Советского государства от белогвардейцев и интервентов.

Что же касается остальных советских обрядов, в частности семейных, то их возникновение датируется уже началом 20-х годов, когда страна перешла к мирному строительству и перестройка старого быта, старых традиций и нравов стала одной из важнейших задач культурно-воспитательной деятельности партии и общественных организаций.

В начале 20-х годов возник обряд, получивший название «октябрины». Это был гражданский обряд, посвященный рождению ребенка и наречению ему имени. Одни из первых октябрин состоялись в 1922 году на Урале, в городе Надеждинске (ныне город Серов), в семье рабочих. Товарищи по работе пришли в семью Горшковых, где родилась девочка, поздравили родителей, выбрали имя ребенку и преподнесли свой наказ: «Мы осеняем тебя не крестом, не святой водой и молитвой, а нашим Красным знаменем борьбы и труда, пробитым пулями, разорванным штыком... Когда твой разум окрепнет, прочти эти строки, встань в ряды бойцов, разбей последние остатки рабства и страдания, в которых веками томилось человечество...»¹

Октябрины как новый гражданский обряд противостояли крещению ребенка в церкви. Их проведение было в то время не столько семейным торжеством, сколько массовым агитационно-пропагандистским мероприятием, направленным против влияния религии и церкви на трудящихся. Поэтому и форма проведения этого обряда во многом напоминала политический митинг. Вот как одна из газет описывала в то время октябрины:

¹ См. В. А. Руднев. Советские обычаи и обряды. Л., 1974, стр. 20.

«В переднем углу клуба отряд пионеров с алым стягом поет под негромкую дробь барабана:

Мы — молодая гвардия
рабочих и крестьян.

— Товарищи пионеры, предлагаю вам отправиться за матерью и пригласить сюда,— объявляет председатель.

Идут пионеры с барабанным боем и возвращаются с матерью, которая несет на руках ребенка. Публика аплодирует, кричит «ура!». Когда все вошли в клуб, молодая мать заявляет:

— Ребенок принадлежит мне только физически. Для духовного воспитания передаю его обществу.

Аплодисменты. Председатель берет ребенка на руки, пионеры развешивают над ним полотнище своего знамени.

— Мы, пионеры, даем клятву, что поможем новому члену пройти все три школы: пионерскую, комсомольскую и РКП — и стать честным гражданином. С честью мы принимаем новорожденную девочку в свой отряд.

Председатель зачитывает официальную грамоту, данную новорожденной гражданке от жилищного товарищества:

«В день седьмой годовщины Октября правление и трудящиеся дома торжественно принимают в члены своего коллектива новорожденную и нарекают ее именем Майя в честь международного пролетарского праздника 1 Мая».

Музыка. Крики «ура!». Аплодисменты.

Санячейка дома зачитывает и преподносит матери вторую грамоту о принятии шефства над ребенком. Новой гражданке подносится портрет Розы Люксембург, а матери — жалованные грамоты и книга по материнству»¹.

Многое в проведении этого обряда может показаться сейчас наивным. Но не нужно забывать, что в то время октябрины воспринимались большинством участников как новое и невиданное дело, как

¹ Цит. по кн.: А. Филатов. О новых и старых обрядах. М., 1967, стр. 45—46.

дерзкий вызов церкви и религии. Поэтому их агитационно-политический характер, митинговые элементы воспринимались первоначально как нечто естественное и необходимое. Кроме того, это было время поисков наилучшей формы советских семейных обрядов. В ходе поисков проходили проверку различные ритуальные приемы, различные способы их художественного и идейного оформления.

Октябрины не стали массовым обрядом. Это объяснялось многими обстоятельствами. Определенную роль играли здесь старые бытовые традиции, влияние церкви. Одной из причин было и то, что октябрины обычно готовились и проводились как исключительное мероприятие, как уникальное событие в жизни того или иного коллектива. Отсюда и некоторая излишняя помпезность в их ритуале. Как вызов церкви, как средство антирелигиозной агитации они, бесспорно, выполняли свою роль. Однако ритуал их проведения не отвечал потребностям обрядового оформления такого семейного события, как рождение ребенка. Вот почему впоследствии октябрины практически исчезли из обихода.

Сказанное об октябринах в значительной мере относится и к другим гражданским семейным обрядам, возникшим в начале 20-х годов. Например, в противовес церковному венчанию в 20-е годы практиковались «красные свадьбы». Вот описание одной из таких свадеб, которое было в свое время помещено в газете (приводим по статье В. В. Вересаева):

«26 декабря 1924 года в клубе «Кожевник» при Кинешемском кожзаводе состоялась красная свадьба. Небольшой клуб ярко освещен. Большой стол, покрытый красной скатертью, за столом сидят молодые, предвик, делопроизводитель отделов записи актов гражданского состояния, в стороне члены ячеек. Прямо перед публикой портрет Ильича. Наконец красная свадьба открыта. «Интернационал». Зрители напирают. Трудно разобрать приветствия различных организаций, поздравляющих молодых. Выделяются слова одного из товарищей: «Вы показываете путь другим беспартийным. Я уверен, что не за горами время, когда люди будут счастливы и без попов!» Раздаются аплодисменты. Молодым, как

застрельщикам нового быта, подносят в подарок две книги... В ответном слове жених П. Воробьев говорит: «Мы поняли поповский дурман!.. Мы не пожела- лали идти в церковь... Мы решили лучше идти вот в этот рабочий клуб...» Снова долго не смолкающие аплодисменты. Дальше доклад о новом быте. Затем производится запись. Опять речи... «Интернацио- нал»»¹.

Как видно из описания, «красная свадьба» рас- сматривалась прежде всего не как семейное, а как общественно-политическое событие, как повод для антирелигиозной агитации, для пропаганды новой семьи и нового быта. Отсюда и обилие элементов, заимствованных у митинга и торжественного засе- дания: речи, аплодисменты, пение «Интернациона- ла». Новое социальное содержание обряда еще не могло найти адекватной формы и использовало при- вычные приемы массовых общественно-политиче- ских мероприятий.

Несовершенство возникавших советских семей- ных обрядов было замечено таким вдумчивым про- пагандистом новой обрядности, каким был В. В. Ве- ресаев. После описания «красной свадьбы», которое нами приводилось выше, В. В. Вересаев замечает, что такая свадьба может вызвать энтузиазм и воз- буждение участников только как первая в данной местности, как вызывающе революционный акт, на- правленный против религии и церкви. «Но вот пред- ставьте себе,— пишет он,— десятая такая свадьба, сотая, пятисотая... Давно уже выдохлась вся рево- люционность акта, давно уже бесцерковная свадьба стала обычнейшим бытовым явлением, которое са- мо по себе, голою своею наличностью совершенно уже не в состоянии вызвать восторга. И останутся все те же заседания, приветствия организаций, кото- рые, как всегда, «трудно разобрать», да лучше и не разбирать, и речи, «опять речи»? Какая скука! Ка- кая серая, трезвая скука!»²

Элементы формализма, на которые указывал В. В. Вересаев, действительно мешали сделать ок-

¹ В. В. Вересаев. Собр. соч., т. 8, ч. II. М., 1929, стр. 212—213.

² Там же, стр. 213.

тябрины и «красные свадьбы» массовыми. Чуждая природе семейных обрядов парадность быстро притупляла эмоции участников и зрителей, способствовала распространению формализма.

Именно против формального проведения октябрин выступили в 1935 г. И. Ильф и Е. Петров. В одном из фельетонов они писали: «...Была наскоро состряпана кошмарная музыкально-профсоюзная мистерия под названием «октябрины».

Новорожденного несли в местком. Здесь происходил церемониал вручения подарка. Дарили всегда одно и то же — красное сатиновое одеяло. Но уж за это одеяло председатель месткома брал реванш: над люлькой младенца он произносил двухчасовой доклад о международном положении. Новорожденный, натурально, закатывался, но опытному оратору ничего не стоило его перекричать. Взрослые тоскиво курили. Оркестр часто играл туш. По окончании доклада несколько посиневшему младенцу давали имя: мальчика называли Доброхим, а девочку — Кувалда, надеясь, что детей будут так называть всю жизнь. Потом все с чувством какой-то неловкости шли домой, а председатель, оставшись один, вынимал ведомость и с удовлетворением записывал: «За истекший квартал проведено политобеденных перерывов — 8, культшквалов — 12, октябрин — 42»¹.

В 20-е годы появились наряду с семейными и некоторые другие советские обряды. В частности, была заложена основа пионерской обрядности и символики: пионерский салют, горн, барабан, красные галстуки. Однако в целом довоенный период был преимущественно временем поисков новых обрядовых форм, их «притирки» к вновь возникшим условиям жизни и быта. Многие социалистические обряды в то время доказали свою жизнеспособность (общественно-политические, воинские, пионерские); другие, прежде всего семейные, не обрели еще своей формы и не получили массового распространения. Но не следует свысока третировать даже не вполне

¹ Цит. по кн.: А. Филатов. О новых и старых обрядах, стр. 46—47.

удачный опыт создания новых обрядов в довоенное время. Без поисков и даже без ошибок тех лет вряд ли было возможно широкое распространение советской обрядности в последние годы.

СИСТЕМА ОБРЯДОВ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Широкое распространение новых обрядов в различных сферах жизни и деятельности нашего общества позволяет предпринять попытку обобщенной характеристики системы обрядов в условиях социализма.

Можно выделить несколько групп обрядов, входящих в эту систему.

Во-первых, особую группу обрядов составляют общественно-политические обряды, связанные с государственными и революционными праздниками, годовщинами и памяtnыми датами, а также посвященные памяти выдающихся государственных и общественно-политических деятелей. К числу подобных обрядов относятся прежде всего демонстрации. Демонстрация представляет собой в условиях социализма массовое политическое шествие трудящихся, желающих выразить свою поддержку политике коммунистической партии, показать наглядно с помощью плакатов, транспарантов, макетов и других символов и изобразительных средств свои достижения в области производства, науки, культуры. В ходе демонстраций провозглашаются и символически воплощаются идеи международной солидарности трудящихся, пролетарского интернационализма и социалистического патриотизма, дружбы и равноправия всех народов, укрепления социалистического государства и развития демократии. Демонстрация выступает в условиях социализма как особый способ коммунистического воспитания трудящихся, создает благоприятные условия для активности всех ее участников, для их сопереживаний. Во время демонстрации не только осознаются, но и глубоко переживаются социальное единство трудящихся, общность их интересов и целей, зависимость

решений. Ритуал противопоказан там, где требуется живой обмен мнениями, где обсуждение вопроса не может быть заранее регламентировано. И напротив, обряд необходим в тех случаях, когда люди собираются для того, чтобы осознать и прочувствовать уже давно найденные обществом или коллективом идеи и решения, когда задача состоит не в выработке новых идей и ценностей, а в усвоении их каждым индивидом в процессе ритуального сопереживания.

Внедрение обрядности во все сферы социально-политической жизни без учета специфики обряда может сдерживать социальную активность трудящихся, тормозить развитие социалистической демократии.

Ярким примером злоупотребления обрядовыми формами является социально-политическая деятельность маоистов в Китае. Как известно, деформация принципов социализма в КНР выразилась, в частности, в активном насаждении культа Мао Цзэдуна. Требуя от населения слепой веры в «мудрость и непогрешимость» Мао, его сторонники разработали целую систему обрядов, связанных с поклонением ему. Здесь и коллективное скандирование изречений Мао по «красному молитвеннику» (так многие публицисты называли сборники высказываний Мао), и ритуальное молчание перед скульптурами «великого кормчего», и обязательное ношение значков с его изображением. Обряды, связанные с обожествлением личности Мао, чужды идеям и духу социализма, они представляют собой глубокое искажение его основных принципов.

Вторая группа обрядов в условиях социализма — это профессиональные (трудовые) обряды, связанные с особенностями жизни и деятельности определенных профессиональных групп. Профессиональные обряды существовали издавна. Выше подробно рассказывалось об обрядах крестьян, земледельцев. Своеобразны обряды моряков, рыбаков, шахтеров и т. п. Можно заметить, что обряды особенно многочисленны в тех профессиональных группах, деятельность которых связана с определенным риском, опасностью. В этих случаях обряды нередко приобретали в прошлом религиозно-магическую окраску.

В условиях социализма сохраняются многие традиционные ритуальные формы, однако они переосмысливаются, освобождаются от религиозно-магических наслоений. Так, хотя до сих пор в обрядовом оформлении праздника урожая в нашей стране большую роль играет ритуал снятия последнего снопа (обжинки), он полностью потерял свое прежнее магическое значение и превратился в символ завершения уборки урожая. В социалистическом обществе профессиональные обряды утверждают прежде всего значение и общественную ценность труда, прославляют людей, имеющих трудовые заслуги.

В особую группу могут быть выделены обряды воинские. С одной стороны, они представляют собой обряды особой группы людей, чьей профессией является военное дело; в этом смысле они примыкают к профессиональным обрядам. С другой стороны, многие воинские обряды приобретают общественно-политическое значение, проводятся в дни общественных и государственных праздников.

К числу воинских обрядов относятся парад, принятие присяги, торжественный вынос знамени, отдавание воинской чести и некоторые другие. Спецификой воинских обрядов в социалистическом обществе является их новое социально-политическое содержание: они выражают в символической форме идеи социалистического патриотизма, неразрывной связи вооруженных сил с трудящимися страны, их верности марксизму-ленинизму.

Важную группу образуют детские и юношеские обряды (пионерские, комсомольские и т. п.). В детские и юношеские годы обрядовая форма играет особенно важную роль в процессе приобщения индивида к культуре, усвоения им норм и ценностей социалистического общества. Обряды являются весьма эффективным средством воспитательного воздействия детского или юношеского коллектива на формирующуюся личность ребенка или подростка. Они позволяют в яркой и эмоционально насыщенной форме приобщить ребенка к социалистическим идеалам и нормам поведения, к идеям патриотизма, любви к социалистической Родине.

Трудно переоценить, к примеру, воспитательное воздействие ритуала почетного караула пионеров у Вечного огня в Волгограде. Вот как описывает его один из очевидцев: «...Вы сходите с волжского теплохода, поднимаетесь по широкой гранитной лестнице к широкому зеленому бульвару, проходите мимо современных высотных домов, минуете знаменитую Аллею Героев и достигаете площади, в центре которой видите высокий обелиск, а у его основания — пламя Вечного огня. Здесь множество людей. Все чего-то ожидают. Не торопитесь уходить. Вы будете свидетелем волнующего зрелища. Все ждут развода караула у памятника героям обороны Царицына и защитникам Сталинграда. В почетный караул становятся пионеры — волгоградские мальчики и девочки, учащиеся школ и ремесленных училищ, завоевавшие это право отличной учебой и дисциплиной...

Вот они шагают на виду у затихшей толпы. Четко звучат их шаги. Впереди разводящий — воин Советской Армии. Строй проходит к памятнику. Негромко, но четко звучат команды разводящего, и так же стройно, четко, как при разводе кремлевского караула, одна смена сменяет другую и замирает на посту. Затихают в молчании и все те, кто стал свидетелем этого ритуала. И только зарубежные гости о чем-то взволнованно шепчут друг другу и торопятся заснять все это своими киноаппаратами...»¹

Этот обряд — весьма впечатляющее зрелище даже для зрителей. Но насколько более сильное воздействие он оказывает на тех мальчиков и девочек, которые непосредственно в нем участвуют! Участие в подобном обряде может оказаться более действенным средством патриотического воспитания, чем десятки лекций и бесед.

Пионерская организация не случайно с момента ее возникновения включила в свою деятельность обрядовые формы и символы. Ее опыт свидетельствует о том, что ритуальные элементы органично входят в жизнь детей и подростков. Лучшие советские педагоги, в частности А. С. Макаренко, очень

¹ В. А. Руднев, Советские обычаи и обряды, стр. 47—48.

хорошо понимали, что обряд не просто забава или игра (хотя он обязательно включает в себя элементы и игры, и забавы), а чрезвычайно важное средство воспитания детей. Известно, что некоторые ретивые горе-педагоги обвиняли А. С. Макаренко в «муштре» детей за внедрение им в жизнь колонии имени А. М. Горького некоторых обрядовых элементов (караул у знамени, форма у коммунаров, совет командиров, приветствия дежурного и т. п.). Жизнь показала, что подобные обвинения были абсолютно беспочвенны. Обрядовые элементы в жизни любого детского или юношеского коллектива необходимы и полезны. Они не только дают выход естественной склонности детей и подростков к «проигрыванию» некоторых ролей и ситуаций, свойственных взрослым, но и дисциплинируют их, воспитывают подтянутость, аккуратность, уважение к общественным нормам поведения и соответствующим символам.

С волнением ждет ребенок торжественной линейки, на которой его принимают в пионеры и повязывают галстук. Для него этот обряд — событие в жизни. И он ждет от окружающих также соответствующего отношения к такому событию. К сожалению, взрослые далеко не всегда осознают значение обрядов в детской жизни, относятся к ним в лучшем случае снисходительно, а то и с иронией. Врагом детской обрядности являются казенщина, равнодушные, формализм, когда проведение того или иного обряда проходит без подготовки, наспех, кое-как. В результате дети перестают с должным уважением воспринимать свои обряды и символы, подчас относятся к ним скептически, как к пустой формальности, а пионерская организация лишается важного средства воспитания.

Сколь важную роль играют некоторые обрядовые элементы в жизни юношеских коллективов, показывает опыт студенческих строительных отрядов. Введение формы, различных символов и эмблем, некоторых ритуальных форм внутреннего распорядка — все это не только не отпугивает юношей и девушек, а, напротив, способствует их массовому участию в студенческих отрядах, повышает авторитет последних.

Специфическое место в системе социалистической обрядности занимают семейные обряды. В эксплуататорском обществе семейные обряды носили в основном религиозный, церковный характер. Хотя буржуазно-демократические революции в ряде стран и признали гражданские браки, регистрации новорожденных и светские похороны, однако это признание носило формально-юридический характер. Гражданские ритуальные формы этих событий, как правило, отсутствовали. Поэтому даже в условиях формального отделения церкви от государства в буржуазных странах безраздельно господствовали религиозные семейные ритуалы.

Социализм означал не только формально-юридическое узаконение гражданского брака, регистрации новорожденных и светских похорон. Социалистические преобразования в сфере быта и семейных отношений привели к тому, что обществом в целом и отдельными семьями все отчетливее осознавалась объективная потребность создания новых семейных обрядов, которые бы в символической, насыщенной эстетическими моментами форме воплощали принципиально новое отношение общества к семье, к личности, давали социальную санкцию важным переменам в их жизни. В нашей стране социалистические семейные обряды¹ получили в последние годы широкое распространение, хотя и не все из них обрели устоявшиеся, прочные и единообразные формы.

Остановимся коротко на характеристике основных семейных обрядов, сложившихся в нашей стране.

Октябрины, как уже говорилось, к началу Великой Отечественной войны почти исчезли из обихода, и потребность в обряде, который бы торжественно

¹ В некоторых работах (см., например, П. П. Калпарс, Н. М. Закович. Советская гражданская обрядность. М., 1967, стр. 5) семейные обряды именуется гражданскими. Конечно, все советские обряды, в том числе и семейные, являются гражданскими, ибо они носят безрелигиозный характер. Однако отождествлять понятия «гражданские обряды» и «семейные обряды» не следует. Первое понятие гораздо шире второго.

отмечал рождение ребенка, ощущалась после войны все более остро. С конца 50-х годов в разных республиках и областях Союза общественность начинает постепенно создавать этот обряд, который не сразу получает устоявшееся название. Сейчас в большинстве случаев его называют обрядом торжественного имянаречения ребенка. В некоторых случаях сохраняется старое название «крестины», в других — обряд называют торжественной регистрацией новорожденного. Думается, что слово «крестины» вряд ли подойдет для обозначения советского ритуала, поскольку оно тесно связано с христианской ритуальной символикой. Имянаречение — это естественное для русского языка образование, и оно вполне отвечает сути обряда.

Одним из первых городов, где был создан советский ритуал имянаречения, был Ленинград. В 1965 году в Ленинграде был открыт дворец «Малютка», специально предназначенный для проведения этого обряда. Поскольку опыт Ленинграда в этом плане заслуживает внимания, мы остановимся несколько подробнее на характеристике указанного обряда во дворце «Малютка».

Дворец «Малютка» занимает просторный двухэтажный старинный особняк. На первом этаже размещаются служебные помещения, где оформляются документы, салон для продажи детских игрушек и подарков. На втором этаже — комнаты для матери и ребенка, в которых дежурят детский врач и медсестра, залы для гостей, банкетный и ритуальный залы.

Родители, желающие провести торжественный ритуал имянаречения, не позднее пяти дней после выписки матери из родильного дома подают во дворец заявление. По согласованию с родителями назначаются день и час торжественной церемонии. Дворец «Малютка» высылает приглашения для участия в обряде в те организации или учреждения, где работают или учатся родители ребенка.

В назначенное время родители в сопровождении родственников и товарищей по работе или учебе приезжают во дворец. Мать с новорожденным располагается в отдельной гостиной, где медицинская

сестра помогает матери подготовиться к торжественному ритуалу.

Когда все приготовления к обряду закончены, распорядитель дворца приглашает гостей в ритуальный зал. Звучит мелодия песни Дунаевского «Летите голуби». Гости входят в зал и размещаются вдоль стен. Затем из других дверей в зал входят родители с ребенком и занимают отведенные для них места.

Когда затихает музыка, ведущий объявляет о том, что Ленинградским городским Советом депутатов трудящихся ему совместно с депутатом городского Совета (называет фамилию) доверено зарегистрировать в Ленинграде нового гражданина Союза Советских Социалистических Республик в соответствии с Законом Российской Федерации о семье и браке.

— Сегодня, — продолжает ведущий, — регистрируется сын (дочь), родившийся в семье (называются фамилии, имена и отчества родителей). Ему (ей) по желанию родителей дается имя (называется имя). В честь нового гражданина (называется имя и фамилия) исполняется Государственный Гимн Советского Союза.

После исполнения Гимна депутат поздравляет родителей и вручает им свидетельство о рождении, памятную медаль и поздравительное письмо исполкома Ленгорсовета. В заключение ритуала родители поздравляют их родные и друзья, вручают им подарки. Звучит песня «Пусть всегда будет солнце»¹.

Конечно, далеко не везде имеются столь благоприятные условия для проведения этого обряда — специальный дом, просторные и красочные помещения и т. п. Отсутствие специально подготовленных помещений в загсах вынуждает нередко проводить подобный обряд в клубах, Дворцах культуры. Это создает дополнительные проблемы и трудности: обряд нередко проводится для многих новорожденных сразу, излишне затягивается и теряет семейный характер. Подчас обряд проводится нерегулярно, а лишь от случая к случаю, в силу этого недоступен

¹ См. В. А. Руднев. Советские обычаи и обряды, стр. 93—96.

для каждой семьи и т. п. О всех этих проблемах мы поговорим в дальнейшем. Сейчас же хочется констатировать, что в стране заложены основы для формирования советского обряда имянаречения.

Самым популярным и наиболее широко распространенным советским семейным обрядом является торжественная регистрация брака. Этот обряд вошел в жизнь советских людей не только в крупных городах, но и в районных центрах, поселках и селах.

Предшественником советского обряда бракосочетания явились так называемые комсомольские свадьбы, распространившиеся во второй половине 50-х годов. Они, несомненно, сыграли положительную роль, пропагандируя советские, безрелигиозные формы заключения брака, принципы коммунистической морали в области семейных отношений. Но недостаток их состоял в том, что они часто приобретали характер показательных мероприятий, отличались излишней пышностью и требовали затрат со стороны государства или общественных организаций. Такие свадьбы были исключением, а не правилом и, следовательно, не могли заложить основы советского свадебного ритуала.

Впоследствии, в 60-е годы, наметились два направления развития советской свадебной обрядности. Одно было связано с возникновением (первоначально в крупных городах) Дворцов и Домов бракосочетаний. Другое — с многочисленными попытками (главным образом на селе) воскрешения старого народного свадебного обряда, очищенного от архаических и религиозных элементов и переосмысленного с позиций сегодняшнего дня. Такие попытки предпринимались в ряде областей РСФСР, Украины, Молдавии и некоторых других союзных республик.

И то и другое направления были, несомненно, полезными и плодотворными. Воскрешение на селе многих элементов старой народной свадьбы — и традиционного сватания, и свадебного поезда, и «провождения» невесты, и красочного ритуала свадебного застолья, сопровождаемого старинными народными песнями и плясками, — все это показало, что в традиционном народном свадебном обряде многое может быть взято нами на вооружение. Особенно ценными

являются художественные компоненты народной свадьбы — песни, танцы, — в которых ярко воплотились лучшие национальные традиции русских, украинцев, белорусов, татар, узбеков и других народов, населяющих нашу страну.

Но не надо закрывать глаза на то, что проведение свадьбы в традиционной форме требует и соответствующих условий жизни и быта. Вряд ли оно будет естественно вписываться в условия современной городской жизни. Очевидно, последние требуют иного свадебного ритуала.

Вот почему нам представляется, что наиболее важным для формирования общепризнанного свадебного ритуала является тот опыт, который накоплен Дворцами и Домами бракосочетания, клубами и Дворцами культуры в городах. Сейчас уже можно говорить о том, что за последние 10—15 лет в нашей стране в основном создан единый и общепризнанный ритуал торжественного бракосочетания.

Каковы основные его компоненты?

Свадебное торжество начинается в специальных комнатах, в которых собираются новобрачные, их родные, гости. В назначенное время процессия, во главе которой идут новобрачные, направляется в ритуальный зал. Звучит торжественная музыка. В ритуальном зале совершается главная часть обряда: представитель местного Совета, в праздничной одежде, с лентой через плечо, спрашивает жениха и невесту о том, является ли их решение вступить в брак твердым и добровольным; он торжественно оформляет регистрацию брака, объявляя новобрачных мужем и женой, скрепляет соответствующую запись подписями новобрачных и свидетелей и произносит краткую речь, поздравляя молодых супругов и напоминая им об их обязанности беречь и укреплять вновь возникшую семью. При желании во время свадебного ритуала молодые обмениваются кольцами. После поздравлений и приветствий родных и знакомых под торжественную музыку процессия направляется в банкетный зал, где торжество принимает более непринужденный характер.

Таковы в общих чертах основные компоненты обряда бракосочетания, сложившегося во многих

городах нашей страны. Естественно, что проведение такого обряда требует определенных условий. Для него требуется специально подготовленное и достаточно просторное помещение, требуется перестройка работы загсов и привлечение к их деятельности депутатов местных Советов. Практика показывает, что затраты, связанные с постройкой или переоборудованием Дворцов или Домов бракосочетания, вполне оправданны и необходимы. Только специально оборудованные, оснащенные всем необходимым помещения, а также специально подготовленный персонал подобных учреждений способны постоянно, изо дня в день обеспечивать высокий идейный и эстетический уровень ритуала советского бракосочетания. К сожалению, еще не во всех городах и тем более поселках и селах существуют Дворцы или Дома бракосочетания. Во многих населенных пунктах приходится использовать для этих целей Дома культуры или клубы. В этих случаях важно продумать свадебный ритуал таким образом, чтобы свести издержки к минимуму. Особенно важно учитывать, что ритуалу бракосочетания противопоказаны длинные речи и поздравления, президиум и прочие привычные аксессуары торжественного заседания. Кроме того, при проведении этого обряда в клубах существует часто соблазн «объединения» многих брачных пар и одновременной их торжественной регистрации. Это крайне нежелательно, ибо подобная «массовость» лишает обряд бракосочетания его интимного, семейного характера и тем самым снижает его идейно-эмоциональное воздействие.

Одним из важных семейных ритуалов являются, как известно, похороны. Гражданские, безрелигиозные похороны практиковались в нашей стране с первых лет Советской власти. Они обычно включали в себя два основных компонента — так называемую гражданскую панихиду, т. е. выступления, посвященные памяти покойного, и процессию за гробом, сопровождаемую траурной музыкой. Эти элементы до сих пор составляют основу похоронного обряда в нашей стране.

Большая работа по организации и широкому внедрению в быт гражданского похоронного обряда

проведена в последние годы в республиках Прибалтики, а также в Ленинграде. В Ленинграде, например, на ряде кладбищ построены траурные ритуальные павильоны. В траурных павильонах — несколько обособленных ритуальных залов, оборудованных радиотехническими установками, постаментами для установки гроба, возложения венков. Наличие специальных павильонов на кладбищах позволяет любые похороны сопроводить краткой гражданской панихидой, траурной музыкой. Родные и общественные организации тем самым избавляются от дополнительных хлопот и (что тоже немаловажно) расходов¹.

Большое значение имеет и сам ритуал захоронения. Здесь все заранее должно быть продумано и подготовлено. Многие авторы указывают, что целесообразно сохранить старинный обряд бросания горсти земли на гроб покойного в могиле. Очищенный от прежних религиозно-магических наслоений, этот обычай органически вписывается в похоронный ритуал, становится символом прощания с умершим.

Главной проблемой внедрения гражданских похорон в нашей стране является не разработка ритуала (он в основном уже создан), а обеспечение материальных и организационных условий для его повсеместного проведения.

В печати справедливо указывалось на то, что во многих городах и селах нашей страны кладбища находятся в запущенном состоянии. В них отсутствуют Дома траура или траурные павильоны, в которых можно было бы провести должным образом гражданскую панихиду. Невнимание к состоянию кладбищ наносит большой моральный урон воспитанию гражданских чувств, уважения к памяти прошлых поколений. Нельзя не согласиться с Г. Геродником, который пишет: «...трудно оценить те духовные потери, которые несет город или село, где кладбище хронически пребывает в безобразном состоянии. Кладбищепустырь воспитывает у людей, особенно у молодежи, склонность к социальной неряшливости, растит циников и нигилистов. Отсутствие должной заботы о

¹ См. В. А. Руднев. Советские обычаи и обряды, стр. 126—128.

приюте мертвых, как правило, отражается на моральной устойчивости живых»¹.

В последние годы в нашей стране появились обряды, которые соединяют в себе черты семейных и общественно-политических ритуалов. Таковы, в частности, обряды, связанные с получением паспорта, наступлением совершеннолетия, обряд посвящения в рабочие, проводов в Советскую Армию. Ими торжественно отмечаются важные, переломные моменты в жизни юношей и девушек. Празднование таких событий не ограничивается рамками семьи: обряды организуются советскими общественными организациями, коллективами, в которых учатся или работают молодые люди. Конечно, семейные обряды в нашей стране также имеют глубокое социальное содержание, символически воплощая коммунистические нравственные ценности и идеалы. Однако обряды именованья, свадьбы носят прежде всего семейный характер. Что же касается обрядов получения паспорта, празднования совершеннолетия, проводов в Советскую Армию, посвящения в рабочие, то в них непосредственно осознается и переживается единство личности и общества в условиях социализма, утверждается общественная значимость каждого индивида.

Указанные обряды пока проходят этап становления. Их ритуальные формы еще не приобрели единообразия и законченности, не стали всеобщими. Однако во многих республиках и областях накоплен немалый опыт их проведения.

Сошлемся, в частности, на опыт республик Прибалтики в проведении обряда совершеннолетия. Обряд совершеннолетия возник в Советской Прибалтике как гражданский противовес церковному обряду конфирмации, который практикуют католическая и протестантские церкви. Еще в условиях буржуазного режима, в 20-е годы, Коммунистическая партия Эстонии проводила так называемую гражданскую конфирмацию. Продолжением этих традиций явились ежегодно (с конца 50-х годов) проводимые

¹ Геннадий Геродник. О парках добрых воспоминаний. Таллин, 1970, стр. 28.

в Эстонской и Латвийской ССР Летние дни молодежи.

В Эстонской ССР Летние дни молодежи проводятся неодинаково на селе и в городе. Сельская молодежь обычно на пять-шесть дней собирается в лагере, расположенном в живописном месте. В городах для участников Дней молодежи в течение двух месяцев проводятся интересные встречи, лекции, тематические вечера и другие мероприятия. А в первое воскресенье июля в городах и сельских районах проходят заключительные торжества.

Торжества начинаются шествием участников. Они празднично одеты: юноши — в черных костюмах, девушки — в светлых платьях. У всех в руках цветы. Город в этот день ярко украшен, всюду звучит музыка. Центр праздника обычно певческое поле. Участники Летних дней занимают почетные места. Праздник открывает секретарь райкома комсомола. Оркестр исполняет Гимн СССР и Гимн Эстонской ССР. С приветственными речами к молодежи обращаются руководители районных организаций, учителя, передовики производства, родители. Участникам Летних дней вручают подарки и цветы. Заканчивается праздник большим концертом¹.

Торжество по случаю совершеннолетия в Эстонии включает различные компоненты и не сводится к обряду. Однако есть все основания считать, что обработка и шлифовка обрядовых элементов этого праздника может значительно усилить его идейное и эмоциональное воздействие.

Многочисленные публикации, в которых описываются обряды получения первого паспорта, посвящения в рабочие, проводов в Советскую Армию², говорят о том, что советская общественность на местах осознала необходимость и целесообразность обрядового оформления этих событий, однако сам ритуал

¹ См. В. Я. Ранне. Новые обряды и их место в духовной жизни советских людей.— «Вопросы научного атеизма», вып. 13, стр. 191—193.

² См., например, «Торжественно, красиво, памятно». М., 1966, стр. 98—117; «За человека-творца». Алма-Ата, 1973, стр. 125—142; В. А. Руднев. Советские обычаи и обряды, стр. 51—75, и др.

указанных обрядов еще не утвердился, не нашел своего «лица». Главный недостаток, присущий подобным обрядам, на наш взгляд, состоит в отсутствии лаконизма, впечатляющей символики, в обилии длинных речей, приветствий и поздравлений. При этом упускается из виду, что наибольшего идейного и эмоционального воздействия обряд достигает не с помощью слов, а с помощью хорошо подготовленных и продуманных символических действий. Лаконизм обряда не ослабляет, а усиливает его идейное содержание и психологическое воздействие на людей.

На стыке семейных и общественно-политических обрядов находятся также поминальные ритуалы, посвященные памяти погибших в годы войны и умерших близких и знакомых. Потребность в обряде поминовения умерших близких людей всегда существовала в народе. В прошлом она удовлетворялась в религиозной форме панихид, поминовений «за упокой», церковных поминальных дней. Еще и в настоящее время там, где наша общественность не проводит советских поминальных обрядов, некоторая часть населения участвует в различных религиозных ритуалах поминовения («родительские субботы» и т. п.). Это показывает, что создание советских обрядов поминовения является чрезвычайно важной задачей.

Первые шаги в этом направлении были сделаны в Прибалтийских республиках в начале 60-х годов. В Эстонской и Латвийской ССР были установлены Дни памяти умерших. В эти дни на кладбищах стало собираться местное население для проведения траурных ритуалов. В 1969 году в Эстонской ССР в гражданских Днях поминовения усопших приняло участие более 170 тысяч человек.

Гражданский День усопших в Эстонской ССР, образно говоря, представляет собой музыкально-драматическую композицию, включающую духовую и симфоническую музыку, песни и декламацию. Большинство кладбищ радиофицируется, и таким образом участниками церемонии становятся все посетители кладбища. Ритуал начинается с возложения венков на братские могилы. Затем участники обряда собираются на кладбище. Духовые или симфонические

оркестры и хоры исполняют траурные мелодии, в том числе многие произведения, специально написанные к этому дню эстонскими композиторами и поэтами. Проводится краткий траурный митинг, на котором выступающие отмечают заслуги лиц, похороненных на кладбище. Церемония оканчивается траурным пением¹.

В некоторых городах Латвии Дни поминовения заключали впечатляющие факельные шествия.

«Вечер. У пылающего Вечного огня на Братском кладбище выстроилась длинная колонна факелоносцев. Юноши и девушки в народной одежде, впереди — статный седовласый мужчина, Старший...

Раздаются сигнальные звуки фанфар, духовой оркестр играет «Реквием». Затем в наступившей тишине Старший поднимает свой факел вверх и величественным жестом опускает вниз — зажигает от Вечного огня. Торжественная пауза: Старший высоко держит пылающий факел, потом своим факелом зажигает факелы стоящих в первом ряду колонны. Те передают огонь второму ряду и так далее. Засветилась огнями вся колонна.

Старший снова поднимает факел вверх. По этому условному знаку из колонны выходят трое юношей и три девушки с факелами, становятся у Вечного огня как часовые. Еще такой жест — из колонны выходят с факелами юноша и девушка, становятся по обе стороны Старшего. Он плавно описывает факелом полукруг и указывает туда, куда должна направиться колонна. Начинается торжественное шествие к центру города»².

Интересный опыт проведения советского поминального обряда накоплен в Ленинградской области, на Украине, в некоторых других республиках. Например, в Петрокрепости (Ленинградская область) в День памяти все местное население собирается у стен крепости «Орешек», где в годы Великой Отечественной войны шли ожесточенные бои. Сюда приносят

¹ См. В. Я. Ранне. Новые обряды и их место в духовной жизни советских людей. — «Вопросы научного атеизма», вып. 13, стр. 195—196.

² Геннадий Геродник. О парках добрых воспоминаний, стр. 116.

множество венков, часть из них опускают в волны реки Невы, омывающей остров. Венки плывут по Неве к Ленинграду, к Финскому заливу. На всем пути их встречают жители прибрежных селений, а встречные корабли и катера салютуют им гудками¹.

Наша характеристика системы советских обрядов не претендует на полноту и законченность. Многие обряды, не названные здесь, возникают и формируются в различных республиках и областях нашей необъятной страны. Вероятно, они будут возникать и в дальнейшем.

ИДЕЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБРЯДОВ

Каждая из упомянутых выше групп социалистических обрядов воплощает коммунистические идеи, нормы и ценности по-своему. В общественно-политических обрядах главное содержание составляют политические и социальные идеи, устремления и идеалы, воодушевляющие советский народ, лежащие в основе внешней и внутренней политики Коммунистической партии и Советского государства. В воинских, профессиональных, детских и юношеских обрядах эти общие идеи и помыслы преломляются через специфические условия жизни и деятельности данной группы людей, обогащаясь при этом специфическим содержанием. В советских семейных обрядах знаменательные события в жизни семьи и отдельного человека трактуются не как сугубо личные и семейные явления, а как социально значимые события, играющие большую роль в жизни всего советского общества.

Важнейшей социальной функцией любого обряда, в том числе и социалистического, является функция идейно-воспитательная. Советские обряды в символической и чувственно-наглядной форме воплощают

¹ См. В. А. Руднев. Советские обычаи и обряды, стр. 124.

идеи и ценности коммунистического мировоззрения и морали. В частности, советские обряды играют большую роль в политическом, патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся. Яркое, театрализованное, насыщенное эстетическими моментами обрядовое действие способствует более быстрому и глубокому усвоению тех или иных политических или социальных идей. Идеи советского патриотизма, дружбы народов, пролетарского интернационализма в ходе советских обрядов не только осознаются разумом, но и глубоко переживаются. Особая атмосфера царит в очереди перед Мавзолеем В. И. Ленина на Красной площади. Для миллионов советских граждан, прибывших со всех концов страны в Москву, посещение Мавзолея В. И. Ленина стало запоминающимся на всю жизнь событием, средством политического и гражданского воспитания. То же самое можно сказать вообще о посещении мемориалов и памятников. Здесь сама обстановка способствует переживанию присутствующими общих чувств, вызванных героизмом советских людей в Отечественной войне, самоотверженной борьбой революционеров за новое общество.

Не следует забывать и о том, что советские обряды — действенное средство воспитания научного мировоззрения. Известно, что идеи в отвлеченной форме трудно воспринимаются неподготовленными людьми. Они усваиваются ими легче и успешнее, если связываются с наглядными символами, вызывающими яркие и глубокие переживания. В этом отношении советские обряды представляют большую ценность. Возьмем хотя бы похоронный и поминальный ритуалы. Вместо идей бессмертия души и загробного воздаяния, воплощенных в церковном обряде погребения, советские похоронные и поминальные обряды эмоционально-художественными средствами утверждают мысль о том, что «все остается людям», что подлинное бессмертие человека заключается в его делах, в том реальном наследии его, которое воплотилось в материальных и духовных ценностях, в людях, им воспитанных.

Советские обряды выступают и как фактор атеистического воспитания, содействуя вытеснению ре-

лигиозной обрядности. Об этом мы ниже поговорим специально.

Трудно переоценить роль советских обрядов в воспитании коммунистической морали.

Советские семейные обряды, например, символически воплощают и утверждают новые, социалистические нормы поведения в семье, подчеркивают равенство супругов, их взаимную любовь и уважение как основу семейной жизни, а главное, указывают на единство интересов семьи и общества, на заинтересованность общества в гармоническом развитии каждой семьи.

Религиозные обряды «освящали» те или иные события в жизни семьи и отдельного человека, рассматривая их как события, затрагивающие лишь узкий круг людей, участвующих в обряде, и бога как их мифического покровителя. Советские семейные обряды проникнуты идеей общности интересов семьи и личности с интересами социалистических коллективов и общества в целом. Не случайно в этих обрядах значительную роль играют представители Советского государства и общественных организаций. Их участие в обрядах не только оформляет и «узаконивает» новый этап в развитии данной семьи, но и подчеркивает общественную значимость того семейного события, которому посвящен данный ритуал.

Активно воспитывают людей в духе коммунистической морали и все иные обряды. Например, пионерские обряды всей системой своих символов указывают на необходимость подготовки каждого пионера и пионерки к борьбе за дело Коммунистической партии, требуют от них сознательного выполнения общественного долга, дисциплины и ответственности.

Отмечая важную роль обрядов в коммунистическом воспитании, мы не должны сводить их влияние на людей только к идеологическому воздействию, к внедрению в сознание масс коммунистических идей, норм и ценностей. Наряду с идейно-воспитательной функцией советские обряды выполняют также и иные функции: эмоционально-психологическую, игровую и эстетическую.

Когда речь идет об эмоционально-психологической функции, то имеется в виду, что любой обряд

для его участников играет роль своеобразной эмоциональной разрядки. Ведь обряд торжественно оформляет важное для жизни общества, группы или личности событие. Уже сама подготовка к обряду создает у людей определенный настрой, наполняет их ожиданиями и волнением. Эти волнения усиливаются в ходе самого обряда, достигая кульминационной точки в самый важный и торжественный момент ритуала. Затем происходит постепенное успокоение, участники обряда испытывают чувства радости и удовлетворения.

Таким образом, эмоционально-психологические процессы, происходящие во время обряда, весьма схожи с механизмом эстетического и религиозного катарсиса. Специфика советских обрядов состоит в том, что в них катарсис происходит на основе переживания события, которое осмысливается и оценивается с позиций социалистической идеологии и морали. Здесь проявляется единство идейно-воспитательной и эмоционально-психологической функций обряда: коммунистические идеи, нормы и принципы не только осознаются, но и переживаются людьми, становясь их внутренним личностным достоянием, регулятором их поведения.

Потребность в эмоциональной разрядке, находящая свою реализацию в обряде, есть естественная и необходимая потребность людей. Советские обряды являются важной формой удовлетворения этой потребности.

В первой главе говорилось о близости обряда к игре. Игровые моменты присутствуют и во многих советских обрядах. Особенно отчетливо это проявляется в детских и юношеских ритуалах. Пионеры и комсомольцы обычно с таким тщанием и удовольствием воспроизводят элементы военного ритуала, вошедшие в пионерскую и комсомольскую обрядность (почетный караул у знамени, рапорт на линейке, сигналы горна и т. п.), потому, что их привлекает возможность исполнять социальные роли, которые им предстоит освоить лишь в будущем. Игровые моменты издавна присутствовали во многих народных обрядах и праздниках, получивших в нашей стране свое второе рождение. Вспомним праздник проводов

русской зимы (масленица), сопровождающийся всевозможными играми и развлечениями, праздник русской березки, татарский сабантуй и т. п. Хотя игра и обряд, как уже говорилось, не одно и то же, игровые моменты нередко присутствуют в самом обрядовом действе либо сопровождают обряд, выступая как существенные компоненты того или иного праздника.

Игровая функция советских обрядов непосредственно связана с эстетической. Обряды невозможны без красочного и впечатляющего художественного оформления. В советском обществе обряды продолжают оставаться важным средством удовлетворения эстетических потребностей трудящихся. Особенно важно при этом, что участники обряда не только воспринимают красоту, но и сами творят ее. Несмотря на стереотипность обрядового действия, оно создает большие возможности для художественного творчества. От насыщенности обрядов элементами искусства во многом зависит их эмоционально-психологическое и идейное воздействие на советских людей.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ КАК ФАКТОР АТЕИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Социалистические обряды — эффективное средство борьбы с религией. Они несут в себе большой атеистический заряд. И от того, насколько прочно они войдут в быт и сознание советских людей, во многом будут зависеть темпы отхода верующих от религии, эффективность всей нашей системы научно-атеистического воспитания.

В обряде отсутствует «лобовое» атеистическое воздействие, и поэтому он легче преодолевает психологический барьер, существующий у многих верующих по отношению к атеизму. Каждый обряд как бы исподволь наводит на раздумья о смысле жизни, о миссии человека на земле, о счастье и общественных идеалах, об ответственности человека перед общест-

вом. Обряд ненавязчиво осуществляет воспитательное воздействие, способствуя формированию материалистического мировоззрения, нового взгляда на жизнь, на место человека в этом мире, выражая коммунистические идеалы, нормы и ценности. •

Важным принципом построения системы атеистического воспитания является умелое использование всего многообразия форм и методов атеистического воздействия. Ни одна форма атеистического воспитания, взятая изолированно, не обеспечит успешного преодоления религии. Наступление на религию дает наибольший эффект тогда, когда оно ведется широким фронтом и включает в себя целый комплекс многообразных средств, форм и методов воздействия. Не следует забывать важное методологическое указание В. И. Ленина: «...массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде... подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами...»¹

Новые, социалистические обряды занимают в этом комплексе средств и приемов воздействия важное место.

Иногда полагают, что атеистическую функцию осуществляют только семейные обряды. Однако практика внедрения новой обрядности убедительно свидетельствует о том, что все советские обряды имеют атеистическую направленность. Другое дело, что осуществляют атеистическую функцию новые обряды по-разному. Одни из них имеют четко выраженную атеистическую направленность, непосредственно противостоят религии и служат ее вытеснению, другие осуществляют атеистическую функцию опосредованно, способствуя утверждению советского образа жизни, нового, социалистического быта и новых отношений между людьми, сплочению трудовых коллективов и формированию коллективистской общественной психологии, другими словами, способствуя созданию такой социальной обстановки, которая ведет к вытеснению религиозных пережитков.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 26.

К первой группе обрядов следует отнести прежде всего новые семейные обряды — торжественное бракосочетание, имянаречение, гражданские похороны, Дни памяти умерших, ко второй — детские и юношеские, профессиональные, общественно-политические обряды.

Опыт последних лет показывает, что существует тесная связь между внедрением новых семейных обрядов и снижением числа лиц, совершающих религиозные обряды. Наглядно, в частности, эта зависимость обнаруживается на примере внедрения обряда бракосочетания. Создание и внедрение советского обряда бракосочетания, удовлетворяющего духовные запросы людей, запоминающегося на всю жизнь, привело к тому, что старый религиозный обряд венчания в церкви в наши дни стал редким явлением. Даже многие верующие сейчас не настаивают на венчании своих детей или внуков.

Новый обряд бракосочетания признан народом, он завоевал себе прочное место и в основном вытеснил церковное венчание. А ведь последний еще совсем недавно привлекал к себе молодых людей. Так, в городе Дрогобыче в 1960 году, когда новый обряд бракосочетания только начинал формироваться, из 800 пар молодоженов около половины совершили обряд венчания в церкви. Начиная с 1964 года в городе было много сделано по пропаганде нового, советского обряда бракосочетания. Уже в 1966 году из 600 пар молодоженов в церкви венчалось всего несколько пар, все же остальные отмечали это важное событие по-новому¹. В Эстонии в 1957 году венчалось 29,8% новобрачных, а в 1968 году — только 2,6%, т. е. число венчаний сократилось в 12 раз². Большую роль во внедрении обряда бракосочетания сыграло открытие Дворцов бракосочетания. Так, в Ленинграде с открытием Дворца бракосочетания число венчаний к 1965 году уменьшилось на 18%³. Таким образом, можно с полным основанием заявить, что цер-

¹ См. П. П. Кампарс, Н. М. Закович. Советская гражданская обрядность, стр. 199.

² См. «Вопросы научного атеизма», вып. 14, стр. 78.

³ См. П. П. Кампарс, Н. М. Закович. Советская гражданская обрядность, стр. 199.

ковный обряд венчания в значительной мере вытеснен новым, советским обрядом.

Созданный в Прибалтике обряд совершеннолетия содействовал вытеснению церковного обряда конфирмации. В Эстонии в 1957 году число конфирмантов составляло еще около 10 тысяч юношей и девушек, в 1970—1973 годах ежегодно всего лишь 400—500 человек, что означает сокращение в 22 раза¹. Тем самым позициям церкви нанесен серьезный удар.

В тех случаях, когда новые обряды получили широкое распространение в массах, когда найдена удачная и общепризнанная их форма, они становятся важнейшим средством преодоления религиозной обрядности. К сожалению, этого нельзя сказать о всех новых семейных обрядах, в частности о новом обряде имянаречения. Несмотря на многие удачные попытки, обряд имянаречения еще далеко не везде органически вошел в жизнь народа. Не случайно церковный обряд крещения имеет во многих областях и республиках довольно широкое распространение.

Предстоит еще многое продумать в новом обряде имянаречения, чтобы он соответствовал запросам масс, был торжественным, впечатляющим и в то же время сохранял свой семейный, интимный характер. Жизнь убеждает нас в том, что там, где этот обряд проводится умело и продуманно, он успешно вытесняет обряд крещения. Убедительным свидетельством этого служит практика внедрения нового обряда имянаречения в Ленинграде. С открытием дворца «Малютка» в Ленинграде количество крещений сократилось на 35%². Об этом же свидетельствует опыт Эстонии. Если в 1957 году здесь крестили 55,8% родившихся детей, то уже в 1968 году только 12,5%, т. е. число крещений сократилось почти в 5 раз³. Совершенствование обряда имянаречения будет иметь решающее значение в дальнейшем снижении числа крещений.

¹ См. «Вопросы научного атеизма», вып. 13, стр. 191; вып. 14, стр. 78.

² См. Д. М. Аптекман. Причины живучести религиозного обряда крещения в современных условиях.— «Вопросы философии», 1965, № 3, стр. 89.

³ См. «Вопросы научного атеизма», вып. 14, стр. 78.

Важные атеистические функции выполняют советские обряды, связанные со смертью человека.

Церковники хорошо понимают, что смерть человека остро ставит краеугольные мировоззренческие вопросы, такие, как смерть и бессмертие, существование загробного мира, души и т. п., заставляет задуматься о ценности и смысле жизни. Смерть обрушивается на родных и близких покойного огромной горью, вызывает душевное потрясение, эмоциональное напряжение. В такой кризисной ситуации они больше всего нуждаются в сочувствии, помощи и внимании. Известно, что немая, невысказанная скорбь «томит» душу, она тяжелее всего. Человеку трудно быть наедине со своей скорбью. Недаром в народе говорят: «Разделенное горе — половина горя». В моменты значительных эмоциональных потрясений наше сознание ищет разрядки, чтобы избавиться от угрожающей ему эмоциональной перегрузки. Похоронный обряд как раз и дает такую разрядку. Объединяя людей, обряд способствует тому, чтобы убитый горем человек не чувствовал себя одиноким. Совершая советский похоронный обряд, человек ощущает свою связь с обществом, коллективом. Участвующие в обряде люди выражают ему свое сочувствие и поддержку, как бы берут на себя часть ноши. Советский похоронный ритуал становится своего рода коллективным актом взаимного соболезнования, средством, помогающим заглушить скорбь, смягчить горечь утраты близкого человека, тяжесть расставания с ним. Обряд примиряет человека с тяжелой утратой, помогает привыкнуть к новой ситуации, приспособиться к новой обстановке.

Сказанное касается и поминального обряда. Отдать дань умершим — не обязанность, налагаемая религией, а внутренняя потребность всякого человека. Для многих людей (особенно пожилых и одиноких) поминки являются средством общения. Поскольку потребность в поминальном обряде есть, а новые поминальные обряды во многих местах еще отсутствуют, немало людей удовлетворяет ее в дни церковного поминовения.

Там, где общественность по-настоящему занимается внедрением новых обрядов, связанных со

смертью, религиозные обряды успешно вытесняются. Достаточно сослаться хотя бы на пример Эстонской и Латвийской ССР. За последние годы здесь была проведена большая работа по внедрению новых похоронных и поминальных обрядов. И теперь церковникам стало трудно собирать на кладбище людей в поминальные дни. Гражданские дни поминовения собирают не только неверующих, но и значительную часть верующих. Отправление религиозных похоронных и поминальных обрядов резко сократилось.

Если в начале 60-х годов священники всех культов хоронили в Риге свыше двух третей умерших, то в 1965—1967 годах доля похорон по церковному ритуалу составила всего одну четверть. В 1967 году из каждых 100 умерших 53 хоронили, пользуясь помощью представителя похоронного бюро. Это не считая тех гражданских похорон, которые проведены силами общественных организаций и трудовых коллективов¹. Опыт этих республик заслуживает одобрения и широкого распространения.

Конкретно-социологические исследования, проведенные в последние годы, показали, что церковные обряды удовлетворяют не только религиозные, но и многие нерелигиозные потребности — эстетические, нравственные, познавательные, потребности в общении, самоутверждении. Именно поэтому многие люди совершают религиозные обряды по нерелигиозным мотивам.

Даже многие верующие и колеблющиеся совершают религиозные обряды по нерелигиозным мотивам. Так, исследования Л. Н. Ульянова в Пензенской области показывают, что среди лиц, назвавших себя верующими, крестили детей по религиозным мотивам 44%, а в группе колеблющихся — 12,5%. Более $\frac{2}{3}$ колеблющихся и почти половина верующих руководствуются нерелигиозными мотивами при совершении похоронного обряда².

Отсюда ясно, что важной проблемой атеистического воспитания является полное удовлетворение

¹ См. Геннадий Геродник. О парках добрых воспоминаний, стр. 83.

² См. «Вопросы научного атеизма», вып. 11, стр. 228.

всех здоровых потребностей и интересов советских людей, обогащение социальной и духовной жизни каждой личности. Немаловажную роль в этом деле призваны сыграть новые обряды. Удовлетворяя разнообразные потребности трудящихся нашей страны, новые обряды создают обстановку, когда люди перестают нуждаться в религии как эмоционально-эстетическом факторе их жизни.

Особенно значительна роль новой обрядности в отходе от религии колеблющихся. Для человека, который колеблется между религиозной верой и атеистическими убеждениями, важно, чтобы место, освобожденное в его сознании от религиозных представлений и переживаний, было заполнено новыми ценностями и идеалами. Эмоциональный мир личности, отходящей от религии, не должен быть обеднен. Бывший богослов А. А. Осипов, испытавший на себе всю сложность процесса отхода от религии, справедливо указывал, что надо стремиться не только «выдворить веру с площадки душевной», но и подумать, чем заполнить образовавшийся вакуум. Забвение этого принципа порой приводит к тому, что люди, отошедшие от религии, вновь возвращаются в лоно церкви. Новые, безрелигиозные обряды помогают колеблющимся укрепиться на материалистических позициях, удовлетворить свои социальные потребности на светской основе.

Новые обряды выполняют свою атеистическую функцию не только по отношению к верующим и колеблющимся, но и по отношению к группе «индифферентных». Нельзя ставить знак равенства между атеистами и неверующими. Значительную часть неверующих составляют люди, относящиеся к религии безразлично, не видящие в ней вреда. По данным исследования в Воронежской области, среди неверующих таких «индифферентных» насчитывается $\frac{1}{3}$ ¹, в городе Пензе подобные люди составляют 30% населения². Система атеистического воспитания должна охватывать все слои и группы населения, в том числе

¹ См. «Вопросы научного атеизма», вып. 9. М., 1970, стр. 108.

² См. «К обществу, свободному от религий». М., 1970, стр. 142—143.

и указанную группу «индифферентных». Участие в новых обрядах помогает этим людям понять ненужность и реакционность религиозных обрядов, их антинаучное содержание.

Не следует недооценивать роль новой обрядности и в мобилизации атеистического общественного мнения. Как известно, в целом у нас в стране функционирует атеистическое общественное мнение, негативно относящееся к религиозным пережиткам. Однако в силу ряда причин в некоторых коллективах может отсутствовать активно функционирующее атеистическое общественное мнение. Чаще всего это бывает в малых коллективах, особенно на селе (бригада, ферма и т. д.), когда существующее в религиозной общине групповое религиозное мнение выходит за пределы общины и становится влиятельным в коллективе в целом. Это является одной из причин сохранения религиозной обрядности в среде неверующих и колеблющихся, исполняющих церковные обряды под давлением «среды», ближайшего окружения. В этих условиях внедрение новых, советских обрядов объективно подрывает позиции общественного мнения, выступающего в пользу религии, и содействует формированию общественного мнения с атеистической направленностью.

Большую роль в активизации общественного мнения могут сыграть старейшие и наиболее уважаемые члены колхоза, совхоза, предприятия. «...Очень важно,— пишет дагестанская поэтесса Ф. Алиева,— использовать авторитет стариков, ветеранов труда, для утверждения нового. Что, например, предприняли в Чародинском районе? Райком партии пригласил собраться представителей советов старейшин селений района совместно с членами комиссий сельисполкомов по внедрению в жизнь наших советских обрядов. Аксакалам так и сказали: вы имеете большое влияние на жизнь села, без вас не обходится ни одно радостное и печальное событие. Сказали им, что районная партийная организация ждет от старшего поколения действенной и активной помощи в борьбе с пережитками прошлого. Состоялся большой и очень интересный разговор. Старейшины обещали свою поддержку и помощь. Они обратились ко всем жите-

лям района с призывом более активно внедрять в быт новые обычаи»¹.

Новые обряды способствуют повышению социальной активности верующих, укреплению их социальных связей с нерелигиозной средой, становятся средством удовлетворения потребности в общении. Советские обряды помогают приобщить верующих к коллективу, вовлечь в общественно-политическую деятельность, ликвидировать обособленность, индивидуальную замкнутость и одиночество. Особенно велика в этом отношении роль профессиональных, трудовых и общественно-политических обрядов. Регулярное проведение новых обрядов вовлекает в орбиту воспитательной работы практически весь коллектив, в том числе и верующих, которые, как показывает практика, с интересом принимают участие в подготовке и проведении социалистических обрядов и праздников.

Содействуя формированию правильного взгляда на мир и на человека, его роль и место в природе и обществе, советские обряды помогают верующим отказаться от религиозных иллюзий, понять значимость реальной земной жизни, укрепляют в человеке чувство общественной полноценности. Новая обрядность становится, таким образом, важным средством преодоления религии в нашем обществе.

СОВЕТСКИЕ ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ

Обряды обычно оформляют важные события в жизни общества, той или иной социальной группы, семьи, личности, поэтому вполне закономерна их связь с системой праздников.

Система праздников в советском обществе весьма сложна и многообразна. Она включает общественно-политические праздники, посвященные важным событиям в жизни страны (7 Ноября, 9 Мая и т. п.) либо традиционным дням революционной солидарности трудящихся (1 Мая); профессиональные праздники,

¹ «Правда», 10 августа 1974 г.

которые отмечаются прежде всего людьми определенных профессий (День строителя, День шахтера, День железнодорожника и т. п.), детские и юношеские праздники (День пионерской организации, 1 сентября — начало учебного года, праздник окончания школы и т. п.). Практически всеми отмечается новогодний праздник. Существуют и местные праздники — особые памятные дни в союзных республиках (например, годовщины образования союзных республик, дни их освобождения от фашистских захватчиков и т. п.), а также в областях, городах и районах. Например, торжественно празднуются годовщины основания многих советских городов, дни их освобождения от немецко-фашистской оккупации. Становятся все более массовыми и традиционными праздники, связанные с культурными событиями и датами (Дни поэзии, Дни детской книги и т. п.). Всенародной любовью и признанием пользуются Пушкинские дни, ежегодно отмечаемые во многих местах нашей страны, где жил и творил великий поэт. Становятся все более массовыми и традиционными праздники, посвященные другим писателям и поэтам.

Особую группу составляют традиционные народные (прежде всего крестьянские) праздники, истоки которых восходят к земледельческому календарному циклу. Так, значительное распространение в нашей стране в последние годы получил праздник проводов русской зимы (масленица). Повсеместно отмечаются также праздник русской березки, праздник урожая и некоторые другие народные празднества.

Каково соотношение праздника и обряда в советском обществе? Должен ли присутствовать обряд в любом празднике и какое место должен он в нем занимать? В настоящее время эти вопросы имеют не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение.

Можно представить себе праздник, в котором обряд отсутствует (например, праздник, связанный с завершением строительства, перевыполнением плана и т. п.), и обряд, не связанный с праздником (например, обряд взаимного приветствия). Однако не подлежит сомнению, что обряд во многих случаях становится центром праздника, его кульминацион-

ным пунктом. Это относится как к общественно-политическим, так и к семейным праздникам. Для советских людей, например, представляется само собой разумеющимся, что празднование годовщины Великой Октябрьской социалистической революции связано с военным парадом и демонстрацией трудящихся. Кульминацией свадебного празднества выступает обряд торжественной регистрации брака.

Включая обрядовые формы, советские праздники отнюдь не сводятся к ним. Любой советский праздник представляет собой целую систему различных мероприятий, каждое из которых имеет свое особое назначение и выполняет специфические функции. В системе общественно-политических праздников важную роль играют торжественные собрания трудящихся, на которых обычно подводятся итоги истекшего периода, отмечаются заслуги передовиков, производится их награждение и премирование. Не может быть праздника и без различных зрелищных мероприятий — концертов, игр и развлечений. Они удовлетворяют эстетические потребности трудящихся и вместе с тем являются формой проведения досуга, помогают отдыхать и развлекаться. Особенно важны те формы развлечений и проведения досуга, которые предполагают активное участие широких масс в художественном творчестве, — хороводы, песни, танцы. Общественные организации, подготавливая то или иное празднество, всегда должны учитывать его комплексный, широкий характер и включать в него самые разнообразные элементы: и официальные собрания, и митинги, и торжественные обряды, и развлечения. Неразумно сводить праздник только к развлечениям, но не меньшей ошибкой является излишнее затягивание официальной и ритуальной части, что нередко «засушивает» праздник, вызывает у людей вместо радости и веселья скуку. Немало еще у нас находится ораторов, способных по всякому поводу и без повода произносить длинные речи, в которых повторяются и излагаются общеизвестные вещи.

Итак, обряд выступает как существенный элемент праздника, но ни в коем случае не исчерпывает его. Праздник можно считать удачным, если он дает

самые многообразные впечатления, удовлетворяет различные запросы трудящихся.

Каждый советский праздник посвящен определенному событию. Соответственно любой праздник должен обладать своеобразием. То, что уместно и разумно на одном празднике, может стать неуместным на другом. Это относится как к официальной и ритуальной части праздника, так и к части зрелищной, развлекательной. Между тем у нас далеко не все праздники обрели свое лицо. Немало праздников проводится по общему шаблону, трафарету.

Какие из профессиональных праздников действительно запоминаются, становятся впечатляющими событиями? К сожалению, далеко не все. Порой бывает трудно вспомнить, чем отличался День строителя от Дня рыбака. И уже совсем нежелательно, когда два профессиональных праздника проводятся одновременно.

Важно, чтобы советские праздники не ограничивались государственными и общественными мероприятиями, а вошли в быт, стали одновременно семейными. Это достигнуто в нашей стране в отношении важнейших общественно-политических праздников (Первомай, День Победы, годовщина Октября). Эти праздники отмечаются буквально во всех семьях, они стали неотъемлемым элементом жизни и быта миллионов людей. В послевоенное время таким семейным праздником стал и Международный женский день — 8 марта. Весьма своеобразные черты приобрел в последние годы День Советской Армии — 23 февраля. Празднование этого дня сейчас вышло за рамки общегосударственных и воинских торжеств. Ныне 23 февраля отмечается в советских коллективах и семьях и как своеобразный «мужской» день, день не только тех, кто служил или служит в армии, но и будущих защитников нашей страны.

Ратуя за проникновение советских праздников в жизнь и быт семей, мы, естественно, против того, чтобы любой семейный праздник сводился к «возлияниям» за столом. Обильное и вкусное угощение во время праздника — старый обычай русского и многих других народов нашей страны. Но когда праздничное застолье рассматривается как своего рода

соревнование в количестве выпитых спиртных напитков, праздник превращается в пьянку, печальные последствия которой достаточно известны.

Помимо общих праздников, отмечаемых всей страной, существуют и местные празднества: городские, районные, сельские. К сожалению, далеко не везде местные праздники получили распространение, вошли в жизнь и быт. А потребность в таких праздниках велика. Не этим ли обстоятельством объясняется празднование до сих пор престольных праздников некоторой частью сельского населения?

Хорошо сказал о значении местных обрядов и праздников для воспитания любви к родному краю дважды Герой Социалистического Труда М. А. Посмитный: «В создании новых обрядов, праздников я вижу и ту большую силу, которая привязывает человека к родному краю. Трудно покинуть село, в парке которого посажено дерево твоего имени, где отмечался твой первый урок в школе, первый самостоятельно выращенный початок кукурузы, твое совершеннолетие, свадьба; трудно навсегда покинуть место, где ты веселился с друзьями на замечательных колядках, где ты ребенком нес сноп на Празднике Урожая, а в день Ивана Купалы прыгал с девушкой через костер».

Во многих районах страны накоплен полезный опыт проведения колхозных и совхозных праздников. Вот как описывает праздник, посвященный началу полевых работ на племзаводе «Гулькевичский», первый секретарь Кавказского райкома КПСС Краснодарского края В. Сыроватко:

«...С утра улицы были одеты в яркий наряд. Играл духовой оркестр. Площадь возле Дома культуры заполнили празднично одетые люди. Но вот начальник цеха механизации В. Кузнецов докладывает руководителям хозяйства о готовности к весенне-полевым работам. И начинается парад техники. Машины, украшенные флажками и лозунгами, движутся мимо трибуны...

Все участники праздника приглашаются в Дом культуры. Раздвигается занавес. Под звуки марша на сцену поднимаются почетные гости. Вносятся Знамя трудовой славы, почетный юбилейный знак ЦК КПСС,

Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. Директор племзавода А. Литвиненко рассказывает о задачах, которые предстоит решать коллективу в этом году. В зале гаснет свет. Под мелодию песни «Русское поле» демонстрируется световая газета. А потом появляется и «Весна» в образе девушки. Она одаривает всех цветами...

Праздник завершается посвящением в хлеборобы выпускников школы механизации. Кавалер ордена Ленина О. Гнатюк преподносит молодым парням хлеб-соль, говорит теплые слова напутствия. Каждый из выпускников преклоняет колено перед знаменем. Тут же он получает трудовую книжку. Ему повязывают ленту с надписью «Посвящен в хлеборобы. Год 1974»¹.

Описанный праздник органически сочетает официальные мероприятия и ритуалы. Автор статьи справедливо полагает, что такие праздники оставляют заметный след в памяти людей, настраивают их на хороший, трудовой лад, пробуждают в них чувство высокой ответственности за дела коллектива. Вместе с тем подобные праздники удовлетворяют и потребности людей в зрелищах и развлечениях, способствуют развитию в них эстетического вкуса.

НОВОЕ И СТАРОЕ

Одним из сложных вопросов развития новой обрядности является вопрос об отношении к старым народным обрядам, о возможности их переосмысления в условиях социализма, включения их элементов в советскую обрядность.

Известно, что некоторые советские обряды включили в себя в переосмысленном и преобразованном виде элементы традиционных народных обрядов. Вспомним новогоднюю елку, которая раньше связывалась с рождеством, свадебный ритуал обмена кольцами, некогда рассматривавшийся как элемент церковного обряда венчания, обычай выбора «кумовь-

¹ «Правда», 30 июня 1974 г.

ев» («крестного отца» и «крестной матери») и некоторые другие ритуальные формы.

Однако наряду с удачным опытом использования старых ритуалов имеются и неудачи. Вряд ли можно согласиться с В. И. Брудным, который популяризует проведение летнего праздника в одном из сел Хмельницкой области (Украинская ССР), где выбрали в качестве хозяев праздника «князь» и «княгиня». «Под аплодисменты и торжественный марш нескольких оркестров на «княгиню» и «князя» возлагаются короны, надеваются ярко расписанные мантии», — пишет В. И. Брудный¹. И оказывается, что в ролях «княгини» и «князя» выступали знатные люди района — депутат Верховного Совета СССР и лучший тракторист. Здесь несоответствие архаической ритуальной формы и советского содержания бросается в глаза.

Вместе с тем В. И. Брудным справедливо критикуются некоторые другие факты некритического отношения к старым обрядам. Например, он обоснованно считает, что практиковавшееся в ходе праздника урожая в Хмельницкой области оставление части несжатой полосы и «завязывание бороды», т. е. связывание последнего снопа на поле из несжатого хлеба, архаично по своему содержанию и выглядит искусственным в наших условиях. Помимо всего прочего, оно требует больших организационных усилий, ибо необходимо всех участников праздника доставить на место, где «завязывается борода»².

Кое-где в ходе традиционного свадебного обряда пытаются воскресить архаические элементы ритуала «выкупа» или даже «выкрадывания» невесты, что явно не согласуется с новыми принципами формирования семьи³.

Каковы же важнейшие условия и предпосылки, делающие заимствование старых ритуальных форм и элементов оправданным?

Во-первых, необходимо учитывать, может ли та или иная традиционная ритуальная форма выразить

¹ В. И. Брудный. Обряды вчера и сегодня, стр. 95.

² См. там же, стр. 109.

³ См. там же, стр. 148.

новое идейное содержание, или, по крайней мере, не противоречит ли она ему.

Сейчас в нашей печати широко обсуждается вопрос о повсеместном введении «предсвадебного» ритуала помолвки. Нельзя не согласиться с мнением тех, кто указывает на положительную роль такого ритуала, устанавливающего своеобразное испытание серьезности намерений и чувств вступающих в брак. Поскольку в прошлом среди имущих классов брак строился прежде всего на расчете, помолвка призвана была объявить о состоявшейся «делке». В настоящее время социальный смысл помолвки принципиально иной. Ритуал объявления молодых людей женихом и невестой в наших условиях символизирует их решимость вступить в брак, основанный на любви, взаимном уважении и равноправии супругов.

Другой пример — обручальные кольца. Хотя в прошлом обмен кольцами был включен в церковный обряд венчания, в самом этом ритуале нет ничего религиозного. В настоящее время кольца рассматриваются как символ супружеской верности, и они повсеместно вошли в советский свадебный обряд.

Широко используются в нашем быту некоторые праздники и обряды, восходящие еще к дохристианским верованиям славян, — масленица, праздник русской березки и т. п. Возможность идейного переосмысления таких обрядов определяется тем, что их древнее символическое предназначение (магическое чаще всего) прочно забыто и они в ходе веков переместились из сферы религиозного культа в область народного поэтического творчества. Поэтому их современная символическая интерпретация не только возможна, но и способна органически «вписаться» в нашу действительность.

Однако существуют ритуальные формы, которые настолько прочно срослись с архаическим, чуждым советской действительности содержанием, что их включение в новые обряды нецелесообразно. Зачем хозяев советского праздника называть «князем» и «княгиней», да еще надевать на них короны и мантии? В этом случае старые символы «не вписываются» в новые условия жизни и быта.

Сейчас среди некоторой части молодежи распространилась мода ношения крестиков. При этом молодые люди обижаются, если их считают религиозными людьми. «Это сейчас модно и, кроме того, красиво», — объясняют они свое увлечение крестами. Такие юноши и девушки забывают, что православная церковь требует от каждого верующего ношения нательного креста как знака его принадлежности к ней. Понимают это молодые люди или нет, но объективно, надев крестики, они укрепляют престиж христианской религии, популяризируют ее основной символ.

Использование старых народных обрядовых форм целесообразно в тех случаях, когда они не связаны органически с враждебной нам идеологией и психологией, когда их переосмысление с позиций социализма не встречает существенных препятствий.

Второе условие, которое следует постоянно учитывать в процессе использования старых обрядовых форм, — соответствие этих форм современным условиям жизни и быта людей. Ритуальное оформление тех или иных событий во многом зависит от образа жизни людей, размеров городов и сел, численности населения, наличия тех или иных средств передвижения, условий быта и т. п. Приведем некоторые примеры.

Выше говорилось, что попытки воскресить традиционный народный свадебный обряд в условиях современной городской жизни обречены на неудачу. В городе отсутствует обстановка, когда свадебное торжество является событием для всего населенного пункта. Отсутствие прочных личных связей между жителями даже одного дома (не говоря уже о квартале) затрудняет проведение свадебного торжества в соответствии со сложившимися некогда обычаями и ритуалами. Ясно, что свадебный поезд, состоящий из нескольких современных легковых автомашин, и традиционный свадебный поезд на тройках с бубенцами — далеко не одно и то же. Когда свадебный кортеж на тройках проезжает по сельской улице, можно и рассмотреть всех сидящих в санях (или повозках), и перекинуться с ними шутливыми и веселыми словами. В городе все это

отпадает. Современные городские квартиры не приспособлены к приему слишком большого числа гостей, не случайно свадебное застолье в городе чаще всего переносят в ресторан. А это опять-таки не может не повлиять на обрядовое оформление свадьбы.

Городские условия не могут не отразиться и на обряде похорон. В деревне или небольшом городке важной частью похоронного обряда является траурная процессия, направляющаяся из дома умершего на кладбище. В условиях большого города похоронная процессия в ее традиционном виде стала попросту невозможной: расстояние до кладбища нередко исчисляется десятками километров, к тому же похоронная процессия может надолго перекрыть уличное движение. Это требует перестройки всего похоронного ритуала. Обряд похорон в условиях крупного города должен проводиться в основном в особых траурных помещениях (ритуальных павильонах) на кладбищах или в крематориях. Именно в этих павильонах, специально приспособленных для похорон, звучат траурные мелодии, создаются условия для торжественного проведения гражданской панихиды. Что же касается похоронной процессии, то она сохраняется, но лишь на территории самого кладбища.

Из этих примеров видно, что процесс урбанизации, перестройки жизни и быта в крупных городах неизбежно влияет на ритуальные формы. Новые условия жизни людей требуют и новых обрядовых форм.

Одной из весьма сложных и острых проблем становления советской обрядности является проблема отношения к национальным обычаям и обрядам прошлого.

Пролетарский интернационализм не имеет ничего общего с национальным нигилизмом, с пренебрежением национальными традициями и национальной культурой. Социализм создал впервые условия для всестороннего развития культуры всех наций и народностей, населяющих нашу страну. В национальных традициях, обычаях и обрядах каждого народа, населяющего наш Союз, содержатся глубоко демократические, прогрессивные элементы, ко-

торые органически вошли в современный быт этого народа, стали неотъемлемой частью его социального образа жизни.

Советские обряды и праздники в различных республиках сохраняют национальные особенности. Это относится прежде всего к семейным обрядам, которые в наибольшей степени заимствуют элементы традиционных народных ритуалов. Так, советский свадебный обряд в Казахской ССР в ряде случаев приобретает национальную окраску. Молодые супруги во время ритуала бракосочетания надевают национальные головные уборы. В свадебное торжество включаются традиционные казахские мелодии и песни. Большой популярностью пользуются казахские народные игры и развлечения.

Вот как описывает местный журналист обряд встречи молодых после их регистрации: «Гости организуют живой коридор. В руках гостей «шашу» (цветы, конфеты и т. п.). Когда молодые приближаются, гости поют обрядовую песню «Жар-жар». Под ее звуки молодые, осыпаемые «шашу», подходят к столу и поворачиваются к гостям лицом.

В это время на середину зала выходит джигит с домброй и запекает «Беташар» — песню, которая по обычаю исполняется тогда, когда невеста приходит в дом жениха. По окончании песни один из друзей жениха дарит исполнителю домбру, книгу или другой сувенир...

Тамада объявляет о начале тоя. Пока гости произносят поздравительные тосты, приглушенно исполняются народные кюи. Свадьба завершается песней «Той таркар»¹.

В Татарской АССР большой популярностью пользуется народный праздник сабантуй. Он проводится в июне, в начале лета. Дословно сабантуй означает «праздник плуга». Издавна у татар он знаменовал окончание полевых работ. Приведем рассказ очевидца об этом празднике:

«И вот старики-аксакалы вместе с самыми уважаемыми людьми аула открывают праздник. Началось! Успевай смотреть да дивиться! На гладком

¹ «За человека-творца», стр. 131.

бревне верхом добрые молодцы сбивают друг друга мешками с опилками; бегут наперегонки молодичицы, держа в зубах ложки с яйцами,— попробуй не вырони! Раззудись плечо: дюжие дяди бьют горшки. Глаза завязаны, лупят палками подряд — и все мимо, мимо. От смеха зрители за животы держатся... А неподалеку на высоченном столбе, смазанном мылом,— огненный петух в клетке. Кто сумеет подняться на столб, выпустить птицу на волю? Пробует один, другой, третий — все ползут вниз...

Но вот началось главное событие сабантуя — национальная борьба «кёряш». Это — эпицентр праздника: на кругу, плотно окруженном людьми,— впереди ребята и старики лежат, потом народ сидит, потом на ногах, а затем стоя на грузовиках и телегах — чтобы всем было видно! Топчутся друг против друга два карапуза. От горшка два вершка оба, но опоясаны кушаками, сопят, стараются изображать настоящих джигитов. Это — затравка. Первые борцы. Потом пойдут мальчишки, за ними подростки. Все старше и старше выходит народ на круг... Бросил противника на обе лопатки — победа! В борьбе отстаивают не только честь свою, но и честь аула и района. Никому не заказано выходить на круг — выходи, пробуй свою удаль и силу!»¹

Каждый народ, входящий в наше социалистическое содружество, сохранил такие традиционные празднества. В них национальные обряды, зрелища и игры не только служат средством коллективного развлечения и отдыха, но и воплощают нравственные ценности народа, воспитывают необходимые духовные и физические качества личности.

Итак, формирование советской обрядности отнюдь не предполагает отказа от традиционных национальных ритуальных форм. В тех случаях, когда национальные обычаи и обряды несут в себе позитивные нравственные и социальные ценности, они прочно входят в современный быт, становятся компонентом культуры социалистических наций.

В то же время было бы глубоко ошибочным считать любой национальный обычай или обряд,

¹ Ж. Миндубаев. Сабантуй.— «Неделя», 1974, № 27.

дошедший до нас из прошлого, компонентом национальной культуры современных советских народов.

В нашей печати в последнее время активно обсуждается вопрос о борьбе с вредными обычаями и обрядами, все еще бытующими в некоторых национальных республиках. Недавно на страницах «Правды» выступил с письмом слесарь завода имени Парижской Коммуны (Баку) С. Дариев. «Есть у нас в Азербайджане,— пишет он,— много всяких обычаев, выдаваемых за народные обряды, а на самом деле пришедших к нам из далекого прошлого — от беков, служителей культа, мещан. Действительно, мог ли, например, крестьянин или рабочий устраивать пышные свадьбы: жених, например, обязан купить золотые и бриллиантовые кольца, одежду невесте, накрыть праздничные столы на сотни человек и т. д.

Не менее разорительны похоронные обряды, когда опять-таки приходится кормить многие десятки и сотни подчас незнакомых людей на похоронах, а затем еще и в поминальные дни. Или обязательное стремление перещеголять друг друга дорогими подарками в дни рождения, когда букет цветов, преподнесенный имениннику, вызовет лишь ироническую улыбку...

И опять люди ломают голову, где достать денег для сверхдорогого подарка к свадьбе. И опять гремят разгульные, щегольские «мероприятия» с сильным бекским душком, вынуждающие их устроителей влезать в крупные долги, дабы не нарушить «обычай». И опять ездят днем по четвергам на кладбища, так что трудно бывает найти на службе даже некоторых ответственных работников, а вечером идут в дом, чтобы за застольем помянуть человека, которого иногда и при жизни не знали. И совсем уж плохо, когда тут читает молитвы мулла, а коммунисты их слушают...»¹

В письме бакинского рабочего прямо и откровенно поставлены вопросы борьбы с вредными обычаями и обрядами, которые прикрыты «национальными» одеждами.

¹ «Правда», 22 июня 1974 г.

Большой резонанс в Туркменской ССР вызвала статья поэтессы Тоушан Эсеновой «Ненавистный калым», опубликованная не так давно в «Литературной газете». Гневно и страстно обличает поэтесса калым, этот позорный обычай прошлого, превращавший женщину в вещь, которую можно было купить у ее родителей без ее согласия. К сожалению, этот феодально-байский пережиток, как показывает Т. Эсенова, еще не полностью преодолен в Туркмении. Поэтесса справедливо считает, что варварский обычай наносит не только материальный урон новой семье, ибо сумма калыма исчисляется несколькими тысячами рублей, но и моральный, который вообще трудно измерить. Калым — это попытка части отсталых людей «вернуть женщину в прежнее состояние, надеть на нее яшмак — платок молчания...». «И вот в такой семье,— продолжает Т. Эсенова,— молодой жене запрещают работать на заводе или в колхозе, учиться, встречаться со своими сверстниками: твое, мол, дело — дом и дети, вот и занимайся ими»¹.

Статья Т. Эсеновой была переведена на туркменский язык и опубликована во всех республиканских и областных газетах. По постановлению Бюро ЦК КП Туркменистана статья обсуждена на собраниях первичных партийных организаций и коллективов предприятий, колхозов, совхозов, учреждений и учебных заведений. Партийным комитетам рекомендовано разработать конкретные планы организационных и идейно-политических мероприятий по усилению борьбы с пережитками прошлого, более широкому привлечению женщин в производство, к активному участию в общественной жизни, выдвижению их на руководящие посты².

Эти примеры показывают, что советской общественности предстоит еще немало сделать, чтобы полностью преодолеть влияние реакционных обычаев и обрядов прошлого.

¹ Т. Эсенова. Ненавистный калым.— «Литературная газета», 22 мая 1974 г., стр. 12.

² См. «Литературная газета», 24 июля 1974 г., стр. 13.

СТИХИЙНОСТЬ ИЛИ СОЗНАТЕЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО?

Еще в 20-е годы в нашей печати высказывалось мнение, что формирование новой обрядности происходит только стихийно, самотеком, и что всякое сознательное вмешательство в этот процесс приносит вред. Вот как излагал точку зрения сторонников стихийности В. В. Вересаев:

«...Возражают: обряды создаются постепенно, они органически вырастают из глубины народной жизни. Если... новая обрядность действительно нужна, то жизнь родит ее без помощи «спецов», творцы обрядов придут из гущи самой жизни»¹.

В. В. Вересаев уже тогда дал аргументированную критику подобного взгляда. К сожалению, этот взгляд имеет своих сторонников и в настоящее время. Наиболее четкое и рельефное выражение он нашел в рецензии А. Петухова, опубликованной в «Новом мире» в 1969 году². Поэтому есть смысл остановиться на ее содержании более подробно.

Нельзя сказать, что в этой рецензии, посвященной анализу нескольких книг и брошюр о советских обрядах, нет правильных мыслей. Автор справедливо критикует однообразие многих книг, стремление их авторов до мельчайших подробностей регламентировать новые праздники и обряды, далеко не всегда обоснованную уверенность в том, что их рецепты проведения обрядов являются единственно возможными и правильными.

Однако основной смысл высказываний А. Петухова состоит не в этом. Автор недвусмысленно формулирует свой общий взгляд на природу советских обрядов и закономерности их становления. Он считает, что процесс формирования народных обрядов носит чисто стихийный характер. К этому процессу не имеют никакого отношения те «попытки

¹ «Красная новь», 1926, № 1, стр. 175.

² См. А. Петухов. Бумажные цветы.— «Новый мир», 1969, № 6.

конструирования», советских обрядов, которые «порождены фантазией и волей отдельных энтузиастов». Он даже приходит к выводу, что всякое организованное начало противопоказано праздникам и обрядам. «Да, праздники можно создать и организовать,— пишет он.— Можно придумать и осуществить церемониал какого-либо обряда. Но организованный праздник не есть народный праздник в подлинном смысле этого слова. Придуманый «обряд» тоже еще не обряд, а всего лишь инсценировка, спектакль, который, может быть, интересен и даже красив, но не больше»¹.

А. Петухов называет все новые советские обряды «бумажными цветами», создаваемыми людьми, которым не хочется ждать, пока на клумбе распустятся живые цветы. Он полагает, что «на быт нашего народа сегодня все эти изобретения и «возрождения» обрядов и праздников, разумеется (и, можно сказать, к счастью), не накладывают сколько-нибудь заметного отпечатка»².

Таким образом, А. Петухов, по сути дела, зачеркивает весь тот огромный труд творцов и организаторов новой, советской обрядности, который проделан в последние годы. Все это он считает «искусственным конструированием», чуждым подлинно народным традициям.

Рецензия А. Петухова не может не вызвать принципиальных возражений. Несостоятельными являются как теоретические посылки автора, так и его практические выводы. Во-первых, неправильно противопоставлять народ как некую безликую и стихийную силу отдельным личностям. Из чего же складывается народное творчество, как не из действий отдельных людей? Разве народные традиции не имеют своего начала и разве этим началом не являются действия отдельных личностей или групп людей? Конечно, с течением времени истоки традиции забываются и возникает впечатление, что она с самого начала носила массовый характер. Однако тщательное изучение любой традиции во многих

¹ «Новый мир», 1969, № 6, стр. 274—275.

² Там же, стр. 276—277.

случаях позволяет выявить точное место и время ее возникновения, а иногда и имена людей, которые участвовали в ее создании. В книге «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы», о которой мы упоминали, объяснены и датированы истоки многих обычаев и обрядов народов Европы, уходящих своими корнями в глубокую древность.

Особенно неправильно противопоставление народа отдельным личностям в социалистическом обществе, где наиболее тесна и глубока связь между социальным прогрессом и активностью и творчеством каждой отдельной личности, где коллективизм не только не исключает, но необходимо предполагает расцвет индивидуальности любого человека.

Вторая теоретическая ошибка А. Петухова состоит в том, что он абсолютизирует стихийность и самотек в возникновении и развитии обрядов. Между тем в становлении и развитии культуры, в том числе и такого ее элемента, как обряды, во все времена существенную роль играл субъективный фактор. Из истории развития мировой культуры хорошо известно, что формирование прогрессивных или реакционных обычаев и обрядов происходило не только стихийно. Их сознательно формировали, поддерживали и закрепляли определенные классы и слои общества, политические и общественные деятели, различные организации и учреждения.

Многовековая история религиозной обрядности также свидетельствует о том, что в ее становлении и развитии большую роль играли сознательные усилия религиозных организаций. Вспомним хотя бы, как внедрялась христианская обрядность на Руси. Факты говорят о том, что утверждалась она вовсе не стихийно, а благодаря активным (а подчас и насильственным) действиям церковников.

В социалистическом обществе возникают наиболее благоприятные возможности для сознательного формирования новой обрядности. Объективные законы социализма, сама его природа создают возможности для сознательного руководства и управления развитием социальных процессов. Как подчеркнул XXIV съезд КПСС, в условиях социализма неуклон-

но возрастает роль субъективного фактора, научно-го управления различными процессами общественной и духовной жизни, сознательного, целенаправленного вмешательства в эти процессы. Это касается и такого процесса, как создание и внедрение новой обрядности. Анализ становления советской обрядности показывает, что многое здесь зависит от сознательных и планомерных действий всей советской общественности. В нашей стране имеется реальная возможность управлять процессом формирования обрядности, воздействовать на него. И тот, кто выступает против сознательного внедрения новой обрядности, выступает, хочет он этого или нет, в сущности, с защитой самотека и стихийности в социалистическом обществе.

Создание новых обрядов, продуманное руководство процессом их формирования не является чем-то противоестественным и надуманным. Напротив, практический опыт свидетельствует о том, что лишь на основе сознательного отбора всего ценного и удачного, что создается самостоятельностью и инициативой многих энтузиастов, можно постепенно выработать стабильные ритуальные формы, адекватные социалистическому образу жизни.

Сознательное формирование новой обрядности, конечно, не имеет ничего общего с умозрительным «придумыванием» новых обрядов и их насаждением административными мерами. Народ воспринимает лишь те новые обряды, которые отвечают потребностям людей, сложившимся традициям. Становление новой обрядности — дело тонкое и сложное, требующее творческого подхода. Здесь необходимо хорошее знание природы обряда вообще и особенностей данного обряда, его места в социалистической культуре, его национальной формы, связанной с историческими условиями развития того или иного народа. Однако все это говорит лишь о необходимости постоянно учитывать реальный практический опыт, опираться на него, а не в пользу мнения об отказе от всякой сознательной активности в этом деле.

Представляются весьма странными и противоречащими практическому опыту и рассуждения о том,

что народные праздники и обряды якобы не требуют никакой организации. Напротив, можно с уверенностью сказать, что без умелой и тщательно продуманной организации не может обойтись ни один праздник и обряд. Сложившиеся стереотипы здесь не только не исключают планомерной подготовки, но включают ее как необходимый компонент самой традиции.

Не может не вызвать резкого протеста и общая оценка советских обрядов как «бумажных цветов». Опыт развития советской обрядности свидетельствует о том, что большинство новых обрядов органически вошло в жизнь трудящихся, что они отвечают насущным потребностям народа и горячо поддерживаются им.

НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Наш разговор о советских обрядах подходит к концу. Все сказанное позволяет сделать вывод, что становление советской обрядности в целом проходит успешно, что в настоящее время уже заложены основы системы обрядов, которая играет и будет играть важную роль в развитии нашего общества.

Однако общая позитивная и оптимистическая оценка сделанного к настоящему времени отнюдь не означает, что формирование новой обрядности и ее распространение проходит гладко и безболезненно, что в становлении советской обрядности нет острых и нерешенных проблем. Такие проблемы, бесспорно, существуют, и, подводя итоги нашему разговору о советских обрядах, есть смысл остановиться на них специально.

Первая проблема — думается, самая насущная и важная — состоит в том, чтобы создать повсеместно условия, необходимые для проведения советских обрядов.

Хотя становление советских обрядов еще не закончилось и некоторые ритуалы требуют дальнейшего совершенствования, можно сказать, что основные ритуальные формы советских обрядов уже

найденны. Однако существование того или иного обряда еще не означает, что он повсеместно вошел в жизнь и быт. Даже обряд торжественного бракосочетания, распространившийся относительно весьма широко, все еще недоступен для многих советских людей, вступающих в брак. Недоступен по той причине, что в селах, поселках и даже городах подчас еще отсутствуют материальные и организационные условия его проведения: нет соответствующих помещений, людей, способных обеспечить проведение обряда на высоком идейно-художественном уровне, и т. п.

Если лет 10—15 назад речь шла в основном о создании советских семейных обрядов, то сейчас, на наш взгляд, наиболее важной и актуальной задачей является их повсеместное внедрение. В ближайшие 5—10 лет нужно добиться того, чтобы торжественные и красочные советские семейные обряды стали повседневным явлением во всех уголках нашей страны, чтобы любая регистрация брака, рождение ребенка, похороны проходили в соответствии со сложившимися новыми ритуалами.

Но для решения этой задачи необходимы серьезные, коренные изменения в деятельности наших загсов и кладбищ. И нужно ясно отдавать себе отчет в том, что здесь нельзя рассчитывать только на инициативу и «самодеятельность» местных органов и общественных организаций. Конечно, всякая подобная инициатива нужна и полезна. Однако в таком деле, как повсеместное внедрение советских обрядов, нельзя полагаться только на местную инициативу. Необходимо государственное (по крайней мере в масштабах каждой союзной республики) планирование строительства Домов бракосочетания и Домов малютки в крупных городах, перестройки местных загсов в остальных населенных пунктах. Необходим постоянный контроль за коренным улучшением состояния кладбищ и постройкой в них траурных павильонов, снабженных всем необходимым для проведения похорон. Необходимы, наконец, типовые проекты всех этих зданий и сооружений, созданные с учетом различных условий, в том числе климатических, национальных традиций и т. д.

Все это, несомненно, потребует определенных затрат. Однако эти затраты не очень велики, а главное, на такое дело, как обрядовое оформление важных событий в жизни миллионов советских людей, не следует жалеть средств. Кстати, можно продумать и вопрос о том, чтобы за проведение каждого обряда взималась определенная плата.

Не менее важна организационная сторона. Можно построить великолепное здание, но, если в этом здании будут работать равнодушные люди, создание новых обрядов будет погублено. Для работников загсов, Дворцов и Домов бракосочетания, Домов и павильонов траура, кладбищ необходима специальная подготовка. Нужно заботливо отбирать и воспитывать талантливых организаторов обрядов, поощрять их морально и материально, популяризировать их опыт в печати.

В ряде республик внедрению новых обрядов уделяется уже сейчас большое внимание со стороны государственных органов. В Эстонской ССР, например, повсеместно в районах созданы советы по гражданским обрядам, подчиненные по административной линии исполкомам местных Советов. Советы по гражданским обрядам выделяют организаторов обрядов, заключают договоры с духовыми оркестрами и с комбинатами бытового обслуживания, обеспечивающими советы похоронными принадлежностями и надгробиями. Советы берут на себя всю организацию обрядов, но взимают за это определенную плату от организаций или частных лиц. Взят курс на перевод таких советов на полный хозрасчет. В распоряжении каждого совета имеются автобусы и автофургоны, звукоусилители, художественно оформленные бланки документов и т. д. Всю работу по внедрению гражданских обрядов в республике координирует Совет гражданских обрядов при Совете Министров Эстонской ССР¹.

На Украине была создана республиканская комиссия по изучению и внедрению в быт новых гражд-

¹ См. В. Я. Ранне. Новые обряды и их место в духовной жизни советских людей.— «Вопросы научного атеизма», вып. 13, стр. 184—186.

данских праздников и обрядов. Аналогичные комиссии созданы в областях республики, в колхозах, совхозах и на отдельных предприятиях. Республиканская комиссия, опираясь на накопленный опыт, разработала проекты основных семейных обрядов: свадьбы, наречения имени новорожденному, похорон. Министерство бытового обслуживания населения УССР совместно с областными и городскими советскими органами создает в составе районных и городских комбинатов бытового обслуживания специальные организации, которые будут выполнять заказы на все виды услуг, связанных с проведением свадеб и торжественной регистрации новорожденных. Намечено строительство помещений для Домов торжественных событий, Домов траура и траурных площадок на кладбищах. Госстрой УССР разрабатывает типовые проекты этих зданий¹.

Думается, что опыт этих республик заслуживает всемерного распространения.

Вторая проблема, которая требует своего решения,— это проблема унификации и кодификации обрядов. На первом этапе развития советской обрядности разнорядной в обрядах, создаваемых в различных областях и районах, был не только неизбежен, но и играл известную положительную роль. Ведь для нахождения наилучшей ритуальной формы необходимо было прежде всего опереться на реальный практический опыт, выбрать из него все полезное и удачное и отбросить неудачное. Вне практической проверки, только лишь с помощью теоретических, умозрительных рассуждений сделать это было невозможно.

Сейчас пришло время осмыслить и обобщить имеющийся опыт на местах и приступить к унификации и кодификации ряда советских обрядов (прежде всего семейных) в масштабах союзных республик. И теоретические, и практические соображения подсказывают при этом, что унификацию и кодификацию обрядов целесообразно проводить в масштабах союзных республик, а не всего Союза в целом.

¹ См. «Наука и религия», 1973, № 4, стр. 32—33.

Во-первых, это определяется необходимостью учитывать в обрядах национальные традиции и национальные особенности каждого народа. Советские обряды интернациональны по своему основному идейному содержанию, но они, как и другие элементы культуры социалистических наций, выступают в национальной форме. Было бы грубой ошибкой понимать унификацию советских обрядов как лишение их всякого национального своеобразия, национальной самобытности. Не нужно забывать, что в обрядах слились воедино многие элементы художественного творчества народа — песня, музыка, танец, — которые ценны именно своим национальным своеобразием. Обряд как синтетическое художественно-образное действие издавна был важным компонентом национальной культуры. Лишать его национального своеобразия ни в коем случае не следует. Конечно, не следует и превозносить все архаические элементы обрядности прошлого только потому, что они когда-то составляли элемент национальных традиций. Об этом уже говорилось. Задача состоит в том, чтобы включить в советские обряды те элементы национальной культуры прошлого, которые бы органически выражали новое мирозерцание, нормы и принципы коммунистической морали.

Во-вторых, унификация и кодификация советских обрядов (прежде всего семейных) в масштабах союзных республик вполне отвечает существующему в нашей стране законодательству, согласно которому законодательные акты, регулирующие семейные отношения, носят республиканский, а не общесоюзный характер.

Надо сказать, что работа по унификации и кодификации советских обрядов в некоторых союзных республиках уже началась. В частности, на Украине готовится кодификация новой обрядности. Разрабатываются специальные рекомендации Верховного Совета республики, регламентирующие порядок проведения, символику и атрибутику семейных гражданских обрядов. По поручению Президиума Верховного Совета УССР городской загс в Житомире воплощает подготовленные рекомендации в жизнь,

проводит как бы «обкатку» намеченных ритуалов. На этот «полигон» постоянно выезжают представители общественности, члены республиканской комиссии, чтобы учесть практический опыт при доработке рекомендаций¹.

Унификацию и кодификацию обрядов не следует понимать как полное и абсолютное их единообразие, как установление жесткого регламента всех их элементов. Речь идет о создании общей основы ритуалов, о регламентации их главных, существенных компонентов. Унификация в главном не будет означать полного и абсолютного тождества всех однотипных обрядов в республике. Напротив, единообразие в основном будет предполагать разнообразие в деталях. Унификация должна проводиться весьма осторожно, без излишней поспешности и административного рвения. Она должна опираться на местный опыт, а не отбрасывать его.

¹ См. «Наука и религия», 1973, № 4, стр. 43.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, на вопрос, поставленный в заголовке книги, мы отвечаем четко и недвусмысленно: мы за советские обряды, за их становление и самое широкое распространение в нашей стране.

Опыт формирования и развития советской обрядности показывает, что опасения и возражения некоторых противников новых обрядов в главных их пунктах беспочвенны и неосновательны. Неосновательна их попытка доказать, будто эпоха научно-технической революции чужда обрядности, будто современный человек не нуждается в ритуальном оформлении значимых для него и для общества событий. Не только теория, но и практика всей нашей жизни подсказывают, что потребность в обрядовом оформлении важных для общества, коллективов, групп и личности событий объективно существует в условиях развитого социализма и будет существовать и в дальнейшем. Эта потребность определяется не какими-либо временными, исторически преходящими обстоятельствами, а коренными, постоянными условиями социального бытия человека как субъекта действия и познания, как думающего и чувствующего существа. Динамизм современной общественной жизни, могущественные средства науки и техники, поставленные человечеством себе на службу, новые условия быта и проведения досуга — все это не только не уничтожает потребности в обрядах, но, напротив, делает эту потребность более острой, более очевидной. Известно, что человек, погруженный в мир технических конструкций и математических формул, не только не теряет интереса и вкуса к прекрасному, потребности в эстетических переживаниях, но, как правило, ощущает эту потребность более глубоко и остро.

Обряд, как уже подробно говорилось выше, есть важный компонент человеческой духовной культу-

ры, средство эмоционально-психологического приобщения личности к обществу или социальной группе. В условиях социализма, где достигнуто единство личности и общества, он становится одной из эффективных форм коммунистического воспитания трудящихся, их приобщения к научному мировоззрению и коммунистической морали. Научно-технический прогресс не может уменьшить потребность в обрядах, ибо он не снижает потребности в различных средствах регулирования отношений человека и общества, человека и коллектива. Обряд как специфическое средство такого регулирования, активно воздействующее не только на разум, но и на чувства личности, всегда останется неотъемлемым компонентом социалистической, а затем и коммунистической культуры.

Справедливость этих выводов доказывается, в частности, тем, что новые обряды формируются и развиваются во всех социалистических странах. В настоящей книге речь шла о становлении советской обрядности. Не затрагивая этого вопроса специально, необходимо в то же время подчеркнуть, что развитие всех социалистических стран полностью подтверждает необходимость становления и широкого распространения новых обрядов. Во многих социалистических странах накоплен интересный опыт создания новых ритуалов с учетом национальных традиций.

Вместе с тем опыт развития социалистических стран показывает, что применение ритуальных форм целесообразно не всегда. Можно предположить, что ритуальные формы при социализме непригодны для целей, связанных с деловым обсуждением тех или иных вопросов и принятием согласованных и продуманных решений. Но они необходимы и целесообразны в тех случаях, когда речь идет об усвоении трудящимися уже выработанных коллективно всем обществом идей, решений, норм и ценностей.

Необоснованными являются опасения тех лиц, которые считают, что любые обряды неразрывно связаны с религией. Обряды в прошлом далеко не всегда носили религиозный характер, в истории бы-

ло немало народных обрядов, направленных против церкви и религии. Обряд представляет собой всегда коллективное символическое действие. Что же касается содержания обрядовых символов, то в разные эпохи, у разных классов и социальных групп оно может быть самым различным. Социалистические обряды, в отличие от религиозных, утверждают идеи и принципы научного, материалистического мировоззрения и коммунистической морали. Поэтому беспочвенны опасения, что новые обряды будут содействовать сохранению религии. Напротив, они являются важным фактором ее постепенного преодоления.

Настоящая книга не претендует на полное, исчерпывающее освещение всех вопросов, связанных со становлением новых обрядов в нашей стране. Разговор о советских обрядах будет продолжаться. Важно только, чтобы этот разговор не был ни слишком абстрактным, оторванным от реальной практики, ни слишком заземленным описанием эмпирического опыта без попыток его критического осмысления.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил на XXIV съезде партии: «Великое дело — строительство коммунизма невозможно двигать вперед без всестороннего развития самого человека»¹. Социалистические обряды являются одним из важных средств развития и воспитания советских людей, их приобщения к коммунистическому мировоззрению и морали. Этим и определяется их значение, их место в развитии нашего общества. Они неотъемлемый элемент жизни и быта нашего народа, важное завоевание социалистической культуры.

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1972, стр. 83.

СОДЕРЖАНИЕ

	ДИАЛОГ ОБ ОБРЯДЕ	3
Глава первая.	ОБРЯД КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ	11
	Культура и формы ее передачи новым поколениям	—
	Обычай и его роль в обществе	17
	Специфика обряда	21
	Обряд как символическое действие	23
	Обряд, обычай, праздник, игра	27
	Эстетическая сторона обряда. Обряд и искусство	33
	Социальные функции обряда	36
	Форма и содержание обряда	43
	Национальные черты обряда	47
	Обряды в различных общественных формациях	51
Глава вторая.	РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ И ИХ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ	62
	Возникновение религиозных обрядов	63
	Культ как специфический элемент религии	69
	Виды культовых действий	71
	Символическая природа религиозного культа	79
	Консерватизм религиозного культа. Религиозные обряды и праздники	82
	Средства эстетического воздействия в системе культа	90
	Эмоционально-психологическое воздействие религиозного культа	94
	Религиозные обряды и национальные традиции	96
	Почему в социалистическом обществе существуют религиозные обряды?	105

Глава третья.	ОБРЯДЫ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ	109
	Предпосылки советской обрядности и ее становление	110
	Система обрядов в социалистическом обществе	118
	Идейное содержание и социальные функции социалистических обрядов	135
	Социалистические обряды как фактор атеистического воспитания	139
	Советские обряды и праздники	147
	Новое и старое	152
	Стихийность или сознательное творчество?	161
	Некоторые практические вопросы	165
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	171

ДМИТРИЙ
МОДЕСТОВИЧ
УГРИНОВИЧ

ОБРЯДЫ

ЗА И ПРОТИВ

Заведующий редакцией
А. В. БЕЛОВ

Редактор
С. С. НИКОНЕНКО

Младший редактор
Г. И. ЖАРИКОВА

Художник
Б. Г. ПОПОВ

Художественный редактор
В. А. ТОГОБИЦКИЙ

Технический редактор
Л. А. ДАНИЛОЧКИНА

Политиздат.
125811, ГСП,
Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Ленина
типография
«Красный
пролетарий».
Москва,
Краснопролетар-
ская, 16.

Сдано в набор 25 февраля 1975 г.
Подписано в печать 14 мая 1975 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типо-
графская № 2. Условн. печ.
л. 9,24. Учетно-изд. л. 8,55. Ти-
раж 200 000 (100 001—200 000) экз.
А11233. Заказ № 4598. Цена 27 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975